РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРІѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

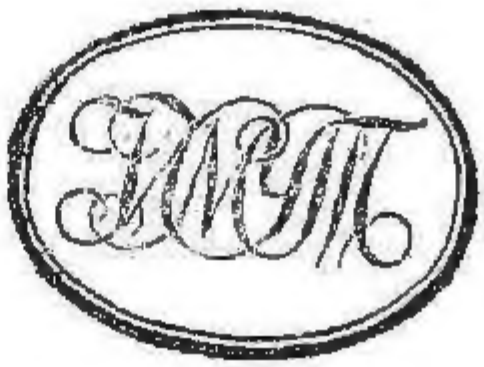
Изданіе третіе и вновь дополненное.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Іюля 12го дня 1823 года. *О. П. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*



ОГЛАВЛЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Обозрѣніе различныхъ сужденій о ПЕТРѢ Первомъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Екатерина Первая. — Подробности о ея жизни. — Она родилась 1684 г. въ *Маріенбургѣ*. — 1702 Г. Екатерина досталась Рускимъ въ плѣнъ. — 1707 Г. бракосочетаніе Петра Перваго съ Екатериной. — 1711 Г. передъ походомъ Петра Перваго въ Турцію Екатерина всенародно объявлена супругою его. — 1714 Г. учрежденъ Орденъ Екатерины Мученицы. — 1722 Г. сопровождала она супруга своего въ Персидскій *походъ*. — 1724 Г. Екатерина *коронована* въ Москвѣ. — Подробности о вступленіи ея на престолъ. — Мнѣніе Ѳеофана Прокоповича о царствованіи Екатерины Первой. — Бракосочетаніе Анны Петровны съ Герцогомъ *Карломъ Фридерикомъ*. — 1726 Г. учрежденіе Верховнаго Совѣта. — Въ продолженіи сего года овдовѣла Анна, дочь Іоанна, брата Петра Перваго. — Меншиковъ домогается быть Курляндскимъ Герцогомъ. — Происки его вра-

говъ. — Мщеніе Меншикова. — Екатерина подтверждаетъ союзъ съ Австріей и Гишпаніей. — Грузинскій Царь прибѣгаетъ подъ ея покровъ. — Установленіе Ордена Александра Невскаго. — Смерть Екатерины Первой. — Она царствовала *два* года и *три* мѣсяца.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Петръ Вторый вступилъ на престолъ 1727 г. Мая 7 дня. — Письмо юнаго Императора къ сестрѣ его Наталіи. — Нарушеніе духовной Екатерины Первой. — Меншиковъ полномочный блюститель юнаго Государя. — Обрученіе Петра съ Маріей, дочерью Меншикова. — Предпріятія враговъ его. — Первоначальная причина паденія Меншикова. — Болѣзнь его. — Успѣхи его сопротивниковъ. — Василій Лукичь *Долгорукій* избранъ Верховнымъ Совѣтомъ въ наставники Петра Втораго. — Остерманъ сочиняетъ руководство къ ученію его. — Возвращеніе изъ чужихъ краевъ юнаго Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова. — Неосторожность выздоровѣвшаго Меншикова. — Меншиковъ переселяетъ въ Петергофъ Императора и любимца его К. И. А. Долгорукова. — Участіе Остермана въ низверженіи Меншикова. — Ослѣпленіе Меншикова. — Паденіе Меншикова. — Великодушіе его въ злополучіи. — Торжествующіе его враги постепенно его уничижаютъ. — Князь Меншиковъ обращается въ крестьянское состояніе. — Заблужденіе его гонителей. — Бѣдственная участь семейства Меншикова. — Смерть супруги Мен-

шикова, урожденной *Арсеньевой*. — Прибытіе Меншикова въ Сибирь. — Поруганія, оказанныя ему. — Отвѣтъ Меншикова. — Отправленіе Меншикова на *Березовы острова*. — Скоропечное торжество враговъ Меншикова. — Петръ отправляется въ Москву. — Вызовъ Евдокіи Ѳеодоровны, первой супруги Петра Перваго. — 1728 Г. 26 Февраля Петръ вѣнчался на Царство. — Горестное начало 1729 г., — Смерть Наталіи, сестры юнаго Императора. — Кончина Адмирала Ѳеодора Матвѣевича Апраксина. — Внутреннее и внѣшнее состояніе Россіи. — Въ Ноябрѣ 1729 г. происходило обрученіе Петра Втораго съ Княжною Долгорукой — Помолвка Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова съ дочерью Графа Бориса Петровича Шереметева. — Смерть Маріи, дочери Меншикова и первой невѣсты Императора Петра Втораго. — Болѣзнь Государя и кончина, постигшая его 18 Января 1730 г.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Избраніе на престолъ Анны Ивановны. — Верховный Совѣтъ предпринимаетъ ограничить самодержавную власть. — Прибытіе Анны изъ Митавы. — Воцареніе ея 28 Апрѣля 1730 г. — Пріѣздъ Бирона. Уничтоженіе условія Анны съ Верховнымъ Совѣтомъ. — Остерманъ, помогавшій Долгорукимъ низвергнуть Меншикова, выдаетъ ихъ Бирону. — Паденіе Долгорукихъ. — Изгнаніе. — Примѣрная вѣрность и любовь Наталіи Борисовны, въ горестные дни сочетавшейся бра-

комъ съ К. И. А. Долгорукихъ. — Долгорукихъ ссылаютъ на *Березовы* острова, туда же, гдѣ умеръ гонимый имя Меншиковъ. — Наталія послѣдуетъ за супругомъ своимъ. — Встрѣча Василія Лукича Долгорукова съ дочерью Меншикова. — Дѣти Меншикова возвращены въ Петербургъ. — Переѣздъ Императрицы по совѣту Миниха изъ Москвы въ Петербургъ. — Минихъ произведенъ Фельдмаршаломъ. — Остерманъ ссоритъ Бирона съ Минихомъ. — Полковникъ *Левенвольдъ*, врагъ Миниха. — Миниху приказано выѣхать изъ дворца. — 1734 Г. миръ съ *Тахмасъ-Кулыханомъ*. — 1734 Г. новыя волненія въ Польшѣ по случаю смерти Короля Августа Втораго. — Франція вступается за Станислава *Лещинскаго*. — Австрія и Россія за Курфирста *Саксонскаго*. — Война. — О причинахъ сей войны изъ *Вольтера* и Ѳеофана *Прокоповича*. — Мужество Русскихъ. — Колеблемость Французскаго Правительства въ доставленіи помощи Лещинскому, осажденному въ Данцигѣ. — Переодѣтый Станиславъ убѣгаетъ изъ Данцига. — Сдача сего города. — Слово, произнесенное Ѳеофаномъ по случаю сей побѣды. — Вспомогательное войско Русскихъ на Рейнѣ 1734 г. — Въ продолженіи 1736 года смерть Ѳеофана *Прокоповича*. — Внутреннія неустройства въ Польшѣ. — Франція возбуждаетъ Турцію противъ Россіи. — Побѣды Миниха. — Взятіе грозныхъ *Перекопскихъ* укрѣпленій. — Отличные подвиги въ Крымскую войну Генералъ-Маіора *Леслі*. — Принцъ *Гессенъ Гомбургскій* вооружаетъ Русскихъ начальниковъ противъ Миниха. — Смерть *Левенвольда*, непримиримаго врага Миниха. —

Минихъ ведетъ войско *карелми.* — Въ зимніе мѣсяцы 1736 и 1737 г. вторженіе Татаръ въ Украинскіе предѣлы. — Мужественная смерть отважнаго Генерала *Леслм.* — Военная хитрость Миниха. — Неудачный приступъ къ Очакову. — Взятіе сей крѣпости. — Грозное правленіе Бирона. — Казнь Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова. — Великодушная его смерть. — Ссылка Бирономъ многихъ Дворянъ въ Сибирь. — По окончаніи *втораго* похода за Рускими остались *Азовъ*, *Очаковъ* и *Кинбургъ*. — Мая 1738 г. Русскіе переправились за *Днѣстръ*. Подвигъ Бригадира Шипова. — Личная храбрость Миниха — *Третій* походъ противъ Турокъ воспослѣдовалъ 1739 г. — Опасное положеніе Рускаго войска. — Радостныя надежды Шведовъ и Поляковъ. — 28 Августа знаменитая *Ставучинская* побѣда. — Легкое покореніе *Хотина* и первая Ломоносова ода, сочиненная по сему случаю. — Начало *новаго стихотворства* въ Россіи. — Бракосочетаніе Анны Леопольдовны *Мекленбургской* съ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ. — Виды Бирона въ заключеніи сего брака. — Австрія безъ сношенія съ Россіей мирится съ Турціей. — Письмо Миниха къ Князю *Лобковицу*, начальнику *Трансильваніи.* — Россія, оставленная Австріей, вступаетъ въ невыгодный миръ съ Турціей, безъ сношенія о томъ съ побѣдоноснымъ Минихомъ. — Несказанныя бѣдствія Россіи подъ управленіемъ Бирона. — Учрежденіе *Доимочнаго Приказа и секретной или тайной казны.* — Биронъ ссоритъ Остермана съ Волынскимъ. — Казнь Артемія Волынскаго. — Умныіе Императрицы Анны. —

Мѣры, предпринимаемыя Бирономъ къ разсѣянію скорби ея. — Смерть Императрицы Анны. —

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Второе междуцарствіе во Россіи.

Духовная, сочиненная Бирономъ во время болѣзни Императрицы Анны. — Биронъ полномочный опекунъ младенца *Іоанна*. — При вынуждаемой присягѣ Бирономъ, многіе изъ Русскихъ восклицали: *не хотимъ быть рабами иноплеменника!* — Минихъ низвергаетъ Бирона. — Анна Леопольдовна временная правительница Государства. — Ссылка Бирона. — Онъ *двадцать* только дней именовался Высочествомъ. — Различныя мнѣнія о Минихѣ, содѣйствовавшемъ къ возвышенію Правительницы. Онъ неосторожно поступилъ, обойдя Елисавету, дочь Петра Великаго. — Зависть Остермана къ Миниху. — Начальное низверженіе Миниха. — Послы въ Петербургѣ изъ Австріи и Пруссіи. — Временное возвышеніе Остермана, восторжествовавшаго надъ Минихомъ. — Война въ Европѣ. — Распри при Дворѣ Русскомъ. — Междуусобія Министровъ. — *Головкинъ* соперникъ Остермана. — Чрезвычайный *Сеймъ* въ Швеціи. — 1741 Г. Шведы вооружаются противъ Россіи. — 1741 Г. достопамятное сраженіе подъ *Вильманстрандомъ*. — Шведы объявляютъ, что они вооружились, чтобъ *освободить Россію отъ ига иностранцевъ*. — Быстрая и неожиданная перемѣна правительства. —

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Произшествія до возшествія на престолъ Елисаветы Петровны и царствованія ея.

Различныя мнѣнія *иностранцевъ* о возшествіи на престолъ Елисаветы. — Мнѣніе Россіянъ (1). — Елисавета, по словамъ *Ломоносова*, въ *одну ночь завладѣла полсвѣтомъ*. — Паденіе Остермана, Миниха, Головкина и прочихъ. Ссылка ихъ. — 23 Февраля 1742 г. Елисавета отправилась въ Москву. — Возвращеніе изъ заточенія Наталіи Борисовны *Долгорукой*. — Новая Императрица предлагаетъ ей жениха; она отъ всего отрекается и посвящаетъ себя Богу и воспитанію дѣтей. —

Вызовъ въ Россію сына Анны Петровны. — Война со Шведами. — Дополненіе изъ Записокъ Короля Прускаго о произшествіяхъ 1742 г. касательно Европы и Россіи. — 1743 Г. смерть Князя Антіоха *Кантемира* въ Парижѣ. Подробности о жизни его. — 1744 Г. прибытіе въ Москву Принцессы *Ангальтъ - Цербской*. — 1745 Г. Елисавета посредница между Европейскими Державами. Письмо по сему случаю Людовика XV къ Елисаветѣ. — Происки иностранныхъ Министровъ въ Петербургѣ. — Размолвка съ Прусскимъ Дворомъ. — 1747 Г. Императрица отправила на помощь *Маріи Терезіи* 37,000 Рускаго войска подъ начальствомъ Репнина. — Смерть Остермана. — 1752 Г. Обрѣтеніе мощей Святаго Димитрія Ростовскаго. —

---

(1) Изъ рукописи.

Докладъ Французскаго духовенства о развращныхъ книгахъ. — Необычайныя явленія въ природѣ и въ обществахъ политическихъ. — 1755 Г. землетрясеніе въ *Лиссабонѣ* и прочихъ странахъ свѣта. — Мнѣніе о семъ Короля Прусскаго. — Проповѣдь о томъ же *Гедеона*. — Война Европейская. — Походъ Апраксина въ Пруссію. — Первая побѣда Рускихъ въ Пруссіи 19 Августа 1757 и причины неудачнаго похода. — Семилѣтняя война. — 1759 Г. 1 Августа Франкфуртская битва. Мысль Суворова о сей битвѣ и начальные подвиги сего Героя. — Берлинъ занятъ былъ союзниками 1760 и 1761 г. — Война отрядами или *партизанская*. — 1761 Г. Румянцевъ беретъ *Колбергъ*. — Обозрѣніе политическихъ произшествій Европейскихъ отъ исхода 1761 г. до кончины Императрицы Елисаветы, почерпнутое изъ сочиненій Короля Прусскаго Фридерика Втораго.

РУСКАЯ
ИСТОРІЯ.

ОТЪ КОНЧИНЫ ПЕТРА ПЕРВАГО,

ТО ЕСТЬ ОТЪ 1725 ДО ПОЛОВИНЫ 1762 ГОДА.

ОБОЗРѢНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ СУЖДЕНІЙ О ПЕТРѢ ПЕРВОМЪ.

Второе бытіе правителей народовъ начинается съ того времени, когда они переходятъ за предѣлъ сей жизни. Сошедъ во гробъ, они вступаютъ въ храмъ Исторіи. Но естьли при жизни Царей лесть и ласкательство заглушаютъ и затмѣваютъ истину, то и по смерти они не рѣдко подвержены сужденіямъ неосновательнымъ и превратнымъ. Съ Петромъ *Первымъ*, съ Петромъ истинно Великимъ, случилось все необычайное. Когда онъ жилъ, собственные его подданные опасались говорить ему истину, и сей правдолюбивый Государь передъ вѣщаніями истины не только смирялъ порывы запальчивости, но и изъявлялъ признательность, какъ за благо, которымъ сердце его болѣе всего дорожило; не стало Петра, и подданные его, привыкнувъ къ истинѣ при жизни своего правителя, и по разлукѣ съ нимъ признавались, что они лишились и Государя и Отца. Имъ не нужно было льстить его

праху, но имъ сладостно было повторять: *блаженны тѣ очи, которыя зрѣли Государя правдолюбиваго!* Екатерина Вторая, неусыпная наблюдательница всѣхъ путей, проложенныхъ Петромъ: — Екатерина всего болѣе уважала въ немъ любовь къ истинѣ. Получа отъ *Вольтера* вторую Часть Исторіи его о семъ Государѣ, она писала къ нему: „Чувствительно благодарю васъ за вторую Часть Исторіи Петра Великаго. Естьлибъ въ то время, когда вы предприняли сочиненіе оной, мнѣ было извѣстно все то, что относится къ жизни его, то вамъ бы сообщены были лучшія и исправнѣйшія записки. Не льзя довольно удивляться душевнымъ качествамъ сего великаго человѣка. Онъ живо изобразилъ себя въ собственныхъ своихъ письмахъ и я намѣрена оныя напечатать. Въ немъ то было всего любезнѣе и привлекательнѣе, что, при всей запальчивости своего нрава, онъ всегда покорялся истинѣ. По моему мнѣнію и за сіе одно превосходное качество онъ достоинъ памятника.“

Такъ вѣщала Екатерина, присоединяя голосъ свой къ голосу современниковъ Петра Перваго.

Англинскіе и Германскіе писатели, удивляясь Петру преобразователю, въ Государственномъ его устройствѣ находили настоящіе Государственные подвиги.

Не такъ судили Философы, Историки и Политики, провозглашавшіе себя судіями Царствъ и народовъ. Французскіе писатели *Мабли*, Жанъ-Жакъ *Руссо* и *Кондильякъ*, какъ будто бы забывъ, что уже Петра нѣтъ на свѣтѣ, предначертывали правила свои и указывали ему путь, которыя уже не могли для него существовать.

Мабли порицаетъ Петра за то, что онъ, оставя скипетръ и престолъ, простеръ руки свои къ трудамъ въ видѣ простаго работника. „Не въ *Сардамѣ*“ говоритъ онъ: „надлежало ему трудиться, но въ Россіи. Ему слѣдовало созидать новое законодательство для своихъ подданныхъ!“ *Кондильякъ* (*), родной братъ *Мабли*, при-

(*) Изъ многихъ Историковъ, повѣствовавшихъ о Петрѣ, я нарочно выбралъ Кондильяка. Извѣстно, что въ осмнадцатомъ столѣтіи послѣ Англичанина *Локка*, знаменитаго наблюдателя способностей ума человѣческаго, Кондильякъ почитался первымъ писателемъ въ семъ родѣ.

держиваясь его мнѣнія, продолжаетъ: „Желая образовать свой народъ, Петръ не долженъ былъ *вмѣшиваться* въ *распри* Европейскія. Правда, что для свободной торговли съ иностранцами ему нужно было *пріобрѣсть пристани* на Балтійскомъ морѣ; но попеченія о торговлѣ надлежало предварить усовершенствованіемъ *земледѣлія* и образованіемъ подданныхъ. Петръ долженъ былъ наблюдать въ Исторіи выгоды и недостатки *правительствъ*, посредствомъ чего и пріобрѣлъ бы онъ нужныя свѣдѣнія о правительствѣ. Европейскіе народы, худо управляемые и развращенные, должны были вовлечь его въ заблужденіе.“

Не входя ни въ какое изслѣдованіе *Кондильякова* мнѣнія о Петрѣ Первомъ и не говоря и о томъ, что онъ въ одно и то же время представляетъ Россію въ *дикомъ*, а Европу въ *развращенномъ* состояніи, замѣтимъ только, что сей Историкъ, Философъ, Политикъ и наставникъ Принца *Пармскаго* хвалитъ за то Царя Алексѣя Михайловича, за что порицаетъ сына его Петра.

„Царь Алексѣй Махайловичъ“ говоритъ *Кондильякъ*: „въ юности своей подвергся ненависти отъ временщиковъ, утѣснявшихъ народъ; но принявъ въ собственныя руки бразды правленія, онъ пріобрѣлъ любовь общественную. Кажется, что онъ первый изъ Рускихъ Царей усмотрѣлъ невѣжество своихъ подданныхъ; онъ убѣдился, что имъ надлежитъ доставить законы, искусства и познанія. Онъ благопріятствовалъ торговлѣ, завелъ фабрики, поручилъ переводить книги о искусствахъ и наукахъ. Не взирая на предразсудки, возбранявшіе всякое сообщеніе съ иностранцами, онъ вызвалъ иностранцевъ просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ; онъ населилъ безлюдныя области. Въ его правленіе Рускіе стали извѣстны въ областяхъ Европейскихъ и Азіятскихъ; ибо до него они были въ сношеніи съ тѣми только народами, съ которыми воевали.“

Но говоря о томъ, что въ этомъ отрывкѣ одна тѣнь справедливости, замѣчу только, что *Кондильякъ* не порицаетъ Царя Алексѣя Михайловича за сближеніе его съ иностранцами; а негодуетъ на сына его за то, что онъ для обозрѣнія

иностранныхъ земель оставилъ Отечество. Повторимъ еще слова *Кондильяка*, повторимъ слова наставника Принца *Парискаго*: „Петру“ говоритъ онъ: „нечего было заимствовать въ областяхъ Европейскихъ; прежняя ихъ слава угасала, а развратъ повсюду воцарялся.“

И такъ, по свидѣтельству *Кондильяка*, Европа не могла просвѣтить Петра. „Сія Европа“ продолжаетъ онъ: „при всемъ своемъ просвѣщеніи и при всѣхъ блестящихъ искусствахъ, представляетъ очевидные недостатки въ правленіи. Кажется, что Европейскіе народы для того только воюютъ, что слышали, что и прежде были народы завоевательные, не разсуждая, что тѣ народы иначе управлялись. И дѣйствительно: предпріятія Европейцевъ всегда превышаютъ ихъ возможности. Поднимая оружіе, они не знаютъ способовъ къ поддержанію онаго, не предвидятъ неизбѣжныхъ препонъ, и однакожъ льстятся успѣхами. Но вскорѣ, лишась средствъ, они испомляются, и воюя вмѣстѣ, они всѣ вмѣстѣ просятъ и мира. Кто по видимому болѣе пріобрѣлъ успѣховъ, тотъ въ подлинномъ смыслѣ становится слабѣе; и

между тѣмъ, какъ стихотворцы величаютъ владыку, народы стонутъ подъ сѣнію лавровъ. Горестное убѣжище (*)!“

Естьли Европа, по собственному признанію Европейцевъ, не могла ни въ чемъ служить Петру образцемъ; естьли вся первобытная слава Европейская обратилась къ пагубѣ народовъ: то кто же былъ руководителемъ Петра, который, по простому свидѣтельству нашихъ лѣтописей, хотя и *пріобрѣлъ все то, что нужно было знать для тогдашняго Отечества въ Отечествѣ*; но который не зналъ того, что нужно было къ будущему поддержанію Россіи отъ упадка среди ополченія не *одного*, но *двадцати* Европейскихъ народовъ (**)? Кто на семъ дивномъ поприщѣ былъ руководителемъ Россійскаго Петра? Провидѣніе (***). Такъ! Провидѣніе, предъ очами

(*) Смт. въ новой Исторіи Кондильяка книгу XVII.

(**) Вольтеръ въ Жизни Петра Перваго утвердительно говоритъ, что Петръ, по собственному своему побужденію, предпринялъ всѣ новыя перемѣны въ Россіи, а что онъ говаривалъ только о томъ съ *Лефортомъ*.

(***) Ломоносовъ прежде меня назвалъ Петра даннымъ Богомъ Россіи для удивленія вселенной.

Котораго столѣтія мелькаютъ подобно скоротечнымъ мгновеніямъ.

По волѣсего неисповѣдимаго Провидѣнія, управляющаго и неизмѣримою вселенною и судьбою Царствъ и народовъ, — по волѣ сего Провидѣнія ровно черезъ *два* столѣтія долженствовалъ наступить для Россіи другой *двѣнадцатый годъ*, годъ гибельный, годъ разрушительный, годъ озарившійся и величайшими бѣдствіями и несказанною славою. Провидѣніе спасло Россію въ *первый двѣнадцатый* годъ, то есть 1612 года; Провидѣніе спасло Россію и во второй *двѣнадцатый годъ*, Оно спасло ее, приготовя къ сему времени въ нѣдрахъ ея всѣ искуства, всѣ знанія, всѣ опыты просвѣщенія странъ Европейскихъ; Оно все сіе приготовило къ отраженію двадцати народовъ тѣхъ же самыхъ Европейскихъ областей.

Обрекая народы къ необычайнымъ испытаніямъ, Провидѣніе посылаетъ и людей необычайныхъ. Въ числѣ сихъ необычайныхъ людей былъ Петръ; и Россія и вселенная, взирая на Петра, едва вѣрили, чтобы онъ могъ принадлежать къ сынамъ земнаго праха. Одни удивлялись Петру, другіе порицали его; но предъ опредѣлені-

ями вышнихъ судебъ зажмилисъ и спу-
шались всѣ сужденія знаменитѣйшихъ
Европейскихъ умствователей. „Изнеможен-
ная и развратная Европа“ говорили
они: „не можетъ доставить Петру ни-
чего полезнаго.“ Напротивъ того, Петръ
заимствовалъ въ нѣдрахъ ея все нужное и
къ ополченію мореходному и къ ополченію
сухопутному. Войны Европейскія“ воскли-
цали тѣ же умствователи: „влекутъ за со-
бою разореніе народовъ.“ Съ Петромъ не то
случилось. Двадцати одна-лѣтняя война,
необходимая къ доставленію Русскимъ воен-
ныхъ опытовъ; сія продолжительная война
не только не разорила, но еще обогатила
Государство. Подданные Петра Перваго
не стонали *подъ сѣнію лавровъ*, *щедро раз-
даваемыхъ стихотворцами* (1); они лико-
вали въ нѣдрахъ изобилія: они блаженство-
вали отъ сняпія многихъ налоговъ и отъ про-
щенныхъ недоимочныхъ милліоновъ. Но сіи
способы къ обогащенію своего народа не
извлекалъ онъ изъ странъ чуждыхъ. Петръ
жалѣлъ о *Карлѣ*, когда сей завоеватель по-
хищалъ *Саксонскія сокровища*. Выгоды и

(1) Слова *Кондильяка*.

пользы своего Отечества Петръ непосредственно находилъ въ Отечествѣ.

„Къ основанію и произведенію въ дѣйствіе толь великой морской и сухопутной силы“ говоритъ Ломоносовъ: „сверхъ того къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими *каналами*, къ укрѣпленію пограничныхъ мѣстъ валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію общественныхъ и частныхъ зданій новою *архитектурою*, къ снисканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ Придворныхъ и гражданскихъ: коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и разсудить, что къ тому не могли доставать доходы Петровыхъ предковъ. А потому премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутреннie и внѣшніе Государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія. И по врожденному своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не только казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ, но и общее подданныхъ спокойствіе и безопасность единообразнымъ

учрежденіемъ утвердится. Ибо, когда еще не было всего Россійскаго народа, и каждаго человѣка жилище извѣстно, своеволь-ство не пресѣчено, каждому, куда хочешь, переселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки нерѣдко запирались злодѣйствомъ грабителей и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не только села, но и города разорялись. Превратилъ премудрый Герой зло въ пользу, лѣность въ прилѣжаніе, разорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ населеніе подданныхъ, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать, чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ; умножилось прилѣжаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вреднѣйшими грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за Отечество (1).

(*) См. похвальное слово Ломоносова Петру Первому. Я не вхожу ни въ какія изслѣдованія о преобразованіи внутренности древняго на-

Кондильякъ страшился, чтобы Петръ не заразилъ Россіи Европейскимъ развратомъ, а Жанъ-Жакъ *Руссо* и другимъ еще возмущался страхомъ. Въ преобразованіи Россіи видѣлъ онъ предвѣстіе паденія Европы. „Русскіе“ говорилъ онъ: „превратясь въ Англичанъ, во Французовъ, въ Нѣмцовъ, предадутся нѣгѣ, праздности и заразятся всѣми прихотями роскоши Европейской. Между тѣмъ *Татары*, теперешніе сосѣди, а прежніе ихъ властелины, сохраняя дикую суровость свою, поразятъ Россію новымъ нашествіемъ и въ предѣлахъ Европы распространятъ ужасы войны, опустошеніе и порабощеніе народовъ.“

Нѣтъ! учрежденія, труды и заведенія Петра Перваго не открыли дикимъ Азіятцамъ входа въ Россію, но заградили имъ къ тому пути. А все то, что онъ предпринялъ и устроилъ, послужило къ изгнанію изъ Россіи, не *Татаръ*, вооруженныхъ мечтательнымъ воображеніемъ Жанъ-Жака *Руссо* на Россію и Европу; но *новая сила*, возрожденная Петромъ въ Россіи, при бла-

---

шего Отечества; но изъ повѣствованія Ломоносова о семъ преобразованіи можно видѣть причины подвигшія къ тому Петра Перваго.

годѣтельномъ содѣйствіи Провидѣнія, послужила къ вытѣсненію изъ предѣловъ Россіи *двадцати* Европейскихъ народовъ.

Назначая исполнителей воли своей, Провидѣніе даетъ имъ въ то же время всѣ душевныя качества, нужныя къ исполненію отдаленныхъ намѣреній, явственныхъ для Него, но облеченныхъ густымъ мракомъ для земныхъ умствователей.

И такъ разсмотримъ качества сего необычайнаго Петра, который, говоря словами Ломоносова, *необычайнымъ раченіемъ, а особенно неслыханнымъ примѣромъ, учинилъ невозможное возможнымъ.*

Самъ Творецъ природы и людей узаконилъ, чтобы человѣкъ жилъ для труда и трудомъ. И такъ, послѣ вѣры, трудолюбіе есть главное основаніе благоустройства общественнаго. Петръ Первый былъ *первымъ трудолюбцемъ* своего времени. Въ трудахъ находилъ и отраду, и удовольствіе, и отдохновеніе. Онъ отъ отроческихъ еще лѣтъ ознакомился съ трудомъ; и когда Бояре усиливались отвлечь его отъ онаго приманками охоты и другихъ забавъ, онъ говорилъ имъ: „Трудъ и раченіе суть двѣ главныя обязанности мужей свѣтлыхъ и

знаменитыхъ породой.“ Петръ Самодержецъ трудился такъ, какъ будто бы единственно рожденъ былъ для труда. Не съ восходомъ солнечнымъ, но съ появленіемъ первыхъ лучей зари утренней оставлялъ онъ одръ, и принимался за работу для того, чтобы имѣть сладостное удовольствіе приносить Вѣрѣ и человѣчеству пожертвованія отъ собственныхъ трудовъ. Онъ почиталъ различныя вещи; однѣ посвящалъ храмамъ Божіимъ, другія продавалъ для вспоможенія нуждавшимся страдальцамъ. Естьлибъ Петръ родился и въ участи простаго гражданина, то и тогда, при неусыпномъ своемъ трудолюбіи, находилъ бы способъ содержать себя и быть полезнымъ другимъ. Никакой блескъ пышности не прельщалъ его; но то, что непосредственно пріобрѣталось трудами, имѣло въ глазахъ его несказанную цѣну.

Вотъ примѣръ тому. Посѣщая *Миллеровы* желѣзные заводы, находившіеся въ *Истіи*, за девяносто верстъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ, и проживъ тамъ около мѣсяца для пользованія себя тамошними *минеральными* водами, выдѣлалъ онъ осмнадцать пудъ желѣза и каждую полосу отмѣ-

шилъ своимъ *штемпелемъ*. Возвратясь въ Москву, посѣтилъ онъ хозяина завода Вернера *Миллера* и спросилъ: *По чему платитъ онъ работнику за пудъ выкованнаго почтчнаго желѣза?* — *По одному алтыну*, отвѣчалъ Миллеръ. — *Я выработалъ*, продолжалъ Петръ: *я выработалъ у тебя осмнадцать алтынъ, и ты долженъ мнѣ заплатить.* Миллеръ отсчиталъ осмнадцать червонцевъ; Государь не принялъ и возразилъ: *На что мнѣ твои червонцы; я не лучше другихъ мастеровъ работалъ. Заплати мнѣ то, что имъ платишь. На эти деньги куплю я себѣ башмаки, которые мнѣ теперь нужны.* Нося сіи башмаки и указывая на нихъ придворнымъ своимъ, Петръ говорилъ: *Вотъ башмаки, которые я выработалъ самою трудною работою.* Сія необычайная страсть къ пруду и рвеніе къ пользѣ Государственной заставили его на время оставить престолъ и вписаться въ число корабельныхъ *Сардамскихъ* работниковъ. Трудясь для Россіи въ видѣ простаго работника, Петръ пріобрѣлъ способность, чтобы *ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не требовать.* Съ трудолюбіемъ сопряжены на-

слажденія, неизвѣстныя праздполюбцамъ. Отдыхая отъ работы въ скромной своей *Сардамской* комнатѣ, Петръ мысленно взиралъ уже на флоты, летящіе по морямъ, окружающимъ Россію; онъ видѣлъ славу, увѣнчавающую *Царя-работника;* онъ жилъ и въ настоящемъ времени и въ потомствѣ, — а сія сугубая жизнь и теперь ему принадлежитъ. За любовь къ труду безкорыстный и великодушный Петръ не взялъ бы никакихъ сокровищъ; но онъ отдалъ бы всѣ сокровища міра для увѣковѣченія того, что онъ называлъ *жизнію Россіи*: — для увѣковѣченія благочестія, трудолюбія и славы Россіи.

Въ похвальномъ своемъ словѣ Петру Первому *Фонтенель* весьма основательно объясняется о пребываніи нашего Государя въ Голландіи. „Петръ“ говоритъ онъ: „записался въ число Сардамскихъ работниковъ простымъ работникомъ подъ именемъ *Петра Михайлова.* Онъ для того принялъ сіе простое наименованіе, чтобъ со всѣхъ сторонъ сокрыть верховный свой санъ. Онъ совершенно о немъ забылъ, или лучше

(*) Выраженіе изъ похвальнаго слова *Ломоносова* Петру Первому.

сказать, никогда не вспоминалъ блистательнѣе о томъ, естьли достоинство верховнаго сана состоитъ не въ наружномъ сіяніи, но въ трудахъ, полезныхъ народу. Онъ работалъ на пристани прилѣжнѣе и ревностнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей, не предполагавшихъ себѣ той важной цѣли, къ какой онъ стремился. Всѣ знали Царя, всѣ указывали на него другъ другу съ уваженіемъ, относившимся не къ одной его личности, но которое особенно воздавалось труду его. *Вильгельмъ* Третій, бывшій тогда въ Голландіи и умѣвшій оцѣнять личныя достоинства, изъявлялъ къ нему душевное уваженіе. Званіе работника не уменьшило, но умножило его величіе.“

Любя трудъ, Петръ страстно желалъ видѣть различные труды и работы, производимыя въ областяхъ Европейскихъ. Вотъ причина склонности его къ путешествію, или лучше сказать, къ познанію того, что по предположенному имъ преобразованію почиталъ нужнымъ для Государства. Петръ всегда чуждался суетнаго любопытства. „Не о томъ должно спорить“ говоритъ одинъ иностранный

писатель: „вредно ли или полезно путешествіе, но о томъ, когда должно оное предпринимать. Путешествовать надлежитъ тогда, когда мы уже способны *наблюдать и судить.*“ Петръ точно въ такія лѣта отправился въ чужіе краи. Но сей Петръ, который, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, по особенному *смотрѣнію Божію*, опредѣленъ былъ отъ самой зари царствованія привыкать къ бѣдамъ и неудобствамъ, чтобы могъ на дальнѣйшемъ поприщѣ жизни переносить труды и бремя злоключеній, его ожидавшихъ, — сей Петръ и при первомъ шагѣ странствованія своего едва не подвергся погибели.“

„Подвигнулся Великій Государь“ говоритъ Ломоносовъ: „изъ Отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскія Государства и познать ихъ преимущества, чтобъ возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь переѣхалъ владѣнія своего предѣла, вездѣ ощутилъ великія и найдо поставленныя преграды. — Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія, и будущему своему пове-

липелю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, слезю открыли, и преодолѣнныя имъ опасности Балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили."

И такъ Провидѣніе, охранявшее Петра отъ бурь, возшумѣвшихъ при началѣ его царствованія, Провидѣніе охранило его и отъ погибели при началѣ его странствованія въ области чужеземныя.

Поѣздки Петра Перваго по Россіи Вольтеръ называетъ благодѣяніями, споспѣшествовавшими къ учрежденію общественнаго порядка и къ утвержденію правосудія. Петръ вездѣ останавливался, вездѣ наблюдалъ и вездѣ оставлялъ благотворные памятники обозрѣнія отечественныхъ странъ. Двадцатиодна-лѣтняя война, начатая съ войсками *младенческими* противъ войскъ, приводившихъ въ трепетъ Европу; терпѣніе, неусыпность и великодушное мужество *Петра-Полтавскаго* во всемъ блескѣ ознаменовали воинскія его дарованія. Разсуждая о Петрѣ Первомъ и о Карлѣ XII, Вольтеръ сказалъ: *Карлъ Двѣнадцатый заслуживалъ быть первымъ сол-*

датомъ *въ войскѣ* ***Петра Перваго*** (*). Напоминая о взятіи Нарвы, гдѣ Петръ Великій устремился къ оборонѣ утѣсненныхъ гражданъ, Вольтеръ говоритъ: *Естьлибо* ***Петръ*** *избявлялъ всегда такое великодушіе, то онъ былъ бы первымъ изъ смертныхъ.* Но," прибавляетъ онъ: „справедливость сего Государя часто доходила до суровости." Вольтеръ, Левекъ, Кондильякъ и другіе иностранцы увѣряютъ, будто бы Петръ самъ казнилъ стрѣльцовъ (**). Наконецъ въ книгѣ, изданной въ Парижѣ 1808 года, не устыдились разглашать, будто бы Россійской Государь былъ чуждъ и человѣколюбія, и великодушія, и добродѣтели. Въ той же книгѣ напечатано, будто бы Петръ, услышавъ въ Кенигсбергѣ, что есть казнь, называемая *колесованіемъ*, любопытствовалъ оную видѣть. Ему сказали, что въ городскихъ тюрьмахъ нѣтъ преступниковъ, заслужившихъ такую казнь; Петръ отвѣчалъ: *Нужды нѣтъ; возьмите*

(*) Смт. Жизнь Карла XII, сочиненную Вольтеромъ.

(**) Левекъ Часть 4, Парижское изданіе, 1782 г., стр. 143 и 144.

для того одного изъ моихъ служителей (*). Въ Исторіи своей, подъ заглавіемъ: *Исторія моего времени*, Фридерикъ Второй справедливѣе замѣчаетъ, что Петръ не подражалъ алчнымъ завоевателямъ, не домогался распространять предѣлы Державы своей, но старался только ограждать оные безопасностію.

И мы повторимъ слова одного знаменитаго Виніи: „Да удалятся отъ насъ герои безчеловѣчные!“ Но тотъ, кто, по словамъ Ломоносова, былъ *вездѣ великъ и своимъ отецъ*; тотъ Петръ не былъ никогда безчеловѣченъ ни на войнѣ, ни въ мирное время. Петръ доказалъ это и словами и дѣяніями своими. Историкъ *Татищевъ* въ духовномъ завѣщаніи сыну своему сохранилъ намъ одно изъ драгоцѣнныхъ изрѣченій Петра Перваго. „Лучше“ говорилъ сей правдолюбивый Государь: „лучше виновнаго и безсовѣстнаго помиловать закономъ, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить (**).“ Петръ не только дѣломъ,

(*) Я не упомянулъ бы объ этомъ, еслибъ сочинитель упомянутой книги не прибавилъ сихъ разсказовъ Фридерику Второму.

(**) См. Духовную Татищева стр. 37.

но даже и перомъ не желалъ никого огорчать. Получа отъ Адмирала *Апраксина* на нѣкоторыя замѣчанія свои печальное письмо, онъ отвѣчалъ ему сими незабвенными словами: „Вчерашняго дня получилъ я отъ васъ письмо, въ которомъ вы весьма опечалились ѣздою къ городу образомъ малодушія *Іонина*, не помня о томъ, въ какихъ бѣдахъ и печаляхъ вашъ предводитель обрѣтается. Естьлижъ полагаете, что я по какому негодованію то учинилъ, то повѣрьте, что и въ мысли моей того не было; ибо, ежелибъ я захотѣлъ, тогда бы могъ явно и безъ всѣхъ подлоговъ оказать сердечное мое разположеніе. Побывайте у насъ завтра и мы пространнѣе объяснимся.“ Наконецъ, могъ ли тотъ Петръ услаждаться казьнями и жертвовать служителями своими любымъ забавамъ; могъ ли тотъ Петръ не любить человѣчество, который, пренебрегая и жизнь и здоровье, бросился въ разъяренныя волны въ бурную осеннюю ночь для спасенія судна, утопавшаго на взморьѣ? Послѣдній подвигъ Петра, открывшій ему двери гроба, былъ подвигомъ Царя, спасителя подданныхъ своихъ.

Жизнію Петра одушевлялась Россія и по смерши его. „Екатерина Первая“ говоритъ *Фонтенель* въ похвальномъ словѣ своемъ Петру Первому: „знавшая цѣль всѣхъ предпріятій своего супруга, никогда отъ оной не отступала. Онъ убѣждалъ ее призывать просвѣщенныхъ иностранцевъ, и *Делиль*, Астрономъ Французскій, по ея благодѣтельному приглашенію отправился въ Петрову Столицу; два брата *Бернулліи* нѣсколькими мѣсяцами прежде *Делиля* туда же призваны. Данія имѣла Королеву, названную *Сѣверною Семирамидою*; должно, чтобы и Россія пріискала такое же знаменитое наименованіе Екатеринѣ Первой.“

Въ скоротечное царствованіе Петра Втораго всѣ постановленія его Дѣда существовали, хотя Сѣверная его Столица и оставлена была на время.

Въ царствованіе Анны Ивановны даже и злоба Бирона противъ Рускихъ и Россіи не могла совершенно поколебать пѣхъ внутреннихъ постановленій. Но тогда въ предѣлахъ Россіи скорбь и сѣтованіе отемняли души. — Скорбѣли жители Россіи, а *воскормленники* Петра Перваго, воины его, подъ знаменами Графа Миниха являли

цѣлому свѣту, что духъ Великаго ихъ Наставника ни на одно мгновеніе не оставлялъ ихъ душъ и сердецъ. Въ рѣчи своей на взятіе *Данцига*, откуда почти вся Европа усиливалась потрясти Россію, *Θеофанъ* говоритъ: „Враги Россіи думали, что сила Россійскаго оружія съ Петромъ Великимъ умерла; но новая слава Россіянъ изобличила ихъ во лжи.“

Съ воцареніемъ Елисаветы казалось, что Петръ снова вступилъ на престолъ. Чиновники сего Государя, привѣтствуя Елисавету, говорили ей: „Всемилостивѣйшая Государыня! трудно и почти не возможно исчислить всѣ предпріятія Петра Великаго. Воззримъ только на источникъ оныхъ. Сей источникъ есть любовь къ Отечеству.

„Сія верховная добродѣтель Петра Перваго доказала цѣлому свѣту, какъ Богъ возлюбилъ Россію и на какую блестящую степень славы возвелъ ее.

„Изъ любви къ Отечеству скрывалъ себя Петръ въ чужихъ краяхъ въ видѣ простаго работника; любя Отечество, онъ возвеличивалъ его въ потѣ лица своего. И сколь дивные плоды произрастила сія

животворная любовь къ Отечеству! Явились флоты на моряхъ, загремѣло Россійское оружіе на сушѣ; вознеслась новая столица среди болотъ и лѣсовъ дремучихъ; оградилась Россія и безопасностію и законами; процвѣла внутренняя промышленность.

„Тотъ день не могъ Великій Государь въ сладость хлѣба кушать, въ который самъ вездѣ не былъ и не могъ всего осмотрѣть.“

Все царствованіе Екатерины Второй было, такъ сказать, продолженіемъ царствованія Петра Перваго. Въ семъ отношеніи соглашаются не только Россіяне, но и иностранцы. *Принцъ де Линь*, бывшій при Екатеринѣ Второй посломъ отъ Австрійскаго Двора, пишетъ, что Екатерина имѣла всегда при себѣ табакерку съ портретомъ Петра Перваго. Онъ же сохранилъ намъ и слѣдующія слова незабвенной Государыни: „Взирая на изображеніе Петра Великаго“ говорила Екатерина: „я ежеминутно требую у себя отчета въ каждомъ днѣ. Я вопрошаю себя: что бы Петръ повелѣлъ, что бы запретилъ онъ, или, что бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ и въ моихъ обстоятельствахъ?“

Наступилъ *второй* двѣнадцатый годъ; Россія ровно черезъ *два* столѣтія потрясласъ во всемъ основаніи своемъ. Съ произшествіями *перваго* двѣнадцатаго года, поразившаго Россію за два столѣтія до *втораго* двѣнадцатаго года, соединились и произшествія, ознаменовавшія войну Карла XII съ Петромъ Первымъ. Наполеонъ *Бонапарте*, новый *Карлъ* нашего времени, съ несмѣтнымъ ополченіемъ своимъ ворвался въ Польскіе предѣлы изъ странъ Саксонскихъ. АЛЕКСАНДРЪ Первый, равно Прадѣду своему Петру Первому, не за долго до вступленія враговъ въ *Вильну* оставилъ сей городъ. Рускія войска ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, подобно войскамъ Петра Перваго, предприняли отступательныя движенія. Наполеонъ *Бонапарте*, не вразумленный примѣромъ Карла XII, соображенное отступленіе Рускихъ приписывалъ боязни, страху и недоумѣнію, и равно предшественнику своему мечталъ уже быть обладателемъ Россіи. Идя по слѣдамъ Прадѣда своего къ предположенной цѣли, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ между прочими замѣчаніями часто повторялъ Рускому Полководцу Барклаю *де Толлію*: *Читайте какъ можно чаще журналъ Петра Перваго.*

И такъ Петръ Первый жилъ и въ достопамятный 1812 годъ. Онъ жилъ! ибо Руское войско, имъ устроенное, имъ наученное, имъ одушевленное, по его же завѣщанію осталось и войскомъ постояннымъ; онъ жилъ по всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя Провидѣніе внушило ему къ спасенію Россіи. Вступившіе въ нѣдра ея двадцать Европейскихъ народовъ къ отраженію ихъ встрѣтили все искусство Европейское; а сіе искусство переселено было въ Отечество наше Петромъ Великимъ. Всѣ тонкости Европейской политики, всѣ опыты военнаго Европейскаго дѣла, — все было въ Россіи. Но Рускіе и при Петрѣ и при АЛЕКСАНДРѢ дѣйствовали одни, дѣйствовали единодушно, — и враги изчезли. Они изчезли; и АЛЕКСАНДРЪ Первый, равно Петру Первому, спасеніе Отечества отнесъ къ содѣйствію Провидѣнія.

Сіи произшествія содѣлались уже для насъ событіями историческими; но какимъ образомъ они сблизились, не взирая на отдаленіе столѣтій? Сія тайна извѣстна одному Провидѣнію, распоряжающему судьбою Царствъ земныхъ и посылающему необычайныхъ смертныхъ къ поддержанію ихъ въ грозныя времена испытанія.

ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ.

Екатерина Первая родилась 1684 года въ Шведскомъ городѣ *Маріенбургѣ*. О родителяхъ ея извѣстно только то, что они назывались *Скавронскими*. Въ сиротствѣ своемъ призрѣна она была благодѣтельнымъ пасторомъ *Ернестомъ Гликомъ*. По овладѣніи Рускими Миріенбургомъ 1702 года, Екатерина досталась въ числѣ плѣнныхъ Графу Шереметеву, находилась въ домѣ его два года и оттуда перешла къ Меншикову. Посѣщая любимца своего, Петръ плѣнился Екатериною; обладая умомъ проницательнымъ, она вскорѣ проникла душевныя его качества и учинилась соучастницей всѣхъ его тайнъ. Нерѣдко при ней занимался онъ съ Министрами своими, что и доставляло Екатеринѣ часъ отъ часу болѣе понятій о сношеніи Дворовъ Европейскихъ и о управленіи Государственномъ. Петръ, отдавъ ей сердце, хотѣлъ передать ей и умъ свой. Богъ самъ былъ ея наставникомъ въ трудной наукѣ управленія народами. Наконецъ бѣдная *Маріенбургская сирота*, отъ самой колыбели испытавшая бури и скорби жизни, въ новой Столицѣ Россійскаго Государ-

сива учинилась супругой Самодержца. Въ Ноябрѣ 1707 Петръ сочетался съ нею бракомъ. Вѣнчаніе происходило въ Троицкомъ Соборѣ безъ всякой пышности и разглашенія. Любя супругу свою, Петръ не забывалъ и родственниковъ ея. Услыша, что въ Ревелѣ отыскивается родной ея братъ *Скавронскій*, онъ тотчасъ потребовалъ отъ тамошняго Губернатора Репнина объясненія; призвалъ его въ Петербургъ, и представляя его въ простой одеждѣ супругѣ своей, сказалъ: „Вотъ твой братъ!“ Внезапное появленіе Скавронскаго и невольное воспоминаніе о чрезвычайной перемѣнѣ ея жребія, несказанно ее поразили! Успокоивая ее, Петръ сказалъ: „Что за бѣда? Мы нашли роднаго; а естьли онъ къ чему способенъ, то онъ и самъ найдетъ себѣ дорогу.“

1711 Года, передъ походомъ въ Турцію, Екатерина объявлена всенародно Супругою Петра Перваго. Съ сего времени была она соучастницею во всѣхъ его трудахъ. Добровольно отправясь съ нимъ въ Турецкій походъ, примѣромъ своимъ одушевляла войско; благоразуміемъ и совѣтами содѣйствовала къ спасенію Петра и чести имени

Рускаго. Въ тѣхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, когда Рускіе со всѣхъ сторонъ окружены были подъ *Прутомъ*, она наряду со всѣми воинами подвергалась опасности. Близъ нее пало пушечное ядро; но она, не страшась смерти, помышляла только о супругѣ. Никто не смѣлъ войти въ ставку его въ ту ночь, когда онъ рѣшился или пробиться сквозь многочисленныя толпы непріятельскія, или погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, Екатерина дерзнула ослушаться. „Государь!“ сказала она: „намѣреніе твое достойно твоего мужества; но съ жизнію твоей сопряжена жизнь Россіи. Употреби умѣренныя средства: предложи миръ.“

По окончаніи Турецкаго похода признательный Петръ торжествовалъ день бракосочетанія своего съ Екатериною. 1714 Года, въ незабвенное напоминаніе заслугъ ея въ Турціи, учреждены знаки во имя Великомученицы Екатерины. 1722 Года Екатерина сопровождала Петра въ Персидской походъ. 1724 Года воспослѣдовало *коронованіе* ея въ Москвѣ. При семъ торжественномъ случаѣ Императоръ сказалъ приближеннымъ своимъ: „Я воздаю сію по-

честь Супругъ своей для того, что она, учинясь наслѣдницей престола, будетъ и преемницей моихъ дѣяній."

Такъ желалъ Супругъ Екатерины, которая дѣйствительно жила его душою и могла быть преемницей его дѣяній; ибо она дѣлила съ нимъ и труды военные и дѣла Государственныя. Но многіе изъ Вельможъ, страшась умноженія власти Меншикова, домогались отдалить ее отъ престола и передать оный малолѣтному сыну злополучнаго Алексѣя Царевича. Разсказываютъ, что во время жаркихъ о семъ преній выставили въ залѣ окна и хотѣли обратиться къ народу и спросить его: кого желаетъ онъ имѣть Государемъ? Предупреждая сей вопросъ, Меншиковъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ военныхъ чиновниковъ и твердымъ голосомъ сказалъ: „Господа! здѣсь не такъ жарко; окны не для чего открывать. Исполнимъ волю покойнаго Императора: онъ назначилъ Екатерину наслѣдницей престола своего."

Слова Меншикова подѣйствовали: воля покойнаго Императора была исполнена. Рускіе воины, бывшіе неоднократно очевидцами мужественнаго духа Супруги и со-

пупницы Петра Перваго, при первомъ ея появленіи передъ рядами ихъ воскликнули въ слезахъ: *Отецъ нашъ умеръ; но мать наша жива!* „Въ царствованіе Екатерины“ говоритъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*: „оружіе Россійское не познало женской руки и море не ощутило Петровой смерти.“

Екатерина воцарилась; сила Меншикова умножилась, и ненависть къ нему усилилась въ сердцахъ его сопротивниковъ: съ сего времени началась непримиримая вражда между Меншиковымъ и Вельможами. Многіе изъ нихъ, помня древнее свое произхожденіе, пылали досадою, что должны уступить силу и первенство тому, кто въ глазахъ ихъ изъ состоянія простолюдима вступилъ на первыя Государственныя степени. Зависть, всегда дѣйствующая по порывамъ ослѣпленныхъ страстей, забыла, что сей новый Вельможа оправдалъ возвышеніе свое дѣяніями безсмертной славы, и что Петръ, чуждавшійся лицепріятія, любилъ въ немъ не только друга, но и Великаго сына Россіи. Но Меншиковъ и самъ объятъ былъ пагубнымъ ослѣпленіемъ, проистекавшимъ отъ ненасытнаго властолюбія. Въ царствованіе Петра, при несмѣтномъ богатствѣ

своемъ, увлекался онъ корыстолюбіемъ; а со времени воцаренія Екатерины до дня паденія, сердце его снѣдалось алчбою владычества. Къ зависти Вельможъ и къ властолюбію Меншикова присоединялось еще взаимное недовѣріе: Вельможи не вѣрили, чтобъ Меншиковъ ихъ не гналъ; а Меншиковъ не вѣрилъ, чтобъ они не старались его гнать. И такъ сей борьбѣ надлежало быть и непрерывной и неутомимой.

Въ первые мѣсяцы царствованія своего Екатерина, возвращая *Шафирову* всѣ прежнія его достоинства, сказала: „Я помню ваши заслуги: я помню, что вы непосредственно участвовали въ спасеніи Рускаго войска подъ Прутомъ. Вы пострадали отъ зависти враговъ вашихъ, а не отъ Супруга моего: онъ и передъ кончиною своей вспоминалъ объ васъ.“

Вскорѣ потомъ Екатерина сочетала бракомъ старшую свою дочь *Анну Петровну* съ *Голстинскимъ* Герцогомъ *Карломъ Фридерихомъ*; обрученіе было уже совершено въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петра Перваго. Возвратясь изъ Персидскаго похода, онъ объявилъ себя покровителемъ родственниковъ Карла XII. Родной его племянникъ, благо-

дарный Герцогъ Голстинскій, изъявилъ желаніе быть зятемъ покровителя своего. Но тогда еще владѣнія Герцога не были утверждены законнымъ порядкомъ, отъ чего и могъ бы воспослѣдовать раздоръ съ Европейскими Державами. Сообразуясь съ сими обстоятельствами, Петръ писалъ къ Герцогу: „Я не отдаленъ отъ предложенія вашего; но пока дѣла ваши о наслѣдныхъ земляхъ не приведены будутъ къ концу, въ томъ обязаться не могу. Теперь же я принужденъ бы былъ поступить противъ пользы своего Отечества, которое для меня дороже моей жизни.“

1726 Года учрежденъ Екатериною Верховный Совѣтъ. Меншиковъ именованъ былъ первымъ Членомъ онаго. Хотя непріятель его *Шафировъ* испыталъ превратность щастія, но ненависть его не охладѣла; сей хитрый Царедворецъ умѣлъ ввести въ Верховный Совѣтъ покровителя своего Герцога Голстинскаго.

Помышляя о чести Россіи, Меншиковъ не упускалъ изъ виду и выгодъ, льстившихъ его самолюбію: онъ самъ домогался быть Герцогомъ *Курляндскимъ*. „Кажется,“ писалъ онъ къ супругѣ своей: „что Царевна

Анна охотно желаетъ, чтобъ я избранъ былъ въ Курляндіи Княземъ; она для сего поспѣшила изъ Риги въ Курляндію."

Пользуясь отсутствіемъ Меншикова, враги его, давно уже составившіе противъ него заговоръ, убѣдили Императрицу подписать Указъ для задержанія его. Нѣкоторые несправедливо предполагаютъ, что сей Указъ отмѣненъ по прозьбѣ перваго Министра Двора Голстинскаго. Между Екатериной и Меншиковымъ не нужны были посредники; присутствіе его все уничтожило.

Въ раздраженномъ Меншиковѣ мщеніе присовокупилось къ ненасытному властолюбію. Начались розыски, задерживанія и ссылки. Родство и всѣ связи были забыты. Властолюбіе все истребляетъ въ душѣ; оно не терпитъ никакого стѣсненія: оно алчетъ владычествовать самовластно. Нѣкоторые утверждаютъ, что съ сего времени Меншиковъ учинился тайнымъ врагомъ и Супругѣ Петра Перваго. Иностранные писатели еще и далѣе простираютъ свои догадки; но и догадки и преступленіе, приписываемое ими Меншикову, не под-

пверждаются никакими явственными доказательствами.

Въ продолженіи 1726 года *Анна Ивановна*, дочь *Іоанна*, брата Петра Перваго, и вдова Герцога *Курляндскаго*, желала вступить въ супружество съ *Меншиковъ*, Графомъ *Саксонскимъ*, побочнымъ сыномъ Короля Августа. Меншиковъ, отправясь въ *Ригу*, для свиданія съ Анною, сказалъ ей: „Наблюдая пользы Россіи и Польши, Императрица не можетъ утвердить сего выбора. Не прилично дщери Рускаго Государя вступить въ супружество съ незаконнорожденнымъ. Сей бракъ былъ бы предосудителенъ для ея чести и для славы Россіи.“

Въ теченіи двадцати лѣтъ Екатерина раздѣляла труды Петра Перваго и успокоивала сердце его, не рѣдко возмущавшееся невольною запальчивостію. *Голиковъ* предполагаетъ, что оная происходила отъ отравы, данной ему во время стрѣлецкихъ бунтовъ. Внезапные порывы гнѣва ознаменовывались судорожными движеніями лица. Сіе исступленіе укрощалось только нѣжною заботливостію супруги.

Наслѣдница престола Петра Перваго утвердила съ *Австріей* и *Испаніей* союзъ,

заключенный еще Императоромъ. При Екатеринѣ прекратились распри съ *Китаемъ* и отправлено было туда посольство. Подъ великодушный ея покровъ прибѣгъ Грузинскій Царь со всѣмъ семействомъ своимъ. Она установила знаки Александра Невскаго.

Екатерина царствовала *два* года и *три* мѣсяца, и скончалась 44 лѣтъ.

„Благосостояніе Государства," говоритъ *Феофанъ* въ словѣ своемъ на погребеніе Екатерины Первой: „зиждется согласіемъ Царскаго Дома." Екатерина во всю жизнь свою соблюдала согласіе и родственную любовь. Невѣстка, племянницы, внуки, всѣ называли ее *матерью*. Въ чертогахъ и на престолѣ помня то время, когда терпѣла бѣдность и нужду, Екатерина учредила многія богоугодныя заведенія и всегда готова была къ помощи бѣднымъ и злополучнымъ."

ПЕТРЪ II.

По завѣщанію Екатерины *Первой* по смерти ея вступилъ на престолъ двѣнадцатилѣтній *Петръ*, сынъ злополучнаго Царевича *Алексѣя*.

Не взирая на духовную, нѣкоторые изъ Вельможъ приняли сторону Анны и Елисаветы; Меншиковъ всею силою своей поддерживалъ юнаго Петра.

Въ первыя мгновенія царствованія своего, Императоръ писалъ къ сестрѣ своей *Наталіи*: „Богу угодно было возвесть меня въ нѣжной молодости на престолъ; съ помощію Его постараюсь пріобрѣсть славу добраго Государя; постараюсь управлять народомъ по закону Божію и по справедливости: буду защищать страдальцевъ, помогать неимущимъ; буду при каждомъ случаѣ заступникомъ угнѣсненной невинности.“

Въ тожъ самое время Петръ приказалъ истребить въ Москвѣ всѣ памятники казней, оставшихся послѣ Дѣда его.

Въ силу духовной Екатерины *Первой*, Петръ долженствовалъ находиться до шестнадцати лѣтъ подъ опекою *Верховнаго*

Совѣта, составленнаго изъ Царевенъ Анны и Елисаветы, Герцога *Голстинскаго*, Князя Меншикова и пяти Сенаторовъ; по той же духовной дочь Меншикова назначена была въ супруги Императору.

Не только духовныя частныхъ людей, но и завѣщанія Царей рѣдко исполняются; лучшее ихъ завѣщаніе есть добро, дѣлаемое ими при жизни своей.

Завѣщаніе Екатерины нарушилось вмѣстѣ съ ея кончиною. Меншиковъ, отдаля отъ правленія всѣхъ Членовъ Верховнаго Совѣта, учинился самовластителемъ. Соперники его, домогавшіеся усилить Герцога *Голстинскаго* и возвести на престолъ супругу его Анну Петровну, пали и пострадали. Герцогъ Голстинскій отправился въ области свои.

Учинясь полномочнымъ блюстителемъ юнаго Государя, Меншиковъ старался оковать умъ его страхомъ и подозрѣніемъ, забывъ, что и сопротивники его могутъ употребить противъ него тѣ же самыя орудія; но чего не забываютъ люди, упоен-

ные властолюбіемъ! Отдаляя Петра отъ сношенія съ Вельможами, онъ внушалъ ему, что отдаляетъ его отъ сѣтей злоумышленниковъ. Наконецъ, овладѣвъ умомъ и сердцемъ Императора, и домогаясь часъ отъ часу болѣе увѣрить его, что личная его безопасность непосредственно сопряжена съ его полномочіемъ, онъ переселилъ Петра въ домъ свой и обручилъ его съ дочерью своей Маріей.

Меншиковъ ликовалъ; казалось, что высокомѣріе его вполнѣ было удовлетворено и что ему не чего уже было опасаться соперниковъ, изъ которыхъ одни были низвержены, а другіе обезсилены. Самонадѣяніе усыпило его дѣятельность: показывая къ врагамъ своимъ явное презрѣніе, онъ усиливалъ мщеніе ихъ, осторожность и предпріимчивость. Многіе изъ его сопротивниковъ, пользуясь его безпечностью, уловляли всѣ случаи, чтобы возбудить въ юномъ Императорѣ подозрѣніе къ будущему его шестію. Они ему представляли, что Меншиковъ никогда не выпуститъ его изъ жестокой своей опеки, и что оставляя ему одно имя Самодержца, онъ будетъ дѣй-

ствительнымъ обладателемъ Имперіи. Повторяя неоднократно сіи слова, они убѣждали Государя, чтобы онъ хранилъ глубокую тайну о ревностной ихъ къ нему приверженности, ибо отъ сей тайны зависитъ и судьба и жизнь ихъ.

Вскорѣ одинъ случай, по видимому самый маловажный, доказалъ Меншикову, что Императоръ утомился уже тягостною его опекой и что мысль о собственной его силѣ начала утверждаться въ умѣ его.

Петръ съ однимъ изъ придворныхъ своихъ послалъ къ сестрѣ своей Наталіи нѣсколько тысячъ червонныхъ. Въ извѣстіяхъ того времени не упомянуто, откуда Государь получилъ сіи деньги мимо Меншикова. Можно догадываться, что враги его, знавшіе его корыстолюбіе, съ умысломъ заставили кого нибудь поднесть сіи деньги Петру, и что придворный, отправленный съ ними къ Наталіи, также по внушенію ихъ выждалъ той минуты, когда Меншиковъ выйдетъ изъ комнатъ своихъ. Гдѣ борются враги и соперники, тамъ сіи подыски весьма обыкновенны. Какое же надобно имѣть непреоборимое

хладнокровіе и какую непреврашную догадливосшь, чшобы никогда не обсшупишься на скользкомъ поприщѣ власшолюбія и пщеславія! Вспрѣпя придворнаго, подозрипельный Меншиковъ спросилъ: *куда идетъ онъ и что несетъ?* И получа ошвѣшъ, по неосторожной запальчивосши сказалъ: „Отнеси червонцы ко мнѣ; Имперашоръ по молодосши своей не знаешъ еще, какъ употреблять деньги.“ Слова сіи переданы были Имперашору. Раздраженный шакимъ самоволіемъ, Пешръ сильно укорялъ Меншикова. „Ваше Величесшво!“ ошвѣчалъ онъ: „Государсшво нуждаешся въ деньгахъ, казна испощена; я намѣренъ былъ предсшавишь, какъ полезнѣе употребишь деньги, назначенныя вами въ подарокъ сесшрѣ вашей. Для собсшвенныхъ своихъ расходовъ берише у меня денегъ, сколько вамъ нужно.“ На гордый сей ошвѣшъ Пешръ возразилъ: „Я шебѣ покажу, что я Имперашоръ, и хочу, чшобы меня слушались.“

Сіи слова были для Меншикова громовымъ ударомъ. Въ возраженіи Имперашора онъ слышалъ не голосъ неопышнаго юноши, но голосъ хишрыхъ враговъ своихъ,

неупомимо возбуждавшихъ противъ него Петра. Раздраженное самолюбіе, негодованіе и предчувствіе будущаго паденія повергли Меншикова въ тяжкую болѣзнь.

Естьлибъ любимцы щастія и сильные міра могли внимать голосу разсудка, то они убѣдились бы, что по одной слабости, съ человѣчествомъ неразлучной, человѣкъ не долженъ предпринимать замысловъ обширныхъ и необычайныхъ. Кромѣ другихъ злоключеній, намъ непрестанно грозятъ болѣзни и смерть. Ни властолюбцы, ни искатели щастія не могутъ ихъ отвратить; а подвергшись не только смерти, но временной болѣзни, они не рѣдко все теряютъ. Такъ случилось съ Меншиковымъ. Между тѣмъ какъ онъ томился на одрѣ болѣзни, соперники его готовили ему новыя огорченія, напасти и погибель. Верховный Совѣтъ избралъ въ воспитатели юнаго Государя *Василія Лукича Долгорукаго*; Остерманъ сочинилъ въ сіе время для Императора подробное начертаніе ученію его. Не задолго до сей перемѣны возвратился изъ чужихъ краевъ Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, украшенный всѣ-

ми прелестями юности и обладавшій отличнымъ остроуміемъ. Василій Лукичъ познакомилъ его съ Петромъ. Юность любитъ равенство. Императоръ и молодой Долгорукой вскорѣ сдѣлались неразлучными друзьями. Долгорукіе, Остерманъ и другіе сопротивники Меншикова въ свою очередь воспоржествовали; они не могли тогда предвидѣть, что всѣ они, надѣясь усилиться низверженіемъ своего соперника, — что всѣ они и сами падутъ и потерпятъ бѣдствія, еще люттѣйшія тѣхъ, которыя готовили врагу своему. Умъ человѣческій не причастенъ такому предвѣдѣнію; оно принадлежитъ только Тому, Кто по произволу своему располагаетъ судьбою Царствъ и народовъ.

Меншиковъ выздоровѣлъ и явился въ прежней силѣ. Юный Петръ, не смотря на всѣ наущенія, все еще уважалъ въ лицѣ его будущаго тестя своего и сотрудника Петра Великаго, а притомъ и мягкосердечіе, сродное юношескимъ лѣтамъ, влекло его оказывать вниманіе къ сильному опекуну. Платя Государю взаимнымъ снисхожденіемъ, Меншиковъ оставилъ при немъ любимца его молодаго Князя Долго-

рукова. Въ семъ случаѣ дѣйствовало одно добродушіе. Отнюдь не почитая его соперникомъ своимъ, онъ полагалъ, что сердце юноши не заражено еще къ нему ненавистію и что онъ со временемъ найдетъ въ немъ искренняго приверженца. Восходя при лицѣ Петра Перваго на всѣ степени Государственныя, Меншиковъ не могъ при Дворѣ его пріобрѣсть никакихъ придворныхъ пронырствъ. Петръ не любилъ ни ухищреній, ни искательства; онъ никогда не былъ двуличнымъ: онъ явно и праводушно оказывалъ и милость и гнѣвъ; прощалъ разкаявающихся и не терпѣлъ уничиженія.

Между тѣмъ, когда Меншиковъ оказывалъ молодому Долгорукову искреннюю пріязнь и искательство его принималъ за откровенную преданность, хитрый Остерманъ, воспользовавшись добродушіемъ своего соперника, переливалъ въ сердцѣ Долгорукова всю ненависть свою къ нему. Онъ училъ сего юношу коварству, притворству и всѣмъ пронырствамъ, оковывающимъ откровенность и чистосердечіе. Какъ дорого заплатилъ Долгорукій за то притворство, которымъ завлекалъ Меншикова въ раз-

ставленныя для него сѣти! Меншиковъ, часъ отъ часу болѣе умножая благосклонность свою къ юному Долгорукову, взялъ его вмѣстѣ съ Императоромъ въ Петергофъ. Удаляя Петра изъ Петербурга, онъ хотѣлъ удалить его и отъ соперниковъ своихъ; забавляя же его непрестанно псовою охотою, онъ старался внушить въ него склонность къ праздности, чтобы дѣйствовать во всемъ самому. Въ семъ случаѣ Меншиковъ предполагалъ, что поступаетъ по расчетамъ проницательнаго властолюбія; но вскорѣ узналъ, что всѣ расчеты человѣческіе часто изчезаютъ въ одинъ мигъ.

Фридерикъ Вторый несправедливо утверждаетъ въ Исторіи своей, „будто бы Графъ Остерманъ, подобно искусному кормчему, управляя твердою рукою кормиломъ Россійскаго Государства, удалялся отъ пронырствъ придворныхъ.“ Въ то бурное время, которое началось почти отъ самой смерти Петра Перваго и продолжалось до кончины Императрицы Анны Ивановны, — въ то время не Остерманъ правилъ *кормиломъ Россійскаго Государства*, но учрежденія Петра Великаго, который ничего не дѣлалъ для одного лица, но все сообра-

жалъ съ общею и долговременною пользою Отечества. Когда сильные Вельможи боролись, а Бирономъ угнѣталъ Россію, тогда питомцы Петровы, духомъ его животворимые, точнымъ исполненіемъ его учрежденій удержали составъ Государства, имъ устроеннаго. Фридерикъ неосновательно также заключаетъ, будто бы Остерманъ *уклонялся отъ пронырствъ придворныхъ* (1). Напротивъ того, онъ былъ главнымъ орудіемъ пронырствъ и ухищреній. Василій Лукичь Долгорукій обладалъ и умомъ и прозорливостію; но Остерманъ, надѣясь по низверженіи Меншикова править Государствомъ и увлекаясь тѣмъ же властолюбіемъ, которое ненавидѣлъ въ соперникѣ, — Остерманъ умѣлъ и сего опытнаго Долгорукова учинить исполнителемъ дальнѣйшихъ своихъ покушеній. Уловляя его самолюбіе, онъ говорилъ ему: „Родственница твоя *Катерина Алексѣевна* нравится Императору; онъ будетъ ея супругомъ. Родъ Долгорукихъ давно славится въ Россіи; Меншиковъ, едва возникшій изъ ничтожества, опять падетъ: Долгорукіе восторжествуютъ.“

(1) См. Исторію моего времени, соч. Фридерикомъ II, перевод. Туманскимъ.

Долгорукіе, обольщенные Остерманомъ, отдались въ его руководство, а Меншиковъ, ничего не предвидя и ничего не подозрѣвая, отправился на *Ораніембаумскую* свою дачу для освященія церкви. Онъ приглашалъ съ собою и Петра; но онъ отказался подъ предлогомъ нездоровья. Сказываютъ, что Меншиковъ въ освящаемомъ храмѣ занялъ мѣсто, устроенное для Императора въ видѣ престола. Въ ту самую ночь, когда Меншиковъ отъѣхалъ, молодой Долгорукой, наученный Остерманомъ и родственникомъ своимъ *Василіемъ Лукичемъ*, подбѣжавъ къ постели Императора, сказалъ: „Спѣшите отсюда, Ваше Величество! избавьтесь отъ самовластія Меншикова. Вѣрная ваша стража и Сенатъ васъ ожидаютъ.“ Одѣвшись наскоро, Государь послѣдовалъ черезъ садъ за любимцемъ своимъ; на встрѣчу къ нимъ подоспѣли многія знатныя особы, обо всемъ предваренныя и ожидавшія конца сего происшествія. Такимъ образомъ, воспламеняя въ однихъ тщеславіе, а въ другихъ зависть, Остерманъ возставилъ всѣхъ сильныхъ Вельможъ къ погибели Меншикова; но онъ дѣйствовалъ не для нихъ, а для себя.

Для задержанія Меншикова немедленно былъ отправленъ въ *Ораніенбаумъ* съ ротою гвардіи тотъ Князь *Василій Владимировичъ* Долгорукій, который, любя острыя слова, особенно пострадалъ при томъ случаѣ, когда, совѣтуя Царевичу Алексѣю постричься, сказалъ ему, что *камилавку не прибиваютъ къ человѣку гвоздемъ.* Внезапное появленіе стражи, а еще болѣе раздраженное самолюбіе, повергло Меншикова въ оцѣпенѣніе. Онъ сдался безмолвно. Долгорукой признавался, что, воспоминая то, чѣмъ былъ Меншиковъ, онъ почувствовалъ невольную робость, и что естьлибъ онъ воспротивился, то не отважился бы его задержать.

Другіе напротивъ того разсказываютъ, что Меншиковъ взятъ былъ подъ стражу по пріѣздѣ его въ Петербургъ. Сіи разногласія въ новой нашей Исторіи весьма естественны; ибо кромѣ печатныхъ военныхъ извѣстій, мы почти все прочее знаемъ по преданіямъ. Какъ бы то ни было, но Меншиковъ палъ и съ паденіемъ его изчезли ласкатели и поклонники земнаго щастія. Ему позволено удалиться изъ Столицы со всѣмъ семействомъ и со всѣми служителями.

Къ пораженію его тщеславія, сей выѣздъ назначенъ былъ въ самой полдень, чтобы торжественно возвѣстить о паденіи сильнаго Вельможи. Привыкнувъ къ блеску, Меншиковъ выѣхалъ не въ видѣ изгнанника, но какъ раздраженный Царедворецъ, угрожавшій еще врагамъ своимъ. Вскорѣ все перемѣнилось. Въ слѣдъ за нимъ посланъ былъ со стражею чиновникъ, нагнавшій его въ Твери. Услыша, что пребуютъ всѣ отъ него *Ордена*, Меншиковъ, отдавая ихъ, сказалъ: „Вотъ они; я предвидѣлъ, что у меня ихъ отнимутъ, и для того заранѣе уложилъ въ этотъ ящикъ. Возьми сіи знаки безумнаго моего тщеславія; но враги мои въ расчетѣ своемъ обманулись. Имъ бы надлежало присовѣтовать Государю, чтобы мнѣ позволено было украшаться ими въ ссылкѣ: тогда еще бы сильнѣе чувствовалъ я свою ничтожность.“

Распоргнувъ цѣпи тщеславія, Меншиковъ какъ будто бы переродился. Вмѣстѣ съ наружными знаками свѣтскаго величія оставя всѣ высокомѣрныя надежды, онъ призвалъ на помощь Вѣру и отдался на волю Провидѣнія. Безъ ропота перешелъ онъ

изъ великолѣпной кареты на телегу; онъ жалѣлъ только о супругѣ и о дѣтяхъ, которыя родились въ нѣгѣ и не привыкли къ нуждѣ.

Враги Меншикова, къ услажденію мщенія своего, наносили ему удары постепенно и давали ему выпивать по каплямъ всю чашу уничиженія. Сперва лишили его всѣхъ почестей; потомъ отправили на телегахъ въ городъ *Ораніенбургъ*, имъ основанный; наконецъ, приговоря къ ссылкѣ въ Сибирь, приказали одѣть Князя и все его семейство въ крестьянскую одежду. Гонители Меншикова восхищались, что силою и волею своей обратили его въ первобытную участь, — въ состояніе крестьянское. Они не слышали тогда грозной бури, скоплявшейся надъ главами ихъ; они не видѣли пропасти, отстоявшей отъ нихъ на одинъ почти шагъ. Они воображали, что все предусмотрѣли, все обезопасили: они мечтали, что соперникъ ихъ палъ отъ нерасчетливости ума; но они не думали тогда, что и сами падутъ, что и для нихъ придетъ день злополучія. Что же мы видимъ, что знаемъ и чѣмъ гордимся?

Какое зрѣлище представлялось злополучному супругу и отцу; и какой переходъ отъ величія къ уничиженію! Дочь Меншикова Марія Александровна, вмѣсто порфиры облекается въ рубище и вмѣсто престола восходитъ на простую крестьянскую повозку! Вотъ какъ ненадежны мечты временныхъ любимцевъ щастія! Но Меншиковъ уже сталъ инымъ человѣкомъ. Сердце его, разслабленное порывами страстей во время щастія, возвысилось подъ рубищемъ надъ всѣмъ тѣмъ, что его очаровывало. Прошедшее изчезло въ очахъ его какъ смутное сновидѣніе; а въ будущемъ зрѣлъ онъ только Вѣру и небеса. *Укрѣпляясь* симъ чувствіемъ, онъ сказалъ присланному чиновнику: „Покоряюсь волѣ Божіей; я ко всему готовъ. Чѣмъ болѣе у меня отнимутъ, тѣмъ менѣе оставятъ мнѣ горестныхъ попеченій. Жалѣю только о тѣхъ, которые радуются моему паденію. Примѣръ мой долженъ ихъ убѣдить, какъ ненадежно все то, чего ищемъ и для чего губимъ и другихъ и себя.

Супруга Меншикова, урожденная *Арсеньева*, изнемогла подъ бременемъ страданій. Меншиковъ самъ читалъ отходныя молит-

вы и руками своими вырылъ для нее могилу. Прахъ ея покоится въ Казанскихъ предѣлахъ, а имя ея достойно быть сохранено въ Исторіи. *Наталія*, осыпанная дарами щастія и природы, среди блестящихъ почестей являла скромность, привлекавшую къ ней сердца, и заслужила общее уваженіе непоколебимою добродѣтелью.

Быстро разнеслась въ областяхъ Сибири молва, что Меншиковъ, что сей сильный Вельможа, управлявшій Царствомъ и юнымъ Петромъ, отправленъ въ заточеніе въ тѣ самыя мѣста, гдѣ томились спрадальцы, имъ сосланные. Въ проѣздъ его черезъ *Тобольскъ* они спѣшили къ нему на встрѣчу и въ порывахъ мщенія обременяли его поруганіями. Не изъявляя ни досады, ни нетерпѣнія, Меншиковъ одному изъ нихъ отвѣчалъ: „Ты справедливо укоряешь меня; удовлетворяй свое негодованіе, мсти мнѣ ругательствомъ. Ты пострадалъ отъ ослѣпленнаго моего высокомѣрія; ты досаждалъ мнѣ правотою и упорствомъ своимъ.“ Оборотясь къ другому, Меншиковъ сказалъ: „Свидѣтельствуюсь Богомъ, я не зналъ, что ты въ ссылкѣ; не я причиной твоего нещастія. Твои непріятели обманули меня

и заставили подписать то, о чемъ я и не помышлялъ. Не видя тебя, я часто о тебѣ спрашивалъ; но мнѣ всегда отвѣчали глухо. Въ непрестанныхъ моихъ заботахъ трудно мнѣ было доискиваться истины.“ Третій, увлекаясь строптивостію гнѣва своего, бросалъ грязью въ лице дѣтей Меншикова. Пораженный до глубины души столь наглымъ поступкомъ, огорченный отецъ воскликнулъ: „Въ меня, а не въ нихъ, бросай грязью; бѣдныя мои дѣти ни въ чемъ передъ тобой невиноваты.“

Изъ Тобольска отправили Меншикова на *Березовы острова.* Однажды, когда приставы ввели Меншикова и семейство его въ избу, въ слѣдъ за ними вошелъ туда Чиновникъ, посланный еще при Петрѣ Первомъ въ Камчатку для сопровожденія Капитана *Беринга* въ плаваніи его. Сей Чиновникъ, служившій у Меншикова *Адъютантомъ*, не могъ его узнать, и весьма удивился, что человѣкъ въ крестьянской одеждѣ и въ такомъ отдаленномъ краю называетъ его по имени. „Не дивись,“ сказалъ Меншиковъ: „я былъ нѣкогда Княземъ Меншиковымъ, а теперь сталъ просто Александромъ.“ Чиновникъ, не вѣря ни

глазамъ своимъ, ни словамъ Меншикова, полагалъ, что видитъ передъ собою полоумнаго крестьянина. Меншиковъ подвелъ его къ окну и сказалъ: *Всмотрись во меня пристальнѣе.* Чиновникъ, удостовѣрясь, что дѣйствительно видитъ Меншикова, воскликнулъ: „Ваша Свѣтлость! какія бѣдствія повергли васъ въ такое люлое состояніе!“ Не называй меня Свѣтлостью; я уже тебѣ сказалъ, что я просто сталъ Александромъ. Находясь нѣсколько лѣтъ въ дальнемъ странствованіи, ты не слышалъ о перемѣнѣ Двора; ты не слышалъ, что Петръ Второй на престолѣ и что старшая моя дочь, которую теперь видишь въ рубищѣ, была его невѣстой. Не жалѣя ни о почестяхъ, ни о потерѣ сокровищъ, скорблю только о дѣтяхъ, и эта скорбь сойдетъ со мною въ гробъ.“ Рыданія и слезы прервали его слова. Наконецъ, успокоясь нѣсколько, онъ прибавилъ: „Скажи Остерману и Долгорукимъ, что я имъ все прощаю; не они меня низвергли: Богъ меня смирилъ. Скажи, что я все еще люблю Россію и для блага ея желаю, чтобы они управляли ею по разуму и по сердцу Петра Великаго.“

Между тѣмъ враги Меншикова часъ отъ часу усиливались и въ ослѣпленіи своемъ не помышляли ни о паденіи соперника своего, ни о превратности щастія. Петръ отправился въ Москву, которая съ прибытіемъ его начала оживляться. Первая супруга Петра Перваго, *Евдокія Ѳеодоровна*, привезена была ко Двору изъ Дѣвичьей Успенской обители, находящейся близъ *Ладоги*, и куда она заключена была во время производимаго суда надъ сыномъ ея Царевичемъ *Алексѣемъ*. Ей предлагали почести; она не приняла ихъ. Изъ Царскихъ чертоговъ Евдокія переселилась въ *Новодѣвичій монастырь*.

25 Февраля 1728 года происходило вѣнчаніе на Царство Императора Петра Втораго. Украинскіе козаки, поселившіеся въ помѣщичьихъ вотчинахъ и, по заключеніи мира со Шведами, обращенные въ первобытное состояніе, въ продолженіи 1728 года взбунтовались. Мятежъ былъ укрощенъ и главные виновники онаго сосланы въ Сибирь.

По словамъ краснорѣчиваго *Ѳеофана* казалось, что самъ Богъ опредѣлилъ, чтобы начало 1729 года занмилось облаками

скорбей и печалей. Въ Январѣ сего года смерть постигла сестру Императора Петра Втораго. Наталія угасла на зарѣ жизни. При великолѣпномъ погребеніи, совершавшемся въ *Вознесенской* обители, присутствовали Бабка ея Царица Евдокія Ѳеодоровна и Тетки ея, Дщери Петра Великаго. Оплакивая раннюю кончину Наталіи, думалиль они, что на будущій годъ въ тотъ же самый мѣсяцъ постигнутъ ихъ тѣ же скорби и то же злополучіе?

Въ семъ же году скончался знаменитый Адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичь *Апраксинъ*, служившій Отечеству 51 годъ. Въ теченіи 1722 и 1723 годовъ начальствовалъ онъ флотомъ на моряхъ Каспійскомъ и Балтійскомъ; и 1726 года наблюдалъ Англинскій флотъ, пришедшій къ Ревелю. Въ подвигахъ военныхъ, въ трудахъ Государственныхъ и въ добродѣтели, онъ во всемъ былъ неусыпенъ. „Вѣрность къ Государю и Государству“ говоритъ Ѳеофанъ: „проповѣдывались его дѣлами.“

При всякомъ воспоминаніи славы и подвиговъ сотрудниковъ Петра Великаго пріятно воспоминать, что они съ симъ Государемъ обращались всегда какъ ревност-

ные и праводушные друзья. Слѣдующій случай изъ жизни Ѳедора Матвѣевича снова подтвердитъ, что Петръ въ чиновникахъ своихъ любилъ правоту и усердіе, а они любили въ немъ Государя праводушнаго и надежнаго друга друзей Отечества и добродѣтели.

Въ 1716 году по Указу Петра Перваго повелѣно было дворянскимъ дѣтямъ учиться *навигаціи* въ училищѣ, учрежденномъ на Сухаревой башнѣ. Нѣкоторые ослушные отцы отдали дѣтей въ Спаской монастырь. Раздраженный симъ неповиновеніемъ, Государь приказалъ Московскому *Управителю* Ромодановскому немедленно взять изъ Спаскаго монастыря дѣтей, учившихся тамъ Латинскому языку, и прислать ихъ въ Петербургъ для битья свай на *Мойкѣ*, гдѣ тогда строились пеньковые анбары. Апраксинъ, Меншиковъ, Князь Яковъ Петровичь Долгорукій и прочіе Сенаторы на колѣняхъ и со слезами убѣждали Екатерину, чтобы она у супруга своего исходатайствовала прощеніе симъ малолѣтнымъ опрокамъ; но на тотъ разъ Петръ былъ въ гнѣвѣ своемъ непреклоненъ. Апраксинъ рѣшился принять жёру необы-

чайную. Приказавъ подсмотрѣть, когда Государь поѣдетъ къ пеньковымъ анбарамъ, и узнавъ о томъ, онъ снялъ съ себя ленту, повѣсилъ ее на шестъ, а самъ принялся бить сваи съ дѣтьми. Возвращаясь во дворецъ, Государь невольно остановился и сказалъ Апраксину: „Ѳедоръ Матвѣевичь! ты Генералъ-Адмиралъ и Кавалеръ, для чего же бьешь сваи?“ Апраксинъ отвѣчалъ: „Бьютъ сваи мои племянники и внучаты; а я что за человѣкъ: какое имѣю въ родствѣ преимущество? А пожалованная Вашимъ Величествомъ Кавалерія виситъ на деревѣ; я ее не обезчестилъ.“ Государь на другой же день освободилъ отъ работы дѣтей и отправилъ ихъ въ чужіе краи.

Россія наслаждалась миромъ; по Ладожскому каналу началось судоходство; сухопутныя и морскія силы хотя и ощутили упадокъ, но Шведы, обесиленные оружіемъ Петра Перваго, не смѣли безпокоить Сѣверной Столицы. Въ Ноябрѣ 1729 года Императоръ объявилъ въ Верховномъ Совѣтѣ, что намѣренъ сочетаться бракомъ съ Княжною Екатериною Алексѣевною *Долгорукою*. 30 Числа воспослѣдовало

великолѣпное обрученіе въ *Лефортовскомъ* Дворцѣ. На другой день сего торжества Василій *Лукичъ Долгорукій* писалъ къ обрученной невѣстѣ Императора: „Вчера вы были мнѣ племянница, а сегодни моя Монархиня. Вы изъ сего видите, что судьба человѣческая отъ утра до вечера можетъ перемѣняться. Не ослѣпляйтесь блескомъ величія; украшайтесь скромностью, которая васъ возвысила; старайтесь всѣмъ благодѣтельствовать; помните, что благотвореніе есть слава и красота Царей.“

24 Декабря любимецъ Петра Втораго, Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, помолвилъ на дочери знаменитаго Графа Бориса Петровича *Шереметева*. Не блескъ почестей и сокровищъ, ихъ соединила одна взаимная любовь. При обрученіи Долгорукова съ *Наталіей* Шереметевой присутствовалъ весь Дворъ и знатнѣйшее Духовенство. Отъ стеченія народа сперлась вся улица. Воспоминая добродѣтели покойнаго Графа Шереметева, жители Московскіе восклицали: „Слава Богу! дочь отца нашего идетъ за великаго человѣка; она возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцовскую.“

Между тѣмъ, когда побѣдоносные соперники Меншикова, не предвидя приближавшейся бури, ликовали среди блестящихъ торжествъ, изгнанникъ прибылъ на *Березовы острова*. Въ семъ мѣстѣ скорби и унынія дочь его *Марія*, обрученная невѣста Императора Петра Втораго, занялась присмотромъ внутренняго хозяйства; сестра ея *Александра* упражнялась мытьемъ платья. Какой горестный жребій! Но Меншиковъ не колебался духомъ. На полѣ гремящихъ битвъ онъ былъ великимъ Полководцемъ, въ Столицѣ Петровой онъ былъ рабомъ корысти и тщеславія; во дни скорби и злополучія онъ сталъ великимъ человѣкомъ. Въ безмолвномъ уединеніи, подъ шумомъ грозной Сибирской зимы, онъ созидалъ церковь во имя *Божіей Матери*. Вѣрные служители, послѣдовавшіе за нимъ въ ссылку, участвовали въ семъ благочестивомъ подвигѣ.

Въ сихъ обстоятельствахъ старшая его дочь занемогла оспою, и не смотря на всѣ попеченія нѣжнаго отца, учинилась жертвою смерти. Укрѣпляясь Богомъ и Вѣрою и указывая на охладѣвшій трупъ той, которая, готовясь царствовать въ черто-

тахъ, умерла въ бѣдной хижинѣ, Меншиковъ твердымъ голосомъ сказалъ дѣтямъ своимъ: *Учитесь у сестры своей умирать!* Напряженія душевныя и скорбь о жребіи семейства часъ отъ часу его обезсиливали. Меншиковъ умеръ скоропостижно въ исходѣ 1729 года. За нѣсколько дней до смерти своей, чувствуя разслабленіе здоровья, онъ сказалъ дѣтямъ своимъ: „Здѣсь, въ сей отдаленной пустынѣ, узналъ я силу вѣры и разума; здѣсь умираю съ надеждою на безпредѣльное милосердіе Божіе. Естьли будете возвращены ко Двору; то пусть примѣръ мой научитъ васъ соблюдать скромность и умѣренность.“

На блестящемъ поприщѣ честей Меншиковъ возмущался непрестанными порывами властолюбія; въ ссылкѣ, въ изгнаніи узналъ онъ настоящую цѣну жизни. Что же значитъ величіе человѣческое и къ чему спремятся искатели земнаго щастія? И въ градѣ престольномъ вскорѣ померкло сіяніе торжествъ, вскорѣ радостные клики превратились въ надгробные стоны.

Петръ простудился въ день Богоявленія. Вельможи, окружавшіе его, увлекаясь обманчивою прелестію владычества, забы-

ли, что случайность ихъ сопряжена съ жизнію виновника ихъ возвышенія. Хотя простуда еще не миновалась, но юному Императору вздумалось ѣхать на охоту. Никто изъ Царедворцевъ или не хотѣлъ, или не смѣлъ противорѣчить Петру, который силою нѣсколькихъ словъ низвергъ Меншикова. Юность самонадежна. Государь поѣхалъ повеселиться съ любимцемъ, который всегда угождалъ волѣ его. Озябнувъ на охотѣ, они завернули въ деревню обогрѣться. Естьлибъ сопровождали Императора осторожные люди; то зная, что онъ не имѣлъ оспы, они бы сперва развѣдали, не предстоитъ ли ему въ деревнѣ опасность. Петръ и любимецъ его молодой Долгорукій безъ всякихъ освѣдомленій вбѣжали въ избу; за опрометчивость свою они оба подверглись погибели. Императоръ скончался отъ оспы 1730 года 18 *Января*.

Петръ *Второй* царствовалъ *два* года и *восемь* мѣсяцовъ. Современники, оплакивая преждевременную кончину его, говорили: „Какое сокровище приняла земля! Казалось, что и солнце освѣщало его съ удивленіемъ. Умъ сопряженъ былъ съ красотою; природное милосердіе подкрѣпляло любовь

его къ подданнымъ. Московскіе жители наименовали его *Радостною надеждою*, и сія радосшная надежда изчезла на зарѣ жизни.“

ИЗБРАНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ АННЫ ИВАНОВНЫ И ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЯ.

По смерши Петра *Втораго*, Сенатъ и и важнѣйшіе Чиновники собрались въ *Лефортовской* Дворецъ. *Манштейнъ* увѣряетъ, будто бы въ рѣчи своей къ Сенаторамъ Князь Михайла Голицынъ сказалъ: „Россія страдала отъ неограниченнаго самовластія, къ которому способствовали иноземцы, призванные Петромъ Первымъ (*).“

Я не думаю, чтобы Голицынъ объяснялся шакимъ образомъ. При Петрѣ Первомъ иноземцы *служили*, а *не повелѣвали*.

Ссылаясь на духовную Екатерины Первой, *Болтинъ* говоритъ, что, по точному смыслу оной, по смерши Петра Втораго надлежало возвесши на престолъ Цесаревну Елисавету Петровну. Верховный Совѣтъ не имѣлъ права избирать преемника Петру

(*) Смотп. *Манштейновы* записки, напечатанныя на Рускомъ языкѣ 1809 года, Ч. I, стр. 83.

Второму. „Члены Совѣта," продолжаетъ *Болтинъ*: „въ лицѣ своемъ не представляли Рускаго народа. Они не по избранію и не по довѣренности общественной, но по согласію между собою учинились правителями Государственными." Главнымъ избирателемъ Анны Ивановны былъ Василій *Лукичь Долгорукій*. Для личной безопасности своей, желая все предупредить, онъ погубилъ себя мнимою дальновидностію. Предписывая Аннѣ, чтобы она ничего не предпринимала безъ согласія *Верховнаго Совѣта*, Члены онаго требовали также, чтобы *Биронъ*, любимецъ Анны, не сопровождалъ ее въ Россію. Сіи *самовольные* законодавцы перемѣною правленія оскорбили народъ, привыкшій къ самодержавію; обидѣли самовластіемъ своимъ Дворянство, не участвовавшее въ избраніи ихъ; наконецъ раздражали самолюбіе призываемой ими обладательницы. Обольщаясь престоломъ, Анна утвердила всѣ предлагаемыя ей условія, поспѣшила изъ *Митавы* въ Москву и воцарилась 28 *Апрѣля* 1730 года.

Вскорѣ и *Биронъ* прибылъ въ Москву, вскорѣ Верховный Совѣтъ возмутился подозрѣніемъ и враждою. Дворяне, негодуя

на самовластіе Членовъ Верховнаго Совѣта, пришли во Дворецъ подъ предводительствомъ Графа *Матвѣева*. „Государыня!“ сказалъ Матвѣевъ: „ни Дворянство, ни народъ не желаютъ управляться Членами Верховнаго Совѣта. Мы привыкли жить подъ покровомъ самодержавной власти.“ Императрица Анна, укоряя Василія Долгорукаго, что онъ ее обманулъ во всемъ, разорвала условный листъ и сказала: „На что согла́шалась Курляндская Герцогиня, то уничтожаетъ Россійская Императрица.“

Пагубныя междоусобія и домогательство первенства влекутъ за собою частныя и общественныя бѣдствія. Пользуясь враждою Вельможъ, иноплеменникъ *Биронъ* возобладалъ надъ Россіей; онъ имѣлъ все: ему подвластно было сердце Анны. Опомщая Василію *Лукичу* Долгорукову за то, что онъ преграждалъ ему въѣздъ въ Россію, *Биронъ* рѣшился погубить всѣхъ Долгорукихъ. По совѣту его, Императрица убѣждала Наталію Борисовну *Шереметеву*, невѣсту молодаго Князя Долгорукова, выдти за мужъ за другаго и вызывалась сыскать ей достойнаго жениха. Великодуш-

ная Наталія, достойная дочь Графа Шереметева, отвѣчала: „Я любила Долгорукова въ щастіи, люблю его и въ заключеніи: одна смерть разлучитъ насъ.“ Наталія сочеталась бракомъ съ Долгорукимъ и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку.

Князья Долгорукіе испытали ту же участь, какой подвергли они Меншикова. *Остерманъ*, поощрявшій ихъ къ низверженію общаго своего соперника, не подалъ имъ руки помощи въ бѣдственное время. При самомъ установленіи Верховнаго Совѣта *Остерманъ* притворился больнымъ, и сею хитростію уклонясь отъ предстоявшей бури, онъ выдалъ на жертву Долгорукихъ, способствовавшихъ ему низвергнуть Меншикова. Остерманъ никогда не довѣрялъ сильнымъ Рускимъ Вельможамъ; онъ домогался возвысить имя свое съ помраченіемъ ихъ славы. Онъ успѣлъ въ томъ и при избраніи на престолъ Анны; но при всей хитрости своей, не воображалъ, что и онъ на время только отсрочиваетъ часъ своего паденія.

У Кня[illegible] Долгорукихъ отобрали всѣ знаки но[illegible]ой, отняли все и подъ спро-

гимъ присмотромъ сослали на *Березовы* острова, гдѣ умеръ Меншиковъ и гдѣ спрадало еще его семейство. Княжна Меншикова, прогуливаясь однажды, дошла до хижины, изъ окна которой выглядывалъ спрадалецъ, облеченный въ рубищѣ и изнуренный злополучіемъ. *Это она! это она!* воскликнулъ житель хижины. Услыша сіи слова, Княжна Меншикова поспѣшно удалилась, и возвращаясь съ прогулки, пороѣилась миновать хижину. „Княжна Меншикова!“ вскричалъ спрадалецъ: „я Василій Лукичъ Долгорукій. Почто удаляешься отъ меня? Здѣсь должна прекратиться ненависть наша. Я низвергъ твоего отца; но я и его злополучнѣе. Тщеславіе мое погубило всѣхъ моихъ родственниковъ. Нещастная Катерина Алексѣевна Долгорукая, невѣста Петра Втораго, отецъ и все ея семейство вовлечены мною въ погибель. Я отдамъ за нихъ Богу отвѣтъ!“

По смерти Меншикова дѣти его возвращены были въ Петербургъ. Прахъ дочери его *Маріи* остался на Березовыхъ островахъ; а сестру ея *Александру* Биронъ выдалъ за брата своего Густава.

Иноземцы, угнѣтавшіе природныхъ сы-новъ Россіи, и сами возмущались враждою. Каждый изъ нихъ хотѣлъ первенствовать; каждый опасался, чтобы соперникъ не сдѣлался врагомъ. *Минихъ*, присовѣтовавшій Императрицѣ Аннѣ переѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, произведенъ былъ *Фельдмаршаломъ*. Онъ еще болѣе усилился при торжественномъ обозрѣніи съ Императрицею *Ладожскаго канала*. Хитрый *Остерманъ*, неусыпно наблюдавшій всѣ шаги соперниковъ своихъ, внушалъ *Бирону*, что Минихъ опасенъ; что онъ вмѣшивается во всѣ дѣла и всѣмъ распоряжаетъ; словомъ, что онъ хочетъ овладѣть сердцемъ Анны и Государствомъ (*).

Полковникъ *Левенвольдъ*, любимецъ *Бирона*, искусно раздувалъ искры ненависти, повергаемыя *Остерманомъ* въ подозрительное сердце любимца Анны. Домогаясь воинскихъ почестей, *Левенвольдъ* воображалъ, что *Минихъ* заграждаетъ ему къ нимъ пути. Съ помощію наемныхъ наушниковъ онъ часъ отъ часу болѣе раздражалъ *Бирона*

(*) Смот. Жизнь *Миниха*, переведенную на Русской языкъ 1806 года, стран. 69.

противъ *Мишиха*. Наконецъ *Мишихъ* получилъ повелѣніе выѣхать изъ дворца и переселиться по ту сторону Невы. Военныя произшествія, вскорѣ потомъ воспослѣдовавшія, остановили паденіе его.

1734 Года, въ силу торговыхъ условій съ *Тахмасъ-Кулиханомъ* или Шахомъ *Надиромъ*, похитителемъ Персидскаго престола, уступлены были ему всѣ области, пріобрѣтенныя Петромъ Первымъ въ Азіи. *Леклеркъ* увѣряетъ, будто бы завоеванія въ *Персіи* стоили до *двухъ сотъ* тысячъ воиновъ; по словамъ *Манштейна*, уронъ сей состоялъ во 130,000; по исчисленію же *рекрутскихъ* наборовъ отъ 1722 до 1735 года, потеря Рускихъ простиралась отъ 45 до 50 тысячъ человѣкъ. Въ предѣлахъ Персіи малочисленные отряды побѣждали превосходнѣйшаго непріятеля; но жители Сѣвера не могли противустоять вліянію тамошняго воздуха. Неумѣренное употребленіе плодовъ и воздухъ пагубнѣе были для Рускихъ оружія Персіянъ.

Въ продолженіе 1734 года написалъ духовную свою *Татищевъ*, служившій при Петрѣ Первомъ въ военной и гражданской службѣ, а притомъ извѣстный придвор-

лѣтними трудами, посвященными изслѣдованіямъ Руской Исторіи. Предлагаю здѣсь изъ сей духовной нѣкоторыя нравственныя мысли, показывающія духъ того времени, и нѣкоторыя историческія подробности, относящіяся къ Петру Великому.

„Главное повиновеніе“ говоритъ Татищевъ сыну своему: „состоитъ въ томъ, чтобы не отказываться ни отъ какой службы и ни на что самому не вызываться. Такъ совѣтовалъ мнѣ родитель мой, отпуская меня съ братомъ на службу 1704 года. Сохраняя сіе правило въ величайшихъ трудностяхъ, я ощущалъ отраду; а когда на что нибудь вызывался самоизвольно, тогда подвергался неизбѣжному разкаянію. Часто и вѣрно служащіе Государству претерпѣваютъ скорбь отъ того, что хищники и люди безсовѣстные, страшась ихъ добродѣтели, помрачаютъ ихъ клеветою. Я претерпѣлъ при Петрѣ Первомъ сіе гоненіе отъ злыхъ людей: я подвергся Государеву гнѣву. Но вскорѣ объяснилась истина; клеветники посрамились, а правосудный Государь щедро меня наградилъ.

„И такъ, не взирая ни на какія козни и утѣсненія, старайся неусыпно о пользѣ

общей; защищай честь и власть Государя; никогда не соглашайся съ тѣми, которые превозносятъ вольность другихъ земель и домогаются ограничить власть своего природнаго Государя. Не мечтай, будто бы ты правительству такъ необходимъ, что оно безъ тебя не можетъ обойтися; не думай того и о другихъ: знай, что такихъ людей Богъ не создалъ (1)."

Такъ мыслили современники Татищева. Предложимъ теперь изъ духовной его подробности историческія.

„1722 Года" продолжаетъ Татищевъ: „учиненъ былъ на меня доносъ во взяткахъ. Дѣло мое поступило въ *Верховный Судъ*. Вопъ мой опвѣтъ. *Во первыхъ*: Судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла. Естьли я и не взялъ ничего, но учинилъ противъ закона, то я виноватъ; а естьли къ тому присовокупляется корысть, то я сугубо виноватъ. Когда же законно и порядочно сдѣлаю, тогда не могу быть осужденъ. *Во вторыхъ*: за положенное жалованье я долженъ работать только до полудня; а время сіе не достаточно для рѣшенія ну-

(1) Стр. 27 и 42.

жныхъ прозьбъ. Послѣ обѣда я не обязанъ трудишься. Въ канцеляріяхъ дѣла рѣшатся по *очереди*: ненужныя бываютъ впереди, а важнѣйшія позади. А естьли я, въ ожиданіи справедливаго возмездія, уклоняюсь отъ игръ, отъ псовой охоты и жертвую сномъ моимъ; то могу ли за то быть приличенъ во взяткахъ? Астрахань городъ купеческій (1), и въ ономъ отъ точнаго порядка болѣе бываетъ вреда, нежели пользы. Сіе объясненіе Петръ помѣтилъ сими словами: *Сіе все правда и для совѣстныхъ судей невинно; только не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотствомъ принужденнаго не было; и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ опытомъ отяготить* (2).

„Гражданская служба есть весьма важная служба въ Государствѣ; безъ нее нѣтъ и не можетъ быть хорошаго внутренняго разпорядка. Она требуетъ великихъ опытовъ и познаній; а потому гражданскіе чиновники должны обстоятельно знать

---

(1) Татищевъ былъ тогда Астраханскимъ Губернаторомъ.
(2) Стран. 37.

законы, состояніе Отечества и внимательно вникать во все то, изъ чего проистекаютъ польза или вредъ. Руководствуясь симъ правиломъ, Петръ Первый опредѣлилъ назначить изъ молодыхъ дворянъ *Юнкеровъ* въ *Коллегіи* для ученія дѣламъ гражданскимъ, а ко всѣмъ иностраннымъ Министрамъ, для пріобрѣтенія свѣденій, относящихся къ дѣламъ внѣшнимъ. Но какъ сіе, такъ и многія другія благонамѣренныя учрежденія Петра Великаго уничтожились во время малолѣтства Петра Втораго. Одно только наблюденіе мыслей и дѣяній Петра Перваго можетъ содѣйствовать къ затворенію дверей коварствамъ, возникшимъ по смерти его."

1734 Года смерть Короля Августа Втораго взволновала Польшу. Станиславъ *Лещинскій* снова сталъ домогаться Польскаго престола. Людовикъ XV, зять *Лещинскаго*, вступился за него. Хотя Станиславъ Лещинскій и славился именемъ мудраго, но не отвращалъ взоровъ отъ престола. Ни лѣта, ни опытъ не охладили его честолюбія: сколь ненадежна мудрость человѣческая! *Австрія* и Россія приняли сторону Курфирста *Саксонскаго*, владѣвшаго потомъ

въ Польшѣ подъ именемъ Августа III. Французскій посолъ, извѣщая Россійскій Дворъ, что Король его вооружается въ пользу тестя своего, сказалъ: „Во что бы ни стало, но Король возведетъ *Станислава* на престолъ Польскій; онъ укротитъ упорство Австріи: соперники принуждены будутъ оставить домогательства свои.“ Вмѣсто отвѣта на сіи высокомѣрныя угрозы, Императрица Анна отправила въ Польшу *двадцать* тысячь войскъ подъ предводительствомъ Генерала *Ласси*. Станиславъ Лещинскій снова убѣжалъ и поручилъ жребій свой *Данцигу*, обольщенному увѣреніями Французскаго Правительства. Въ началѣ *Февраля* 1734 года *Ласси* выступилъ изъ Польши съ *двенадцатью* тысячами Рускихъ къ *Данцигу*. Къ ускоренію покоренія сего города отправленъ былъ *Минихъ*. *7 Марта* убѣждалъ онъ жителей сдаться, угрожая мщеніемъ за упорство; жители не согласились, надѣясь на помощь Поляковъ и Французовъ. Вскорѣ потомъ *двѣнадцать* тысячь Поляковъ разбиты были *четырехъ*-тысячнымъ отрядомъ Рускихъ. Для подкрѣпленія малочисленныхъ полковъ своихъ, *Минихъ* требовалъ, чтобы Генералъ *Любрасъ* поспѣ-

шилъ изъ *Варшавы* къ *Данцигу*. Любранъ ослушался; старшій по немъ начальникъ исполнилъ приказаніе Миниха. Любранъ былъ *арестованъ*; но вскорѣ ходатайствомъ *Левенвольда*, любимца Бирона и врага Миниха, возвращена ему шпага. *Манштейнъ* въ Запискахъ своихъ говоритъ, что Левенвольдъ радовался неудачамъ Миниха. Иноземцы, служившіе въ Россіи, презирали пользы Россіи, жертвуя ими зависти и личной враждѣ своей.

Причина вновь возгорѣвшейся войны была таже, отъ которой воспылали распри и при Петрѣ Первомъ, то есть избраніе Польскаго Короля. Къ подкрѣпленію сего избранія, Короля *Людовика XV* предварительно подвигли сочетаться бракомъ съ *Маріей*, дочерью Станислава Лещинскаго (*).

Предложимъ о семъ повѣствованія изъ *Вольтера* и изъ Θеофана *Прокоповича*.

„Король Станиславъ," говоритъ Вольтеръ „шесть Людовика XV, наименованный уже Королемъ Польскимъ 1704 года, избранъ въ Короли и 1733 года. Избраніе

(*) Вольтеръ говоритъ увѣрительно, что Людовикъ, женясь на ней, *не думалъ ни о ней, ни объ отцѣ ея*. См. Вѣкъ Людовика XV.

сіе было и самое законное и самое торжественное; но Карлъ VI принудилъ приступить къ другому избранію, поддерживаемому оружіемъ и силами Россіи. Сынъ послѣдняго Польскаго Короля, Герцогъ Саксонскій, вступившій въ супружество съ племянницей Карла VI, превозмогъ соперника своего. И такъ Домъ Австрійскій, неудержавшій за собою ни Гишпаніи, ни Западной Индіи и не успѣвшій даже учредить торговаго общества въ *Остендѣ*, отнялъ престолъ у тестя Людовика XV. Къ поддержанію сего избранія, Станиславъ отправился въ Данцигъ. Большинство голосовъ, избравшихъ его, уступило меньшему числу сопротивныхъ голосовъ.“

Такъ пишетъ Вольперъ; предложимъ теперь мнѣніе Ѳеофана.

„По долговременной и полезной Шведской войнѣ“ говоритъ онъ: „наспалъ миръ честный и полезный. Почти двадцать лѣтъ Россія наслаждалась миромъ; и внезапно возшумѣла новая война. Сѣмя сей войны не на своей землѣ возникло, но на чужой и отдаленной. Ободренный смертію Короля Августа, Лещинскій возмечталъ, что Польскій престолъ *снова для него воскресъ*. Тѣ

самые Вельможи, которые прощены были Петромъ, оставлены при своихъ правахъ и клятвенно обязались никогда не приставать къ противной сторонѣ; тѣ самые Вельможи соединились къ поддержанію низверженнаго Станислава. Пробудивъ, такъ сказать, *Лещинскаго* отъ двадцатилѣтняго сна, они уготовляли для Россіи новыя бури. Собрались силы Польскія; подоспѣло Французское оружіе и сокровища сей Державы; призвали на помощь многія области Европейскія; не миновали ни Турокъ, ни Татаръ; домогались отклонить отъ насъ союзниковъ; благопріятствовавшій намъ Австрійскій Домъ поразили разорительнымъ нашествіемъ и какъ будто бы оковали цѣпями; къ успѣху въ сихъ замыслахъ избрали приморскій городъ *Данцигъ*, снабженный сухопутными и водяными выходами; въ твердыхъ его укрѣпленіяхъ помѣщенъ былъ вождь и орудіе сплетенныхъ замысловъ противъ нашего Отечества. Однихъ привлекали почестями и блистательными обѣщаніями, другихъ отдаляли отъ насъ ложными молвами; стращали въ объявленіяхъ своихъ новыми войсками, которыхъ не было; возвѣщали о мнимыхъ морскихъ и сухопут-

ныхъ силахъ; сулили золотыя горы, существовавшія только на бумагѣ; а всего болѣе угрожали Россіи содѣйствіемъ Порты Оттоманской. Увѣряли, что война сей Державы съ Персіей уже прекращается, и что Турція всѣми силами ополчится на Россію. Политики, порабощившіе перо свое корысти, писали и печатали, будто бы Россія была виною возставшей войны. Наконецъ утверждали, что враги наши увѣнчаются несомнѣнными и легкими побѣдами, ибо мужество Рускихъ сокрылось во гробъ съ Петромъ Первымъ."

Занявъ почти безъ всякаго урона крѣпостцу *Зомерженцы*, Минихъ вознамѣрился овладѣть *Гагельсбергомъ*. Три тысячи Рускихъ отряжены были на приступъ; пять тысячь составляли подкрѣпленіе. Приступъ начался около полуночи. *Батарея* быстро взята была Русками. Офицеры, ободряя солдатъ примѣромъ своимъ, были впереди и первые встрѣчали опасности. *Манштейнъ* и прочіе иностранные Писатели свидѣтельствуютъ, что всѣ Рускіе чиновники были убиты, или ранены. Лишась начальниковъ своихъ, Рускіе полки стояли непоколебимо. Минихъ, примѣтя,

что *колонны* слишкомъ стѣснились, послалъ Адъютанта своего, и узнавъ, что причиною тому потеря всѣхъ начальниковъ, приказалъ отступить. Солдаты отвѣчали: *Мы положимъ здѣсь головы наши, а назадъ ни на шагъ не подвинемся.* Наконецъ сильныя убѣжденія Графа *Ласси* заставили ихъ повиноваться. Непріятели Миниха обвиняли его, что онъ безполезно пожертвовалъ Рускими, не обдумавъ приступа *Гагельсбергскаго.* Фридрихъ Вторый говоритъ, что Минихъ, имѣя всѣ достоинства и погрѣшности великаго Полководца, не щадилъ солдатъ для славы своей. Въ военномъ дѣлѣ истинная слава въ томъ состоитъ, чтобы умѣть употреблять людей и подвергать ихъ опасности въ случаѣ только рѣшительнаго дѣла, обезпечивающаго послѣдующіе успѣхи.

14 Мая 1734 года полки, прибывшіе изъ *Варшавы*, вступили въ Руской станъ. 22 По убѣдительнымъ прозьбамъ Данцигскаго *Магистрата* прекратились военныя дѣйствія на трое сутокъ. Жители Данцига, все еще обнадеживаемые Франціей, ожидали оттуда важной помощи и не приняли условій, предложенныхъ Минихомъ.

Военныя дѣйствія возобновились съ новымъ жаромъ.

Франція, вступясь за Станислава *Лещинскаго*, не смѣла дѣйствовать рѣшительно, опасаясь Англіи. Кардиналъ *Флери*, управлявшій тогда *Министерствомъ*, для виду только отправилъ къ Данцигу 1,500 человѣкъ. Бригадиръ ла *Мотъ-Перузъ*, начальствовавшій симъ отрядомъ, отплылъ къ берегамъ *Даніи*. Молодой Графъ *Плело*, бывшій тамъ посломъ отъ Французскаго Двора, ревнуя къ чести Французовъ, рѣшился или помочь Данцигу, или умереть подъ стѣнами его. Отправляясь туда, онъ писалъ къ одному изъ Государственныхъ *Секретарей*: „Я знаю, что погибну; не забудьте жену и дѣтей моихъ.“ Графъ *Плело* поплылъ къ Данцигу, напалъ на Рускихъ, и погибъ. Подвигъ сего юнаго героя достоинъ уваженія; но не простительно *Министерству*, которое изъ пустаго самолюбія пожертвовало жизнію великодушныхъ воиновъ.

12 Іюня появленіе Рускаго флота подъ Данцигомъ рѣшило судьбу сего города. Станиславъ *Лещинскій* въ матросской одеждѣ убѣжалъ изъ Данцига. 30 Іюня городъ поко-

рился. По словамъ Манштейна, осада и взятіе Данцига стоили Рускимъ *осьми* тысячь рядовыхъ и *двухъ* сотъ Офицеровъ.

По случаю торжества о покореніи *Данцига*, краснорѣчивый Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичь произнесъ Слово, въ окончаніи котораго сказалъ: „Непріятели наши увѣряли, что война съ нашей стороны неправильна, а со стороны ихъ свята и праведна; они разглашали, что предпринимаютъ самую легкую войну, и что сила Россійская съ Петромъ Великимъ умерла.“

Императоръ *Карлъ VI*, видя по успѣхамъ Рускихъ подъ *Данцигомъ*, что *сила ихъ не умерла*, просилъ Императрицу Анну опрядить къ нему вспомогательное войско. Десять тысячь Рускихъ прибыли на *Рейнъ* въ Іюнѣ 1734 года и, по свидѣтельству *Манштейна*, удивили Германскія области порядкомъ и благочиніемъ.

Въ теченіи 1736 года скончался знаменитый Архіепископъ Ѳеофанъ *Прокоповичь*, проповѣдникъ краснорѣчивый, мужъ ученый и непосредственный сотрудникъ Петра Перваго во всѣхъ его предпріятіяхъ, относившихся къ преобразованію Россіи. Хотя торжественныя его слова и пропо-

вѣди, изданныя въ то время, когда мно-жество чужеземныхъ словъ вдругъ вошло въ Руской языкъ и когда оный не имѣлъ еще опредѣленнаго разграничиванія слоговъ; хотя сіи слова и проповѣди и испещрены излишествомъ чужеземныхъ и простонародныхъ рѣченій, но оныя всегда будутъ образцами въ изобиліи сильныхъ и разительныхъ мыслей и выраженій. Ѳеофанъ трудился и по духовной и по Государственной части. Петръ часто съ нимъ совѣтовался. При воцареніи Екатерины *Первой* онъ оказалъ важныя услуги Отечеству вмѣстѣ съ Княземъ Меншиковымъ и другими Вельможами. Онъ участвовалъ въ предначертаніи воспитанія для юнаго Императора Петра Втораго. Когда же избрали Анну Ивановну на престолъ и предпринимали ограничить ея права, онъ первый черезъ нарочнаго извѣстилъ ее въ томъ и удостовѣрялъ, что сіе ограничиваніе со временемъ уничтожится (*).

Привыкнувъ любить Великаго Самодержца Петра Перваго, который самолич-

(*) См. Словарь Истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійскія Церкви стр. 678.

но участвовалъ во всѣхъ частяхъ Государственнаго управленія и былъ ревностнымъ сотрудникомъ всѣхъ Государственныхъ Чиновниковъ; привыкнувъ любить сего неусыпнаго трудолюбца, Θеофанъ любилъ и самодержавное правленіе, одушевленное учрежденіями Государя, для него незабвеннаго. Мысли свои о *Царской власти* изложилъ онъ въ рѣчи, произнесенной 19 Января 1733 года.

Замѣтимъ къ чести Θеофана, что Преосвященный Платонъ приступъ своей рѣчи, по случаю вѣнчанія на Царство АЛЕКСАНДРА Перваго, заимствовалъ изъ Θеофанова слова, говореннаго имъ въ день *коронованія* Анны Ивановны. Предложимъ сей приступъ. „О чемъ нынѣ всенародно „сорадуемся тебѣ, и поздравляемъ тебя, „великая и Самодержавная Государыня наша, по всѣхъ наше общее благополучіе и „щастіе: но еще такъ наше общее, что „въ тебѣ того корень и не безгорестный, „а сладкіе изъ него плоды намъ раждаются; твой престолъ тебѣ безпокойство, а „намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ „тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе

„приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ,
„нежели украшаетъ главу твою, безчи-
„сленными наполняя попеченіями; но для че-
„го? Чтобъ главы твоихъ подданныхъ въ
„тишинѣ и веселіи пребывали. Самое благо-
„словенное помазаніе твое, естъ во испи-
„ну знаменіе великой Божіей къ тебѣ благо-
„спыни, но благоспыни, управляющей те-
„бя въ дѣло, всѣхъ дѣлъ большее, печалей
„исполненное, многомыслія пребующее, и
„падежемъ совѣсти, и вреду здравія и
„забвенію чести и славы подлежащее, да-
„бы превеликая сія Держава, достояніе
„твое, и отъ внутрь, и отъ внѣ невред-
„но спояти возмогла, словомъ: вывела
„тебя десница Вышняго на вѣтры и бури,
„и грады, и дожди, и громы, чтобы мы,
„тобою покрываемые, ничего того не от-
„вѣдывали.“

Въ Польшѣ продолжались неустройства ко вреду Польши. Поляки, называвшіе себя защитниками и приверженцами Станислава *Лещинскаго*, подъ симъ предлогомъ разоряли своихъ соотечественниковъ. Французскій Дворъ, раздраженный неудачнымъ покровительствомъ шестю Людовика XV,

1736 года успѣлъ наконецъ возбудить Турцію противъ Россіи. Предусматривая непріязненныя разположенія *Порты*, Россія рѣшилась предупредить замыслы оной. Канцлеръ *Остерманъ* издалъ объявленіе, въ которомъ изобразилъ насилія Крымскихъ Татаръ, разорявшихъ Украйну въ продолженіи войны Петра Перваго съ Швеціей. Война съ Турціей началась блистательнѣйшимъ подвигомъ. Рускіе воины, подъ предводительствомъ *Миниха*, овладѣли *Перекопскими укрѣпленіями*, надъ которыми пять тысячь человѣкъ трудились нѣсколько лѣтъ сряду. Пораженные огромностью укрѣпленій, Рускіе сперва пріостановились; но вскорѣ подъ пушечными выстрѣлами спустились въ ровъ. Короткость лѣстницъ замѣнили они связанными рогатками, употребляемыми тогда для огражденія войска отъ непріятеля; въ то же время задніе ряды пособляли переднимъ всходить на высоту окоповъ копьями и штыками. Отважность Рускихъ обратила въ бѣгство многочисленныя толпы враговъ. 30 Мая 1736 года низверглись Перекопскія укрѣпленія, простиравшіяся на нѣсколько верстъ. По одержаніи побѣды, *Минихъ* въ присут-

ствіи любопытнаго Турецкаго военачальника производилъ ученіе. „Я удивляюсь искусству Рускихъ," сказалъ *Паша*: „но какъ могли они взойти на укрѣпленія наши?" — Мужествомъ и проворствомъ, — отвѣчалъ Минихъ. „Однако же," возразилъ *Паша*: „у нихъ нѣтъ крыльевъ."

Въ Крымскую войну особенно отличился храбрый Генералъ-Маіоръ *Лесли*. 6 Іюля 1736 года съ небольшимъ отрядомъ и двумя пушками слѣдовалъ онъ за войскомъ отъ *Днѣпра* черезъ *Перекопъ*. На разсвѣтѣ 7 числа напалъ на него многочисленный непріятель, и мечталъ уже, что захватитъ слабый Рускій отрядъ. Гдѣ воины предпочитаютъ славную смерть плѣну, тамъ торжествуетъ не число, но мужество. Отважно выдержалъ *Лесли* первый напоръ непріятеля; непоколебимо отражалъ непрестанныя нападенія. Наконецъ, видя крайнее изнеможеніе воиновъ, воскликнулъ: *Друзья! съ помощію Божіей, ударимъ грудью на врага; тѣмъ быстрѣе его опрокинемъ, тѣмъ скорѣе отдохнемъ.* Раздалось *ура!* Рускіе подъ тучею спрѣлъ бросились на скопище Татаръ; *Лесли* былъ впереди. Замѣтя отважнаго Татарскаго начальника, полетѣлъ

на него, поразилъ, взялъ саблю и снялъ панцырь. Съ сими побѣдоносными знаками и съ отрядомъ своимъ присоединился онъ къ главному войску.

Между тѣмъ, какъ Минихъ побѣждалъ Татаръ и бралъ города ихъ, зависть и ненависть нападали на него. Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*, не любя прудовъ и обольщаясь тщеславіемъ, лестію и пронырствомъ, склонялъ на свою сторону войско и Полководцевъ Рускихъ. Онъ разглашалъ, что *Минихъ* не жалѣетъ крови солдатъ и хочетъ уморить ихъ въ степяхъ съ голода; *Магнусъ Биронъ* и другіе иностранцы участвовали въ сихъ коварныхъ замыслахъ. По взятіи *Бахчи-Сарая*, Ханской столицы, Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*, забывъ стыдъ и благоразуміе, возбуждалъ начальниковъ къ явному бунту противъ Фельдмаршала *Миниха*. „Естьли *Минихъ* вздумаетъ насъ вести впередъ, то мы должны его задержать и поручить главное начальство старшему по немъ.“ Рускіе Полководцы, помня правила Петра Перваго, отвергли съ презрѣніемъ сіе предложеніе; они говорили, что не ихъ дѣло вмѣшиваться въ распоряженія военачальника. „Нашъ долгъ,“

прибавили они: „повиноваться службѣ и соблюдать честь имени Рускаго, не щадя жизни своей.“

Хотя слава *Миниха* гремѣла отъ Чернаго моря до береговъ Балтійскихъ, но, по словамъ *Манштейна*, онъ не избѣгъ бы военнаго суда, естьлибъ не умеръ непримиримый врагъ его Оберъ-Штальмейстеръ *Левенвольдъ*.

Не приставая къ распрямъ и замысламъ иностранцевъ, Рускіе мужественно нападали на враговъ; безъ ропота и съ терпѣніемъ переносили труды. Сообразуясь съ мѣстнымъ положеніемъ и для удобнѣйшаго отраженія скопищъ непріятельскихъ, *Минихъ* шелъ въ походѣ *карреями* или четверо-угольниками, въ которыхъ располагался обозъ. Для сообщенія *Крыма* съ *Украйной* Фельдмаршалъ устроилъ небольшія укрѣпленія, служившія къ охраненію обозовъ отъ набѣговъ Татаръ.

По окончаніи Крымскаго похода и по взорваніи *Перекопскихъ* укрѣпленій, Руское войско разположилось вдоль по Днѣпру, для обороны границъ. Не смотря на неусыпную осторожность, Татары въ зимніе мѣсяцы 1736 и 1737 годовъ впоргались

въ области Рускія, распространяли пожары, опустошенія и уводили въ плѣнъ обывателей; важнѣйшее изъ сихъ вторженій произошло *1737* года въ Февралѣ мѣсяцѣ. Нѣсколько тысячь *Татаръ* перебрались по льду черезъ Днѣпръ близъ мѣстечка *Калиберды*. Генёралъ *Лесли*, прославившійся уже отважностью своей, немедленно собралъ до двухъ сотъ человѣкъ изъ передовой стражи, ударилъ на скопища враговъ и отразилъ ихъ; но вскорѣ Татары, примѣтя малочисленность Рускаго отряда, опрокинулись всѣми силами и врѣзались въ ряды Рускихъ. Храбрый Генералъ *Лесли* и почти всѣ рядовые пали на мѣстѣ сраженія. Двадцать рядовыхъ и сынъ Героя, служившій при немъ *Адъютантомъ*, достались въ руки Татаръ. Не долго блисталъ *Лесли* въ числѣ Героевъ Рускихъ, но имя его всегда будетъ украшать военныя лѣтописи Руской славы.

1737 Года, возвратясь къ войску въ началѣ весны изъ Петербурга, *Минихъ* немедленно приготовился къ походу. Въ исходѣ Апрѣля войско тремя отдѣленіями переправилось черезъ *Днѣпръ*. Подъ начальствомъ Миниха *дивизіонными* Генералами были: Гене-

ралъ-Аншефъ Графъ *Румянцевъ*, Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*, Генералъ *Леонтьевъ*, *Кейтъ*, Карлъ *Биронъ* и *Ловендаль*; Генералъ-Маіоры: *Татариновъ*, Магнусъ *Биронъ*, Князь Василій *Репнинъ*, *Штофель*, *Бахметевъ* и *Аракчеевъ*. Въ Крымскій походъ Генералъ *Аракчеевъ* способствовалъ къ успѣхамъ войскъ безостановочнымъ доставленіемъ продовольствія изъ Украйны.

Къ приведенію непріятеля въ недоумѣніе, Минихъ распустилъ молву, будто бы онъ идетъ не къ *Очакову*, но къ *Бендерамъ*, куда собиралось главное Турецкое войско; сею хитростію проложилъ онъ себѣ безпрепятственный путь. Вскорѣ потомъ, извѣстясь о подлинной цѣли Фельдмаршала, Турки опрядили лучшее войско къ Очакову. Оставя обозъ подъ прикрытіемъ двухъ отдѣленій, Минихъ поспѣшилъ туда. 10 Іюля войско подошло на пушечный выстрѣлъ. 11 Числа поутру въ военномъ совѣтѣ предположили приступъ, чтобы не подоспѣло свѣжее Турецкое войско. Совѣтъ еще не кончился, а Турки учинили въ пятнадцати тысячахъ сильную вылазку. Рускіе отступили, претерпѣвъ значительный уронъ отъ того, что полки не были еще раз-

поряжены къ рѣшительному приступу. *Минихъ* былъ въ отчаяніи. Нечаянное обстоятельство поправило неудачу. 15 Іюля произошелъ пожаръ въ крѣпости. Рускіе овладѣли Очаковымъ, объятымъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ. *Манштейнъ* увѣряетъ, будто бы неудача Рускихъ воспослѣдовала отъ того, что *Минихъ* не зналъ подлиннаго вида Очаковскихъ укрѣпленій. Трудно сему повѣрить; а естьли сія укоризна справедлива, то не льзя не подивиться оплошности великаго Полководца. Очаковъ взятъ былъ случайно; но защищеніе развалинъ онаго ознаменовалось новыми опытами мужества Рускихъ и прославило Генерала *Штофелн.* Вскорѣ, по взятіи Очакова, Австрійскій Полковникъ *Беренклау* писалъ къ посланнику своему, что *салдаты поступали съ неимовѣрною храбростію, а начальники уронили славу свою.* Къ раздраженію Минихова самолюбія недоброжелатели его передали ему сіе письмо. Минихъ, претерпѣвшій неудачу, какъ Полководецъ, силою превосходной души увѣнчался побѣдою надъ тщеславіемъ своимъ. Хотя онъ былъ уполномоченъ Императрицею Анною къ заключенію съ Турціей мира; но онъ не

приступилъ къ *особеннымъ* договорамъ, желая, чтобы и Австрія воспользовалась выгодами общаго мира.

Между тѣмъ, какъ въ продолженіи 1737 года Рускія войска дѣйствовали съ перемѣннымъ щастіемъ, но всегда отличаясь непоколебимымъ мужествомъ; между тѣмъ коварный и властолюбивый *Бирон* учинился Герцогомъ Курляндскимъ. *Манштейнъ* говоритъ, что даже и вспомоществованіе, доставленное 1734 года Курфирсту *Саксонскому*, сопернику *Станислава Лещинскаго*, клонилось единственно къ тому, чтобы Саксонскій Курфирстъ, достигнувъ Польскаго престола, содѣйствовалъ намѣреніямъ *Бирона*. Естьли для сего пожертвовали *осьмью* тысячами Рускихъ воиновъ подъ *Данцигомъ*, то не льзя не скорбѣть о потерѣ ихъ. *Милліонъ* червонныхъ, взысканныхъ съ жителей Данцига, не споилъ того, чтобы Россія употребила издержки и жизнь храбрыхъ своихъ сыновъ. Впрочемъ *Бирон* невольно содѣйствовалъ намѣреніямъ Петра Перваго, который не желалъ, чтобы Польша имѣла Короля, покровительствуемаго Франціей.

Достигнувъ первой цѣли властолюбивыхъ замысловъ своихъ и простирая оные далѣе, *Биронъ* вознамѣрился устрашить Рускихъ новымъ доказательствомъ власти своей. Не удовлетворяясь ссылкою Князей *Долгорукихъ*, онъ съ новою яростію противъ нихъ вооружился. На островахъ Березовыхъ, въ плачевномъ заточеніи невинныхъ страдальцевъ *явился внезапно воинскій* Чиновникъ, отправленный *Бирономъ*. Князя Ивана Алексѣевича отлучаютъ отъ отца, отъ братій, отъ сестръ и отъ супруги его *Наталіи*. Великодушный Князь сокрушается не о себѣ, но о безпримѣрной супругѣ. Его сажаютъ въ особой избѣ подъ крѣпкимъ карауломъ; воспрещаютъ всякое съ нимъ сношеніе, и даютъ столько пищи, чтобы онъ не умеръ съ голода. Въ отчаяніи душевномъ Наталія видитъ, что другъ, товарищъ и любимецъ Петра Втораго подверженъ такому жребію, въ какомъ едва ли былъ страдалецъ, протягивающій руку во имя Божіе — какой оборотъ щастія человѣческаго! . . *Наталія* со слезами, съ плачемъ умоляетъ военнаго Чиновника, чтобы ей по крайней мѣрѣ хотя одинъ разъ въ день сквозь малое оконное

отверзтіе позволено было взглядывать на единственнаго ея друга; скрытно носить ему пищу, и радуется, что можетъ еще подкрѣплять жизнь супруга своего. Ужасается воображеніе отъ одного названія *островова Березовыхъ*, страшно переносишься и мыслію въ сіе жилище мрака, вьюгъ и бурь; но имя сей отдаленной, сей дикой пустыни стало любезно сердцу съ того времени, когда украсилась она пребываніемъ четы, безпримѣрной въ лѣтописяхъ любви, нѣжности и вѣрности!

Заключеніе Князя Ивана Алексѣевича было только предвѣстіемъ новыхъ, люшѣйшихъ бѣдствій. Въ одну бурную ночь, при ревѣ вѣтровъ и подъ шумомъ вьюги, увозятъ злополучнаго Князя съ прежнимъ его приставомъ. На другой день *Наталія* идетъ къ темницѣ въ сладостной надеждѣ, что хотя взглянетъ на милаго друга. Подходитъ къ окну; нѣтъ никого. Зоветъ, кличетъ; никто не откликается. „Гдѣ онъ?“ восклицаетъ *Наталія*: „гдѣ супругъ мой?“ Въ отчаяніи душевномъ бросясь къ оставшейся стражѣ; продолжаетъ: „Люди ли, Христіяне ли вы? есть ли въ васъ человѣчество? Естьли есть хотя искра

жалости Христіянской, именемъ Бога заклинаю васъ, скажите, гдѣ Князь Иванъ Алексѣевичь? Дайте мнѣ взглянуть на него въ послѣдній разъ, дайте съ нимъ еще разъ проститься, и послѣ возмите жизнь мою! Ради Бога, ради Бога, скажите, гдѣ онъ?“

При сихъ словахъ *Наталія* упала на колѣни, простирала къ стражѣ руки; слезы лекли изъ глазъ ея ручьями, вѣтръ разносилъ ея рыданія! . . . Вмѣсто отвѣта злополучнѣйшую супругу ввели въ темницу, и у выхода поставили часоваго съ примкнутымъ штыкомъ. При лютомъ иноплеменникѣ *Биронѣ* въ нещастной Россіи безчеловѣчіе награждалось; жалость и всѣ душевныя чувствія почитались уголовнымъ преступленіемъ. Дни скорбные, дни плачевные! естьли можно, изтребитесь навсегда изъ памяти Россіянъ!

Между тѣмъ Князя Ивана Алексѣевича и бывшаго при немъ пристава Маіора *Петрова* быстро мчатъ въ Петербургъ къ отвѣту.

Но и злодѣи во всемъ могуществѣ своемъ страшатся присутствія добродѣтели. Опасаясь, чтобы долговременныя страда-

нія любимца Петра Втораго, чтобы воспоминанія о злоключеніи *Долгорукихъ*, о ссылкѣ *Наталіи*, дочери знаменитаго *Шереметева*: опасаясь, чтобы все сіе не возбудило сожалѣнія, *Биронъ* приказалъ казнить Князя *Ивана Алексѣевича* подъ Новымъ-Городомъ. Вмѣстѣ съ нимъ преданъ смерти и нещастный приставъ, вѣроятно для того, чтобы онъ не засвидѣтельствовалъ о великодушномъ терпѣніи невинныхъ страдальцевъ. Восходя на лобное мѣсто и когда палачь возносилъ уже сѣкиру, Князь *Иванъ Алексѣевичь* съ умиленіемъ душевнымъ произнесъ сіи слова: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! Помяни мя, Владыко! егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Тѣла невинныхъ страдальцевъ погребены внѣ города. Въ послѣдствіи надъ ихъ могилою сооружена каменная церковь во имя Рождества Христова. Сей памятникъ воздвигнутъ *Наталіей* и сыномъ ея *Михайлою Ивановичемъ*. Прахъ невиннаго страдальца покоится на *Христорождественскомъ кладбищѣ*.

Казнивъ Долгорукаго, привезеннаго изъ Сибири, *Биронъ* сослалъ туда многихъ *Курляндскихъ* Дворянъ. Онъ хотѣлъ, чтобы

никто не отважился даже и помыслить, что онъ вышелъ изъ праха и ничтожества.

По окончаніи *втораго* похода, имѣя въ обладаніи своемъ *Азовъ*, *Очаковъ* и *Кинбургъ*, Рускіе отступили въ предѣлы свои. Войско разположилось на прежнемъ постоѣ. Крымскій *Ханъ* порывался внутрь Россіи; *Минихъ* отразилъ его. Въ первыхъ числахъ Мая 1738, переправясь черезъ Днѣпръ, Рускіе полки, не употребляя торопливости, перешли за Бугъ 30 Іюня, а 10 числа Іюля за рѣчку *Кодинц*, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она сливается съ *Бугомъ*. 11 Іюля произошло первое сраженіе. Турки всѣми силами наступали на средину Рускаго войска. Бригадиръ *Шиповъ*, находившійся тогда при лицѣ Фельдмаршала, соединилъ отряды, разсѣявшіеся на правомъ крылѣ отъ напора непріятеля, быстро и отважно ударилъ съ ними. Запальчивость завлекла его слишкомъ далеко. Сражаясь съ неимовѣрною храбростію, *Шиповъ* отъ усилія многочисленныхъ скопищъ Турокъ приходилъ уже въ изнеможеніе. *Минихъ* съ отрядомъ *кирасиръ* бросился выручать его. Сей подвигъ, свидѣтельствующій личное

мужество Фельдмаршала, былъ важнѣйшимъ произшествіемъ въ продолженіи 1738 года.

Третій походъ противъ Турокъ воспослѣдовалъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1739 года. Войско быстро начало собираться съ *Дона*, съ *Донца*, изъ *Украйны*, изъ отдаленныхъ мѣстъ отъ *Днѣстра* и переправилось черезъ *Днѣпръ*, не взирая на сильное половодье. Въ виду непріятеля Минихъ перешелъ черезъ Бугъ, *Днѣстръ* и *Перекопскія* ущелины. Турецкій вождь *Велій-Паша* съ намѣреніемъ пропустилъ Рускихъ, надѣясь истомить ихъ непрестанными нападеніями и лишеніемъ средствъ къ продовольствію. *Паша* обманулся въ расчетѣ своемъ. Рускіе въ тылу непріятелей захватили множество скота и другихъ припасовъ. 28 Августа одержано *Ставучинское* сраженіе. Сіе небольшое селеніе славою Рускихъ сдѣлалось знаменитымъ въ лѣтописяхъ военныхъ. Турецкій станъ укрѣпленъ былъ природой и искуствомъ. *Велій-Паша* угрожалъ срединѣ Рускихъ войскъ съ возвышенія, защищаемаго *батареями*; стоявшій противъ лѣваго крыла начальникъ *Хотинской* крѣпости *Кальчакъ Паша* примыкалъ съ сильнымъ отрядомъ къ непроходимымъ горамъ и лѣсамъ; дру-

гой многочисленный отрядъ противъ праваго крыла разположенъ былъ подъ горами, простирающимися до рѣки *Прута*; съ тылу Татары обезпокоивали Руское войско. Турки удостовѣрены были, что войско наше будетъ въ плѣну. Надежда на *Шведовъ* и *Поляковъ*, выжидавшихъ безсилія Рускихъ, утверждала ихъ въ сей высокомѣрной мысли.

Рускіе воины, умѣющіе цѣнить мужество начальниковъ, называли Миниха *соколомъ*. Быстрымъ *соколинымъ* окомъ обозрѣвъ станъ Турецкій, Минихъ замѣтилъ слабость лѣваго крыла. Турки не укрѣпили онаго, полагая, что оно достаточно оборонено протокомъ *Шуланцемъ*, имѣющимъ по сторонамъ своимъ пространныя болота. Отрядя часть войска для мнимаго нападенія на правое непріятельское крыло, и между тѣмъ, какъ главныя Турецкія силы туда устремились, Минихъ обошелъ лѣвое крыло чрезъ болота. Фельдмаршалъ къ ободренію полковъ сказалъ: „Враги поклялись насъ истребить; а мы съ именемъ Бога и Императрицы нашей пойдемъ на нихъ.“ *Да здравствуетъ матушка Императрица*! воскликнули воины, и уда-

рили на враговъ. Въ пять часовъ вечера загорѣлась сильная и упорная битва. Турки, мечтавшіе захватить все Руское войско, зажгли станъ свой и обратились въ бѣгство. Искусное и отважное движеніе *Миниха* увѣнчало успѣхомъ *Ставучинское* сраженіе. Въ слѣдствіе сей побѣды 31 Августа занятъ былъ *Хотинъ* безъ пушечнаго даже выстрѣла. Побѣдители гнали Турокъ за рѣку Прутъ и укрѣпились по берегамъ оной. Утвердясь внутри владѣній непріятельскихъ, отразили они Молдавскаго *Господаря* за *Дунай*, собрали подать, снабдили войско продовольствіемъ, не претерпя почти никакого урона отъ болѣзней. „Все сіе," говоритъ *Миних*ъ: „исполнилось съ помощію Всевышняго; десница Его вела насъ."

Ставучинская битва достопамятна въ военныхъ лѣтописяхъ, а легкое покореніе *Хотина* безсмертно въ лѣтописяхъ *Россійской Словесности*. Ломоносовъ, находясь въ чужихъ краяхъ, прислалъ въ *Академію* 1739 года изъ *Марбурга* Оду на взятіе Хотина. Съ сей Оды началось новое Руское стихотворство. Въ размѣрѣ стопосложенія Ломоносовъ подражалъ Германскому стихо-

дворцу *Гинтеру*, а всѣ красоты сшиховъ своихъ заимствовалъ изъ Рускаго слова. Были и до него Рускія произведенія, ознаменованныя силою и величіемъ; но онъ первый научилъ слогу, послужившему основаніемъ нашей *свѣтской* Словесности.

Въ то время, когда гремѣло побѣдоносное Руское оружіе, совершилось бракосочетаніе племянницы Императрицы Аннѣ *Мекленбургской* съ Антономъ Ульрихомъ *Брауншвейгскимъ*. Въ 1716 году, находясь въ Данцигѣ, Петръ Первый выдалъ дочь брата своего *Іоанна*, Царевну *Екатерину Ивановну*, за Герцога *Мекленбургскаго*. Отъ сего супружества родилась Анна Петровна Мекленбургская. Императрица, по любви родственной, а Биронъ, по видамъ своимъ, домогаясь навсегда отдалить *Елисавету Петровну* отъ престола, заключилъ сей бракъ. *Антонъ Ульрихъ*, племянникъ Австрійской Императрицы *Маріи Терезіи*, въ 1733 году прибылъ въ Россію. Биронъ, желая привлечь къ нему довѣренность Рускаго войска, отправилъ его во второй Турецкой походъ. Бракосочетаніе Анны Мекленбургской съ Принцемъ *Брауншвейгскимъ* со-

вершилось въ торжественные дни Руской славы.

Минихъ надѣялся уже внесть побѣдоносное оружіе въ средину Турціи; но всѣ дальнѣйшія предпріятія уничтожились миромъ, заключеннымъ Австріей съ Портою безъ сношенія съ Россіей. Одни полководцы, отдающіе для славы жизнь свою на жертву смерти и опасностей, могутъ чувствовать, какъ горестно лишиться плодовъ побѣдъ! Раздраженный Фельдмаршалъ написалъ въ Октябрѣ 1739 года укорительное письмо къ Князю *Лобковицу*, начальнику *Трансилваніи*.

Вотъ главное содержаніе онаго:

„При блестящихъ успѣхахъ Россійскаго оружія могъ ли я не огорчиться извѣстіемъ вашимъ о мирѣ? Могъ ли не сѣтовать, что Австрійцы, для содѣйствія Рускимъ, не хотятъ вступить въ *Валлахію*? Гдѣ торжественныя обѣщанія; гдѣ обнадеживанія въ соблюденіи непоколебимаго союза?

„Мы знали; что 13 Августа Цесарцы были въ выгодномъ положеніи и что *Бѣлградъ* могъ выдержать упорную осаду. Занявъ *Хотинъ*, мы быстро устремились на *Яндій* къ смиренію кичливости Оттоман-

ской предъ *Бѣлградомъ*. Цесарскіе Генералы знали о успѣхахъ нашихъ, и они приступили къ мирнымъ переговорамъ. Забывъ должное уваженіе къ Императрицѣ моей, они не хотѣли даже и предварить меня о томъ. Мирныя ваши условія вредны и для Австріи и для Россіи.

„Къ чему послужила святость союза? Рускіе берутъ крѣпости, Цесарцы срываютъ укрѣпленія; Рускіе громятъ силы Турецкія, Цесарцы воспламеняютъ высокомѣріе враговъ; Рускіе съ новыми усиліями продолжаютъ войну, Цесарцы заключаютъ невыгодный миръ, уклоняясь отъ великодушнаго посредничества Россійской Императрицы.

„Россія одна выдержала Польскую войну противъ *Станислава Лещинскаго* и Польскихъ *Конфедератовъ*; она уничтожила всѣ замыслы *Швеціи* и *Франціи*, не щадившихъ ни золота, ни пронырствъ. Появленіе десяти тысячь Рускихъ на *Рейнѣ* ускорило миръ Австріи съ Франціей. Азовъ, Кубань, Перекопскія укрѣпленія, побѣды въ областяхъ Крыма, Кинбургъ и Спавучинская битва возвѣщаютъ славу Россіянъ. Флотъ нашъ непрестанно удерживалъ морскую Турец-

кую силу. Не жалѣя сокровищъ, Россія уничтожила злоумышленіе Шведовъ и Поляковъ. Наконецъ, по занятіи *Хотина*, Рускіе вступили въ обладаніе *Молдавіи*.

„Кто же повѣритъ, будто бы Австрія несла одна все бремя войны?“

Россія, оставленная Австріей, вскорѣ принуждена была заключить миръ съ Турціей. Въ силу переговоровъ, учиненныхъ безъ сношенія съ побѣдоноснымъ Фельдмаршаломъ, уступили всѣ завоеванія Туркамъ: они обязались только срыть укрѣпленія *Азова* и не строить крѣпостей по рѣкѣ *Кубани*. Такъ кончились подвиги, приводившіе въ трепетъ Турцію и изумлявшіе Европу. Но что значатъ и самыя блестящія побѣды, естьли страждетъ внутреннost Отечества?

Подъ желѣзнымъ жезломъ *Бирона* Россія испытала всѣ бѣдствія. Овладѣвъ сердцемъ Анны, не склонной къ свирѣпству, но ослѣпленной пристрастіемъ, онъ управлялъ Россіей, какъ будто бы завоеванною областью. Столица наполнена была лазутчиками; общее недовѣріе оковало сердца и души. Родные чуждались родныхъ; друзья убѣгали друзей. За одно неосто-

рожное слово подвергались мученіямъ и казни. Многолюдная Столица претворилась въ безмолвную пустыню; казалось, что и сама природа, гнушаясь злодѣяніями лютаго *Бирона*, оцѣпенѣла и омертвѣла. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ области Россіи поражены были неурожаемъ. Тщетно ревностные чиновники, находившіеся въ городахъ и уѣздахъ, предстательствовали за жителей, истомленныхъ голодомъ и нищетою; вмѣсто вспомоществованія страдальцамъ, Биронъ учредилъ *Доимочный Приказъ* и *секретную* или тайную казну. За неуплату недоимокъ изъ сельскихъ хижинъ похищали послѣдній кусокъ хлѣба и послѣдніе лоскуты одежды. Повсюду гремѣли цѣпи, повсюду раздавался стонъ и плачь. Многія тысячи природныхъ Россіянъ бѣжали въ чужія области отъ звука цѣпей, отъ голодной смерти, отъ ненасытимаго мщенія. Не колеблясь въ жестокосердіи своемъ, *Биронъ* говорилъ: *Русскіе и въ преступленіяхъ своихъ смѣло защищаются.*

Въ сіи злополучные дни Артемій Петровичъ *Волынскій*, бывшій еще въ 1715 году посломъ въ *Персіи* и пользовавшійся

довѣренностію Петра Перваго, рѣшился обличить *Бирона* передъ Императрицей. „Волынскій," говоритъ въ Запискахъ своихъ Князь Яковъ Федоровичъ Шаховской: „служа при Аннѣ *Кабинетъ-Министромъ* и *Оберъ-Шталлмейстеромъ*, былъ истиннымъ любителемъ Отечества, ревностнымъ духомъ пылалъ онъ къ славѣ Монаршей и къ пользамъ Россіи."

Сей вѣрный другъ Отечества и усердный служитель престола, сочиня записку о хищеніяхъ *Бирона*, подалъ ее Императрицѣ въ то время, когда она, по обыкновенію своему, прогуливалась въ лѣтнемъ саду. Лазутчики, наблюдавшіе всѣ шаги Анны, тотчасъ донесли о семъ произшествіи *Бирону*. Потребовавъ къ себѣ двухъ Пажей, сопровождавшихъ тогда Государыню, онъ допрашивалъ каждаго изъ нихъ порознь и убѣдился, что записка дѣйствительно была подана. Поспѣша въ комнаты Анны, *Бирон* съ злобною усмѣшкою сказалъ: „Государыня! я слышалъ, что Волынскій подаетъ вамъ какія-то тайныя записки." Раздраженная сею наглостью, Императрица вынула изъ ларчика записку, разорвала ее, и бросивъ на полъ, возразила: „Вотъ

ша записка; но что въ ней было упомянуто, о томъ никогда не узнаешь.“ Прикрывая ярость свою мнимымъ хладнокровіемъ, *Биронъ* еще дерзнулъ произнесть нѣсколько колкихъ словъ. Увлекаясь запальчивостію, Анна Ивановна воскликнула: „Мнѣ исвѣстны теперь всѣ грабительства твои; я увидѣла изъ записки Волынскаго, куда отправилъ ты милліоны, похищенные въ Россіи.“

Хитрый Бирон, узнавъ то, что ему нужно было, происками своими началъ вооружать противъ Волынскаго Графа Остермана, товарища его по Министерству. Сіи Министры, разсориваемые Бироновыми приверженцами, непрестанно старались разсталять другъ другу сѣти. Между тѣмъ *Биронъ* внушалъ Государынѣ, будто бы Волынскій, подкрѣпляемый знатнѣйшими Вельможами, домогался самовластія. „Василій *Лукичь* Долгорукій,“ говорилъ онъ: „хотѣлъ вамъ связать руки; а Волынскій хочетъ похитить престолъ.“

Клевета подѣйствовала; Волынскому запретили выѣзжать изъ дому. „Въ это время,“ говоритъ К. Шаховской въ *Запискахъ своихъ*: „убѣжденный въ совѣсти

своей, что не только всѣ дѣла Волынскаго клонились къ благу Отечества, но что онъ даже не произносилъ никогда ни одного слова къ безславію Государыни и ко вреду общества, я старался доказать ему благодарность мою за благодѣянія его. Искатели щастія оставили его домъ, одни друзья навѣщали его."

Биронъ, неутомимый въ коварствѣ и злобѣ, нарядилъ судъ. Волынскаго заключили въ Петропавловскую крѣпость. Всѣ судьи были враги невиннаго страдальца и ласкатели безчеловѣчнаго временщика. Волынскаго приговорили къ смерти; голова вѣрнаго сына Отечества пала подъ сѣкирою палача. Нѣкоторые изъ приверженцевъ Волынскаго были казнены, другіе сосланы.

Тщетно сильные злодѣи мечтаютъ, будто бы они дальновиднѣе Провидѣнія, и думаютъ въ безуміи своемъ, что нѣтъ надъ ними вышняго суда. Погибелью Волынскаго Биронъ ускорилъ погибель свою. Государыня Анна Ивановна отъ природы имѣла доброе сердце. Долговременная разлука съ Отечествомъ отдалила ее отъ соотечественниковъ; преждевременное вдовство сдѣлало ее сиротою на чужой сторонѣ.

Биронъ умѣлъ уловить ея довѣренность. Подъ ея именемъ изливалъ онъ въ Россіи ядъ злобы и ненависти. Биронъ, привыкшій къ злодѣйствамъ, которыя считалъ средствомъ къ возвышенію, Биронъ ликовалъ; но Анна, пораженная казнію невиннаго страдальца, впала въ глубокое и мрачное уныніе. Тщетно старался Биронъ развлекать ее пышностію и великолѣпіемъ; тоска ея часъ отъ часу усиливалась и наконецъ повергла въ тяжкую болѣзнь. На одрѣ смертномъ, въ терзаніяхъ совѣсти, непрестанно мечтались ей страшные призраки. *Я виновата передъ Богомъ*, вопіяла она: *я виновата передъ Богомъ! меня обманули!* . . . Вскорѣ смерть прекратила ея страданія. Биронъ еще болѣе возвысился, но не надолго.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Умирающая Анна не помышляла уже ни о власти, ни о престолѣ; но *Биронъ*, снѣдаемый страстію властолюбія, сочинилъ во имя ея духовное завѣщаніе. Въ сей духовной младенецъ *Іоаннъ*, сынъ *Антона Уль-*

риха, наименованъ былъ Императоромъ, а Бирономъ назначенъ полномочнымъ опекуномъ *Іоанна*; въ случаѣ же смерти его, Бирономъ снова учинялся опекуномъ дѣтей *Антона Ульриха*. По сему разпоряженію Бирономъ предоставлялъ *Іоанну* одно наименованіе Императора, а себѣ самодержавную власть, и вопреки духовной Екатерины Первой, обойдя дочь ея Елисавету, онъ самъ себя избралъ и уполномочилъ. Россіяне, угнѣтенные десятилѣтнимъ бременемъ Бironова самовластія, должны были или изрѣкать присягу, или подклонять голову подъ сѣкиру палача. Но ни ссылки, ни казни не могли обуздать негодованія неустрашимыхъ сыновъ Отечества, когда узнали они, что *Бирономъ*, именуемый уже *Высочествомъ*, готовился присвоить себѣ еще блистательнѣйшее названіе. Многіе воинскіе Чиновники явно говорили: *Не хотимъ быть рабами иноплеменника!* Мучитель приказалъ ихъ захватить, подвергъ люттѣйшимъ изтязаніямъ пытки и приговорилъ къ смерти. До казни ихъ оставалась одна только ночь; но въ сію самую ночь небесное правосудіе, утомленное злодѣяніями *Бирона*, вооружило противъ него соперниковъ, оскорб-

ленныхъ его высокомѣріемъ. Графъ *Минихъ*, проводившій вечеръ съ Бирономъ, пошелъ въ полночь во Дворецъ съ отрядомъ гвардіи и захватилъ его со всѣмъ семействомъ; въ то же время взятъ былъ подъ стражу Министръ *Безстужевъ*, почитаемый главнымъ приверженцемъ Бирона. Принцессу *Анну*, мать младенца *Іоанна*, провозгласили Правительницею.

Чрезвычайныя Государственныя перемѣны возбуждаютъ легкомысліе и непостоянство. Честолюбцы и искатели щастія, обольщаясь различными надеждами и ожиданіями, радуются всякой перемѣнѣ, надѣясь, что она послужитъ къ выгодѣ ихъ. Въ ту ночь, когда низверженъ былъ Биронъ, толпы искателей случайности спѣшили во Дворецъ къ Правительницѣ. Отъ тѣсноты едва можно было проходить въ дворцовую церковь. Услужники Правительницы, нося листы, кричали: „Истинныя дѣти Отечества! подписывайтесь въ вѣрности Всемилостивѣйшей нашей Правительницѣ; ступайте въ церковь цѣловать крестъ и Евангеліе!“ Между тѣмъ, любопытные, протѣсняясь сквозь множество посѣтителей, спрашивали: *Что подписы-*

вать? и вырывая другъ у друга перо и чернилицу, подписывали то, о чемъ и сами не знали.

Начались новыя милости, повышенія; начались новыя искательства, вражды и междоусобія. *Биронъ*, двадцать только дней именовавшійся *Высочествомъ*, отправленъ былъ сперва въ *Шлюссенбургъ*, а потомъ въ Сибирскій городъ *Пелимъ*. Графъ *Минихъ* сдѣлалъ чертежъ дома, назначаемаго для содержанія Бирона. *Минихъ*, умѣя побѣждать на полѣ битвъ, не умѣлъ на поприщѣ случайности побѣждать самолюбія своего. Одни говорятъ, что онъ требовалъ, чтобы Правительница произвела его *Генералиссимусомъ*, а другіе утверждаютъ, что онъ хотѣлъ быть *Герцогомъ Украинскимъ*. Минихъ и другіе иностранцы, служившіе въ Россіи, жили не для Россіи; они желали только, чтобы имя ихъ гремѣло въ чужихъ областяхъ и чтобы Европа съ изумленіемъ взирала на владычество ихъ въ нашемъ Отечествѣ. Въ Генералиссимусы произведенъ былъ *Антонъ Ульрихъ*, супругъ Правительницы, а Минихъ остался въ званіи перваго Министра. *Манштейнъ* увѣряетъ, будто бы, по случаю производства

Антона Ульриха въ Генералиссимусы, Минихъ сказалъ: „Хотя Графъ Минихъ за услуги свои и въ правѣ требовать чина *Генералиссимуса*; но онъ уступаетъ оный Принцу Антону Ульриху, отцу Императора.“ Графъ *Остерманъ* воспылалъ еще сильнѣйшею завистію къ Миниху. Заставляя себя носить больнаго во Дворецъ, онъ переполковывалъ всѣ слова и всѣ предпріятія соперника своего. Возобновленіе союза Россіи съ Пруссіей послужило предлогомъ къ низверженію Миниха. По заключеніи 1739 года мира съ Турціей, дружество Австріи съ Россіей часъ отъ часу ослабѣвало. Австрійскій Посланникъ Маркизъ *де Бота* еще при Императрицѣ Аннѣ отозванъ былъ Дворомъ своимъ. Смерть Карла VI смирила высокомѣріе Двора Австрійскаго. Четыре Европейскія Державы вооружились, оспоривая право наслѣдства у *Маріи Терезіи*, дочери покойнаго Императора. Между тѣмъ, какъ *Карлъ Альбертъ*, Курфирстъ Баварскій, *Августъ* Третій, Король Польскій и Король Испанскій, предлагали права свои на престолъ и владѣнія Австрійскія; между тѣмъ, какъ *Людовикъ XV* бралъ на себя званіе посредника и примирителя, юный Прусскій

Король Фридрихъ, едва вступившій на пре-столь, рѣшился силою оружія присвоить себѣ часть *Силезіи*. Умѣя скрывать и соображать намѣренія свои, онъ отправилъ въ Петербургъ своего *Адъютанта*, Минихова родственника, съ предложеніемъ о подтвержденіи оборонительнаго и наступательнаго союза, заключеннаго съ Пруссіей Петромъ Первымъ. Уловляя самолюбіе Графа Миниха, онъ препоручилъ послу своему требовать у него наставленій и совѣтовъ. Обольщенный Королевскою довѣренностію и все еще негодуя на Австрійскій Дворъ, вредившій ему во время Турецкой войны, Минихъ принялъ сторону Пруссіи. 16 Декабря 1740 года, въ силу возобновленнаго союза съ симъ Королевствомъ, договаривавшіяся стороны, вмѣсто *шести*, назначили по *двѣнадцати* тысячъ вспомогательнаго войска.

Въ то же время *Марія Терезія*, устрашенная предпріятіями Фридриха Втораго, отправила въ Петербургъ прежняго Министра Маркиза де *Бота*, а Польско-Саксонскій Дворъ послалъ туда же Графа *Линара*. Остерманъ, противурѣчившій во всемъ Минниху, вступился за Австрію. Договоръ, заключенный съ Пруссіей, уничтожился.

Минихъ подалъ въ описпавку, и получилъ оную. Изъ Дворца переселился онъ въ свой домъ за Неву. Въ ожиданіи будущихъ бурь, Остерманъ усилился паденіемъ своего соперника. Австрійскій посолъ овладѣлъ довѣренностію Правительницы, а Графъ *Линарб* сердцемъ ея. Въ Европѣ возгорѣлась война; въ черпогахъ происходили семейственныя распри, въ Министерствѣ Петербургскомъ начались новыя междоусобія. Остерманъ встрѣтилъ соперника въ Графѣ *Головкинѣ*, бывшемъ въ родствѣ съ Правительницей по Князю Ромодановскому, именовавшемуся при Петрѣ Первомъ *Кесаремъ*.

По свидѣтельству праводушнаго Якова Петровича Шаховскаго, *Головкинъ* отличался любовію къ справедливости. „Людей,“ говорилъ онъ: „не по пристрастію и не по дружбѣ, но по достоинствамъ должно опредѣлять въ общественную службу. Отъ выбора Чиновниковъ зависитъ благо Государства.“ Головкинъ, обремененный болѣзненными недугами, присталъ къ Правительницѣ, не столько изъ тщеславія, сколько по родственнымъ связямъ. Возвышеніе Графа Головкина оскорбило и уничижило Остермана.

Въ продолженіи быстрыхъ превратностей Двора Петербургскаго въ *Швеціи* происходилъ чрезвычайный *Сеймъ*, раздѣленный на двѣ стороны. Сторону *колпаковъ* составляли *люди* пожилые и опытные; къ сторонѣ *шляпъ* пристали юноши, увлекаемые легкомысліемъ къ чрезвычайнымъ произшествіямъ. Одни желали продолженія мира съ Россіей, другіе войны. Сторона *шляпъ* или юношей утверждала, *что Руское войско ослабѣло; что на одного Шведа надобно десять Рускихъ, и что оружіе Шведовъ цѣнчается славой и побѣдой.* Неопытность одержала поверхность. Въ Августѣ 1741 года Шведы вооружились и въ объявленіи своемъ о войнѣ съ Россіей между прочимъ сказали: *Мы идемъ отомстить за отлученіе Цесаревны Елисаветы Петровны отъ престола и низпроверженіе неограниченную власть иноземцевъ.* Достопамятнѣйшее сраженіе 1741 года происходило подъ *Вильманстрандомъ*. Не смотря на выгодное положеніе Шведовъ, Рускіе поразили ихъ и показали, что слава битвы Полтавской еще не запмилась въ Россіи. Побѣдители овладѣли *Вильманстрандомъ*.

Послѣ сего сраженія не случилось ничего важнаго. Шведскій Генералъ *Левенгауптъ*, собравъ войска до *тридцати* тысячь, въ новомъ объявленіи о войнѣ съ Россіей повторилъ, *что Швеція не будетъ воевать съ народомъ Русскимъ, и что она подняла оружіе, чтобы освободить Россію отъ ига иностранцевъ* (*).

Перемѣна Россійскаго Правительства воспослѣдовала не отъ Шведскаго оружія, но отъ приверженности Россіянъ къ Дочери Петра Перваго. Симъ важнымъ произшествіемъ ознаменовалась ночь 24 Ноября 1741 года.

„24 Ноября," говоритъ въ Запискахъ своихъ Князь Яковъ Петровичъ *Шаховской*: „было празднество въ домѣ Графа *Головкина* по случаю имянинъ его супруги. Множество знатныхъ особъ и всѣ иностранные Министры присутствовали на пиру, продолжавшемся до глубокой ночи. Ласкатели и гости веселились; но хозяинъ, страдая отъ болѣзни и какъ будто бы предчувствуя паденіе свое, сидѣлъ въ ком-

(*) Смотр. въ Русскомъ переводѣ 2 Часть *Манштейновыхъ* Записокъ стран. 153.

натъ своей въ унынiи и говорилъ: „Я предвижу, что, по обыкновенному непостоянству сего мiра, возвышенiе мое должно миноваться.“

ПРОИЗШЕСТВIЯ ДО ВОЗШЕСТВIЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И ЦАРСТВОВАНIЕ ЕЯ.

Иностранные писатели предполагаютъ, что *Лестокъ*, врачь Елисаветы, и Маркизъ *Шетарди*, Французскiй посолъ, непосредственно участвовали въ возведенiи ея на престолъ. *Манштейнъ* увѣряетъ, будто бы за нѣсколько часовъ до низверженiя Правительницы *Лестокъ* изобразилъ на одной сторонѣ доскупка бумаги Елисавету на престолѣ, а на другой подъ монашескимъ покрываломъ, окружённую орудiями казни. „Выбирайте,“ сказалъ онъ: „или престолъ, или монастырь и погибель людей, вамъ усердныхъ.“ Въ важныхъ обстоятельствахъ дорогъ каждый мигъ. *Лестоку* не нужно было занимаешься живописью; по свидѣтельству самаго Манштейна, онъ объяснялся съ Елисаветою лично. Сей разсказъ и подобные оному почитаю выдумка-

ми. Главная причина воцаренія Елисаветы заключалась въ сердцахъ Россіянъ и въ благоговеніи ихъ къ Петру Первому.

„Всему свѣту," говорили вѣрные сыны Отечества: „всему свѣту извѣстно, что былъ Петръ Первый, озаривший славою своей всѣ предѣлы вселенной. Онъ возвысилъ народъ Руской и преобразилъ природу; гдѣ были болота и шемные лѣса, шамъ устроилъ онъ жилища; гдѣ горы, вертепы и рѣки путь заграждали, шамъ свободно проходитъ Руское войско."

Сіи разговоры часъ отъ часу болѣе воспламеняли усердіе Рускихъ воиновъ къ законной наслѣдницѣ престола Петра Перваго. Всякой разъ, когда Преображенскій полкъ находился въ строю, онъ ожидалъ только появленія Елисаветы, чтобы воскликнуть: *Да здравствуетъ Матушка наша Императрица!* Кротkая Елисавета знала о томъ, но опасаясь бунта и кровопролитія, жертвовала правомъ своимъ къ вѣнцу спокойствію народному.

Еще до воцаренія Елисаветы гвардейскіе солдаты, особенно Преображенскіе, ходили къ ней на поклонъ съ *хлѣбомъ-солью*. Въ домѣ Цесаревны никого не оста-

навливали; она всѣхъ принимала ласково и милостиво. Елисавета не была весела въ тотъ день, въ который не оказала кому нибудь добра.

Взирая съ завистію на усердіе Рускихъ воиновъ къ Елисаветѣ, Правительница приказала, чтобы никто изъ гвардейскихъ солдатъ не ходилъ къ ней ни въ праздники, ни въ будни.

Гренадерская рота Преображенскаго полку, огорченная симъ приказомъ, тайно отправила къ Елисаветѣ выборныхъ своихъ. „Матушка!“ сказали они Елисаветѣ: „мы птенцы твоего родителя Государя Петра Великаго; ты его дщерь: покрой насъ крылами милосердія своего!“ — Дѣти! отвѣчала Елисавета: знаю, что Отечество для насъ, а не для чужихъ создано; но будемъ терпѣть, пока Богу угодно!“ Горько заплакали гвардейцы, получа сей отказъ. Въ то же время пронырливые царедворцы, раздражая Правительницу противъ Елисаветы, доносили ей, будто бы она въ перепискѣ съ Шведами и будто врачь ея *Лестокъ* ѣздитъ къ Французскому послу для совѣщаній о заговорѣ. Въ одинъ воскресный день, когда Елисавета пріѣхала

на вечеръ ко Двору, Правительница, вставъ изъ-за карточнаго стола и подошедъ къ ней, сказала: „Что слышно новаго, матушка? Носится молва, будто бы вы въ перепискѣ съ врагами Отечества и будто бы врачь вашъ ѣздитъ къ Французскому послу для составленія заговора.“ Елисавета спокойно отвѣчала: „Дочь Петра Перваго никогда не будетъ въ сношеніи съ врагами Отечества.“

Услыша о семъ разговорѣ и смущаясь о жребіи дочери Петра Перваго, преданные ей люди убѣждали ее, чтобы она, взявъ гренадерскую роту Преображенскаго полку, немедленно задержала Правительницу и сообщниковъ ея. Елисавета съ сердечнымъ сокрушеніемъ отвѣчала: „И я знаю и я вижу бѣду Отечества; я знаю, что безъ сего крайняго средства ничто не кончится благополучно. Не страхъ удерживаетъ меня, но жестокая мысль, что съ обѣихъ сторонъ прольется кровь; стража Правительницы многочисленна. . . . Не хочу вѣнца, купленнаго кровію Россіянъ.“ *Воронцовъ* отвѣчалъ: „Подлинно дѣло сіе требуетъ отважности; но мы помнимъ, что Елисавета дщерь Петра Великаго. Петръ не

щадилъ себя для Отечества, и Елисавета не пощадитъ себя для Россіи.“ *Разумовскій* прибавилъ: „Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ хотя и надобно дѣйствовать благоразумно и осторожно, но не должно и времени упускать. Естьли нынѣшнее Правительство продлится, то оно и другимъ Государствамъ подастъ поводъ къ споромъ и требованіямъ, отъ чего кровь неминуемо прольется.“ — Не себя жалѣю, возразила Елисавета: жалѣю подданныхъ, жалѣю дѣтей моего Отца. — Всѣ присутствовавшіе прослезились. *Шуваловъ*, ободряя усердныхъ приверженцевъ Елисаветы, сказалъ: „Всемилостивѣйшая Государыня! Богъ еще не оставилъ Россіи; Онъ сохранилъ искиннаго и правильнаго Помазанника. Пройдутъ наши напасти; наступитъ время благодатное: съ нами Богъ и Елисавета!“

Доброжелатели дщери Петра Перваго не престовали сноситься съ гвардейцами. Правительница, узнавъ о томъ отъ лазутчиковъ своихъ, опредѣлила выслать гвардейскіе полки въ дальніе города. Оставалась только одна ночь; на другой день Елисавета была бы безъ защиты, а Россія лишилась бы послѣдней надежды видѣть

на престолѣ дщерь незабвеннаго Государя. Девять человѣкъ Преображенскихъ гренадеръ поспѣшили къ Елисаветѣ и со слезами сказали: „Не дай погибнуть воскормленникамъ Петра Великаго; сжалься надъ нами; умилосердись надъ Россіей; защити насъ.“

Пораженная до глубины души сими словами, Елисавета удалилась въ спальню свою и повергласъ на колѣни предъ образомъ Спасителя. Укрѣпясь Вѣрою и молитвою, взяла крестъ, и вышедъ къ воинамъ, воскликнула: *Клянитесь въ вѣрности;* воины возгласили: *Клянемся.* Оставя при себѣ двухъ гренадеръ и отпуская прочихъ, Елисавета прибавила: „Ступайте, сберите въ тихости рогу; будьте готовы. Ожидайте меня на съѣзжей своей; вѣрности вашей не забуду.“

Былъ уже второй часъ ночи. Елисавета, идя на внутренняго непріятеля, возложила на себя Андреевскую ленту, взяла крестъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, приближенныхъ своихъ, отправилась на съѣзжую. Вошедъ туда и возвыся крестъ, сказала: „Дѣти! хотите ли служить мнѣ такъ, какъ служили Родителю моему?“ Всѣ единодушно воскликнули: *Матушка!*

ради положить за тебя души наши! Ревностные гренадеры поспѣшили сзывать товарищей своихъ, подтверждая, чтобы они сходились безъ шуму. Хотя не всѣ знали, за чѣмъ ихъ приглашаютъ, но вскорѣ на съѣзжей собралось до половины роты. Услыша воззваніе Императрицы къ ревности и усердію ихъ, повторяя слова товарищей своихъ, они кричали: *Матушка! готовы положить за тебя головы свои!* Немедленно началась присяга. Между тѣмъ гвардейскіе гренадеры продолжали собираться и вскорѣ вся рота, состоявшая изъ 360 человѣкъ, явилась на съѣзжую. Въ сопровожденіи сихъ воиновъ Елисавета поспѣшила къ дому Правительницы. Взявъ съ собою нѣсколько гренадеръ, она пошла въ караульню, гдѣ застала рядовыхъ въ глубокомъ снѣ. Оживляясь отважностью отца своего, она сама разбудила караульныхъ. Въ недоумѣніи они не знали, что говоритъ и что начать. Императрица, показывая имъ крестъ и ободряя ласковымъ привѣтствіемъ, сказала: „Дѣти! хотите ли служить мнѣ такъ, какъ служили родителю моему Петру Первому?“ Имя Петра Великаго отозвалось въ сердцахъ воиновъ;

раздался единодушный кликъ: *Ради умереть за Ваше Императорское Величество!* Соблюдая осторожность, Елисавета приказала опустить барабаны и отправила карауль-ныхъ къ полкамъ ихъ съ сими словами: „Скажите товарищамъ своимъ о томъ, что вы видѣли; помните Бога и будьте спокойны!“ Правительница и весь ея домъ были задержаны. Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*, бывшій тогда Подполковникомъ гвардіи, по извѣщенію Императрицы, собралъ гвардейскіе полки. На улицахъ, гдѣ выстроилась гвардія, разведены были огни. Громогласныя восклицанія: *Да здравствуетъ наша Матушка Императрица Елисавета Петровна!* наполняли воздухъ. При блескѣ разведенныхъ огней и при шумѣ радостныхъ восклицаній Елисавета отправилась въ открытой линейкѣ въ зимній дворецъ, гдѣ въ придворной церквѣ началась присяга въ вѣрности.

Правительницѣ и супругу ея сперва позволено было отъѣхать въ свое отечество, а потомъ отправили ихъ въ *Коллогоры*. Злополучный младенецъ *Іоаннъ*, нареченный Императоромъ въ колыбели, отвезенъ былъ въ *Шлиссельбургскую* крѣпость. Видя столь

быструю перемѣну блистательнаго жребія, можно ли оному завидовать?

Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ и другіе Чиновники, участвовавшіе въ произшествіяхъ, ознаменовавшихъ *междуцарствіе*, приговорены были судомъ къ смерти; Елисавета перемѣнила сіе наказаніе въ ссылку. Князю Якову Петровичу Шаховскому препоручено было отправить ихъ изъ Петропавловской крѣпости въ Сибирь.

Остерманъ, мучась подагрою, горестно стенялъ. Увидя Шаховскаго, онъ воскликнулъ: „Разкаяваюсь въ преступленіи моемъ. Упросите Императрицу, чтобы она приняла въ великодушное покровительство дѣтей моихъ!“ По прочтеніи Указа, Остермана подняли съ постелью и отнесли въ сани; рыдающая его супруга за нимъ послѣдовала. Хотя женамъ осужденныхъ дозволяли остаться въ Петербургѣ, но онѣ всѣ предпочли Сибирь Столицѣ.

Отправя Остермана, Шаховской пошелъ къ Графу *Левенвольду*. Изъ великолѣпныхъ палатъ, гдѣ Левенвольдъ блисталъ одеждою и пышностію, переведенъ онъ былъ въ темную и пространную казарму.

Съ превратностью щастія все въ немъ измѣнилось: волосы его были всклокочены, борода сѣдая, одежда неопрятная, словомъ, онъ походилъ на тѣнь, скитавшуюся во мракѣ. При входѣ Шаховскаго Левенвольдъ бросился къ ногамъ его. Никакъ не подозрѣвая, что видитъ Графа Левенвольда, Шаховской сказалъ Офицеру, его сопровождавшему: „Отдалите отъ меня этаго нещастнаго и проводите туда, гдѣ находится бывшій Графъ *Левенвольдъ!*“ „Онъ передъ вами,“ отвѣчалъ Офицеръ.

Отправя *Левенвольда*, Шаховской пошелъ къ *Миниху*. Дальній переходъ до казармы его доставилъ Шаховскому случай предаться размышленіямъ. *Увы!* говорилъ онъ мысленно: *вотъ удѣдительное зрѣлище, научающее, чтобы никогда не полагаться на щастіе и на расчеты ума. Герой, пользовавшійся довѣренностію Императрицы Анны и многократно предводившій войсколъ; Герой, вознесенный громкими побѣдами, воспѣваемый стихотворцами и увѣнчавшійся лаврами; сей Герой теперь преступникъ, осужденный къ ссылкѣ! Давно ли видѣлъ я его на поляхъ славы; давно ли низвергъ онъ Бирона и утвердилъ на престолѣ Принцессу Анну? Изъезда*

слава, изчезли почести; Герой, проценный отъ смертной казни у лобнаго мѣста, долженъ отправиться въ ссылку въ дальнія печальныя области Сибири.

Съ сими словами Шаховской отворилъ дверь Миниховой казармы. *Минихъ*, стоявшій у окна ко входу спиною, тотчасъ поворотился смѣло и съ тѣмъ быстрымъ и яснымъ взоромъ, которымъ наблюдалъ ряды войскъ въ дыму сраженія, шелъ онъ къ Шаховскому на встрѣчу и ожидалъ, что скажутъ ему. Шаховской объявилъ Высочайшій Указъ. На лицѣ Героя видна была досада, но не замѣтно было страха и скорби. Выслушавъ Указъ, онъ вдругъ, съ душевнымъ благочестіемъ воздѣвъ руки и возведши глаза къ небу, воскликнулъ: *Боже! благослови Ея Величество и Государствованіе ея!* Потомъ, нѣсколько потупя взоры и помолчавъ, сказалъ: *Теперь уже не осталось мнѣ ничего ни желать, ни ожидать. Осмѣлюсь только просить, чтобы для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей отправленъ былъ со мною Пасторъ.* Устремя опять на Шаховскаго отважный взоръ, ожидалъ его отвѣта. Шаховской сказалъ, что о прозьбѣ его непремѣнно доложитъ.

Между тѣмъ все уже было готово къ отъѣзду. Супруга Минихова, какъ будто бы собравшаяся въ добровольный путь, была въ дорожномъ платьѣ, въ капорѣ и держа чайникъ съ приборомъ, съ твердостію духа готовилась сопровождать супруга. Отправя ихъ, Шаховской пошелъ къ Графу Головкину, родственнику и благодѣтелю своему.

Во время заключенія, продолжавшагося болѣе двухъ мѣсяцовъ, Головкинъ обросъ бородою, лице исхудало, на щекахъ поблѣднѣлъ природный румянецъ. Мучась *подагрою* и *хиragрою*, онъ горько стенялъ и, сидя неподвижно, владѣлъ только лѣвою рукою. Выслушавъ Указъ, злополучный страдалецъ, взглянувъ на Шаховскаго съ душевною горестію, сказалъ: *Я тѣмъ несчастнѣе теперь, что былъ воспитанъ въ изобиліи и что благополучіе мое, умножавшееся съ лѣтами, возвело меня на высокія степени. Не испытавъ тягости бѣдъ, я не могу перенесть ихъ.* Такъ говорилъ Головкинъ; а супруга его, великодушно противоборствовавшая злоключенію, казалось, торжествовала, что можетъ доказать любовь и

вѣрность свою. До разсвѣта отправлены были всѣ осужденные въ ссылку.

По прозьбѣ *Миниха* позволено ему было взять съ собою Пастора *Мертенса*. Мѣсто ссылки его назначенъ былъ *Пелимъ*, топъ самый городъ, куда сосланъ былъ низверженный имъ *Биронъ*, для котораго выстроили домъ по его чертежу. Въ предмѣстіи Казани *Минихъ* встрѣтился съ *Бирономъ*, отправляемымъ изъ Сибири въ Ярославль. Они поклонились другъ другу, не сказавъ ни слова. Сколько воспоминаній долженствовала возбудить въ умахъ ихъ сія встрѣча! *Биронъ* самовластно управлялъ Россіей, Минихъ гремѣлъ на полѣ битвъ, и оба они узнали, что ни сила, ни слава не защищаютъ отъ превратности щастія; оба они испытали, что зависть и тщеславіе губятъ сильныхъ, а умѣренность и неизвѣстность охраняютъ тѣхъ, на которыхъ сильные сего міра часто и взглянуть не хотятъ.

23 Февраля 1742 года Елисавета отправилась въ Москву, а 25 Апрѣля вѣнчалась на Царство въ Успенскомъ Соборѣ. Невинныя жертвы, пострадавшія отъ злобы и мщенія безчеловѣчнаго Бирона, оживотво-

рены были милосердіемъ Императрицы. Наталія Борисовна, дочь знаменитаго Фельдмаршала Шереметева и супруга злополучнаго Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, возвратилась съ Березовыхъ острововъ. Дорогою узнала она, что супругъ ея палъ подъ сѣкирою палача. Съ сего мгновенія вся жизнь ея омрачилась скорбію. Явилось много искателей руки и сердца Наталіи; сама Елисавета предлага ей знаменитаго жениха: но она, рѣшась оставить міръ, гдѣ все потеряла съ кончиною супруга своего, удалилась въ Кіевъ. По прелестямъ лица, по добродѣтелямъ душевнымъ, *Наталія* была Ангеломъ въ мірѣ, и принявъ великій Ангельскій чинъ, наименовалась *Нектаріей.* Наканунѣ постриженія своего, вышедъ на берегъ Днѣпра, она сняла обручальный перстень, бросила въ Днѣпръ и сказала: „Волны быстраго Днѣпра! унесите съ собою въ глубину морскую залогъ вѣрности и любви къ другу и супругу моему. Въ послѣдній разъ произношу сіе имя!“ Въ запискахъ своихъ *Наталія* говоритъ: „Я только *двадцать* дней наслаждалась щастіемъ; а люди завидуютъ знаменитой породѣ и богатству!“

Не желая подвергнуть Россію новому междуцарствію, Елисавета вызвала въ Россію сына старшей сестры своей Анны Петровны, бывшей въ супружествѣ за Герцогомъ *Голштейнъ-Готторпскимъ*. Племянника своего, воспріявшаго православіе, объявила Императрица Наслѣдникомъ престола подъ именемъ *Петра Ѳеодоровича*.

1743 Года умеръ въ Парижѣ Князь Антіохъ *Кантемиръ*, бывшій шамъ Полномочнымъ Россійскимъ Министромъ.

Князь Антіохъ *Кантемиръ* родился въ Царьградѣ 1709 года, то есть въ годъ блистательнѣйшей славы Петра Перваго. На другой годъ рожденія *Антіоха* Порта предлагала отцу его Княжество *Молдавское*. Предпочитая безмятежное ученіе всѣмъ приманчивымъ почестямъ, Димитрій Кантемиръ долго отказывался. Зная любовь его къ Христіянамъ, Порта удостовѣряла, что они подъ благотворнымъ его начальствомъ освобождены будутъ отъ всѣхъ тягостныхъ податей. Кантемиръ рѣшился принять бремя начальства не для себя, но для горестныхъ собратій своихъ. Порта ничего не исполнила; начались новыя притѣсненія. Петръ вступалъ въ предѣлы

Турціи; отецъ Антіоха приспалъ къ нему и вышелъ отшуда съ симъ Государемъ. Упѣшаясь въ малолѣтномъ Антіохѣ успѣхами ранняго ума, онъ взялъ его съ собою въ Персидскій походъ, куда 1722 сопровождалъ Руское войско. Всѣ страны, которыя они проходили, были для малолѣтнаго Антіоха *отверстою книгой*. Самъ отецъ объяснялъ ему положеніе мѣстъ, естественныя произведенія и внутреннее управленіе. Въ семъ походѣ Антіохъ пріобрѣлъ смѣтливость, догадливость и дальновидность, которыми послѣ отличался при двухъ блистательныхъ Европейскихъ Дворахъ въ тѣ цвѣтущія лѣта, когда другіе едва ли начинаютъ понимать связь и приличія общественныя. Сколь сильны наставленія умнаго и нѣжнаго отца!

Возвратясь изъ Персидскаго похода 1723 года и чувствуя приближеніе смерти, Князь Димитрій Кантемиръ просилъ Петра Перваго, чтобы тотъ изъ сыновей его былъ главнымъ его наслѣдникомъ, который болѣе окажетъ рвенія къ наукамъ и способнѣе будетъ къ дѣламъ Государственнымъ. А въ духовной симъ наслѣдникомъ назначенъ былъ Князь Антіохъ, но

съ тѣмъ, естьли онъ не уничтожитъ *доброй о себѣ надежды.*

Оплакавъ отца и наставника своего, юный Антіохъ съ новымъ жаромъ предался наукамъ. Тогда уже учредилась въ Петровой Столицѣ Академія, и онъ слушалъ всѣхъ ученыхъ мужей, составлявшихъ оную. Изъ книгъ Священнаго Писанія почерпнулъ и знаніе Рускаго слова и первые свои опыты въ Словесности. Съ ученными занятіями соединялъ онъ и военныя упражненія; служба не отвлекала его отъ Словесности. По разположенію наблюдательнаго своего ума, вступилъ онъ на поприщѣ *Горація* и *Буало*, и сочинилъ первую Сатиру противъ порицателей учрежденій Петра Перваго. Хотя онъ скрылъ свое имя, но не могъ скрыть того остроумія, по которому уже онъ былъ извѣстенъ. Главными одобрителями скромнаго стихотворца были Ѳеофанъ *Прокоповичь* и Новоспаскій Архимандритъ *Кроликъ*.

Не смотря на духовную, старшій братъ Антіоха вступилъ во владѣніе отцовскаго наслѣдства. Юный стихотворецъ самъ заслужилъ и славу и имѣніе. За ревностную его *службу* Императрица *Анна* награди-

ла его тысячью душами. Любитель Русскихъ Музъ вскорѣ явился отличнымъ Государственнымъ человѣкомъ. 1732 Года отправился онъ посломъ въ Англію. Ему не было еще тогда и двадцати трехъ лѣтъ. Сохраняя непоколебимую благодарность къ памяти отцовской, препоручилъ онъ напечатать въ Голландіи *Оттоманскую Исторію*, сочиненную Княземъ Димитріемъ. Первый шагъ Кантемира на поприщѣ Министерства былъ первымъ вѣнцемъ новой его славы. Въ слѣдствіе предложенныхъ имъ переговоровъ Милордъ *Форбесъ* назначенъ былъ полномочнымъ посланникомъ къ Россійскому Двору, а Кантемиръ оставался въ семъ званіи въ Лондонѣ.

Лондонъ сдѣлался для Кантемира вторымъ Петербургомъ. Слава его привлекала въ домъ его любителей наукъ, а собственныя его свѣдѣнія и пріятное обхожденіе навсегда ихъ съ нимъ дружили. Дѣла Государственныя не препятствовали ему заниматься и посторонними упражненіями. Въ Лондонѣ ознакомился онъ съ языкомъ *Тасса* и *Аріоста*, и Италіянцы почитали его своимъ соотечественникомъ. Королева изъявляла ему отличное уваженіе. По прозьбѣ ея

препоручилъ онъ перевесть на Англинскій языкъ и напечатать Оттоманскую Исторію отца своего. И такъ вмѣстѣ съ своею славою распространялъ онъ вездѣ и славу перваго и незабвеннаго своего наставника. Продолжая упражненія свои въ Рускомъ стихотворствѣ, онъ сочинилъ *восемь* Сатиръ, а *девятой* не кончилъ за болѣзнію.

Непрестанныя заняттія въ дѣлахъ, въ Словесности и наукахъ повредили зрѣніе его, ослабленное уже оспою.

Между тѣмъ 1734 года Россія вступила въ союзъ съ Австріей противъ Порты Оттоманской. Слава Руская, возгремѣвшая подъ начальствомъ *Миниха*, перенеслась и въ Лондонъ; зависть оскорбилась. Но вскорѣ Австрія заключила съ Турціей отдѣльныя условія, и Россія не пожелала простирать далѣе побѣдоноснаго оружія.

Въ сіе самое время Французское Министерство вступило въ дѣятельное сношеніе съ Кантемиромъ. Рускій посолъ успѣлъ и въ семъ подвигѣ.

Вотъ какъ объясняется онъ о семъ въ донесеніи своемъ къ Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ:

„До прекращенія должности моей въ Лондонѣ, въ обязанность себѣ вмѣняю донесть, въ какомъ состояніи оставляю здѣшній Дворъ, кто первенствующія здѣсь лица и какія предстоятъ дѣла. Король честенъ, праводушенъ, вѣренъ въ словѣ и былъ бы неизмѣненъ въ поступкахъ, естьли бы *нужда здѣшнихъ законовъ* и часто совѣты Министровъ не отвлекали его въ противную сторону. Вспыльчивость Короля подала поводъ къ раздору съ сыномъ; Принцъ погрѣшаетъ тѣмъ, что сообщается съ сопротивниками его.

„Въ рукахъ Господъ *Валполей* заключается все здѣшнее правительство. Старшій братъ *Робертъ* добръ, остроуменъ; а изъ Парламентскихъ его дѣлъ видно, что онъ искусенъ во внутреннемъ управленіи. Зная склонность Англинскаго народа, онъ влечетъ его, куда хочетъ, особенно *золотою уздою*. Въ дѣлахъ иностранныхъ несвѣдущъ; почему и уважаетъ брата своего *Горація*, бывшаго во многихъ посольствахъ. Не могу засвидѣтельствовать, справедливо ли сіе мнѣніе; ибо Горацій Вальполь многословіемъ своимъ подавляетъ основательное разсужденіе. Также и по-

сольства его не къ выгодѣ его служатъ, хотя впрочемъ онъ остроуменъ и обходителенъ. Оба брата не любятъ войны; они опасаются и умноженія непріятелей и того, чтобы власть ихъ не перешла во *многія руки*. Они всѣмъ пожертвуютъ личнымъ своимъ выгодамъ; а потому въ правленіе ихъ не льзя ожидать никакого отважнаго предпріятія.

„*Герцогъ Ньюкастель*, Статсъ-Секретарь полуденныхъ дѣлъ, обладаетъ умомъ и памятью, но къ иностраннымъ дѣламъ несклоненъ. Живя непрестанно въ деревнѣ, онъ умножаетъ въ *провинціяхъ* число друзей своихъ, чѣмъ и удерживаетъ свое мѣсто. Богатыя помѣстья и родственники доставляютъ ему много голосовъ въ *Парламентѣ*; почему Г-да Валполи и не смѣютъ быть его непріятелями; а безъ того онъ давно бы потерялъ мѣсто свое.

„Милордъ *Гаринтонъ* есть образецъ добраго и честнаго человѣка. Съ умомъ природнымъ и основательнымъ соединяетъ онъ и искуство. Объ здѣшнія противныя стороны уважаютъ его и любятъ: имъ всѣ довольны. Онъ скроменъ, малорѣчивъ, не лукавъ; онъ не любитъ ни

замѣшательствѣ, ни *высокомыслія*, хотя и пользуется особенною Королевскою милостію. Кавалеръ Валполь не завидуетъ ему; да онъ и не могъ бы пріискашь лучшаго товарища. Занимаясь одною своею должностью, Гариштонъ ни въ какія другія дѣла не вмѣшивается. Думаю, что онъ сохранитъ свое мѣсто, хотя пылкій Горацій Валполь и желаетъ себѣ оное присвоить.

„Члены Тайнаго Совѣта безсильны и во всемъ покорны Валполю. Придворные дѣлаютъ то, что онъ имъ позволитъ.

„Королю не нравится разпространеніе Прускаго Двора; Министерство о томъ не заботится. Несогласіе съ Гишпанскимъ Дворомъ стараются утушить безъ войны. Но естьли Дворъ Гишпанскій не удовлетворитъ купечество Англинское, то могутъ произойти худыя слѣдствія, а потому братья Валполи и пекутся о семъ дѣлѣ неусыпно, тѣмъ болѣе, что естьлибъ воспылала война, то опасаются соединенія Двора Гишпанскаго съ Французскимъ.

„Миролюбивыя сношенія Франціи съ Австріей безпокоятъ Англинскихъ политиковъ, но не Министровъ. Они довольны

тѣмъ, что Цесарскій Дворъ не требуетъ помощи отъ Англіи и что тишина Европейская хотя какъ нибудь продолжается. Они рады сей тишинѣ и не заботятся о томъ, что послѣ ихъ случится.

„Въ переговорахъ къ примиренію Россіи съ Портою охотно приялибъ участіе, ибо о томъ и въ разговорахъ нѣтъ ничего неблагопріятнаго; однако же, здѣсь очень не нравится, что Французскій Дворъ особенно о томъ переговаривается, отъ чего и отъѣздъ мой туда не совсѣмъ пріятенъ."

Французскій Дворъ вознамѣрился отправить въ Россію полномочнаго посланника; а Кантемиръ 1738 въ семъ званіи переѣхалъ во Францію для новой славы. Отмѣнены были всѣ обыкновенные обряды; Кантемиръ немедленно былъ принятъ Королемъ и преклонилъ его къ посредничеству въ союзѣ Россіи съ Турціей. Того же года Маркизъ *Шетарди* прибылъ посломъ въ Россію.

Императрица Анна скончалась; Руской Дворъ волновался отъ внезапныхъ и быстрыхъ перемѣнъ: трудно было Кантемиру дѣйствовать въ сихъ необычайныхъ обстоятельствахъ. Благоразуміе его все

преодолѣло. Правительница уважала его; а Императрица Елисавета увѣнчала его новыми почестями. Одушевляясь благодарностью и душевнымъ чувствованіемъ, Кантемиръ, посвящая Елисаветѣ *Сатиры* свои, сказалъ:

„Елисавету сердца на престолъ возводящъ.“

Ни вихрь разсѣянности, ни всѣ Парижскія забавы, не отвлекали Кантемира отъ наукъ и Словесности. Онъ жилъ въ Парижѣ пустынникомъ; науки, книги и нѣсколько душевныхъ друзей, составляли все его общество.

Кантемиръ жилъ во Франціи въ самое блестящее время разврата полуденнаго. Вольнодумство часъ отъ часу усиливалось; страсти, приготовлявшія бурю, торжествовали; разсудокъ и истина безмолвствовали. Наблюдая опытнымъ взоромъ сіе пагубное волненіе умовъ, Кантемиръ сказалъ: *Философія на словахъ проповѣдуетъ добродѣтель, а Вѣра дѣлами указываетъ къ ней путь.*

1741 Года Кантемиръ изнемогъ подъ бременемъ трудовъ. Страдая отъ жестокой болѣзни, онъ намѣренъ былъ отправиться въ Италію; но смерть постигла

его въ Парижѣ 1745 года. За три только дни до смерти пересталъ онъ читать. До того же времени тѣмъ, которые старались отвлекать его отъ чтенія, онъ говорилъ: *Я тогда только не чувствую болѣзни, когда тружусь.*

Вѣра потеряла въ Кантемирѣ ревностнаго сына; Отечество оплакивало въ немъ усерднаго распространителя учрежденій Петра Перваго; Дворъ лишился умнаго Министра; ученые неизмѣннаго соотвественника; а всѣ честные люди потеряли нелицемѣрнаго пріятеля. Умомъ проницательнымъ предусматривалъ онъ предпріятія, и догадки его почти всегда сбывались. Пренебрегая мѣлкіе происки, онъ на поприщѣ политическомъ дѣйствовалъ благородно и прямою дорогою доспигалъ цѣли своей.

Хотя частыя и долговременныя болѣзни напечатлѣли на лицѣ его слѣды пасмурной задумчивости, но сердце его никогда не отдалялось отъ человѣчества. *Всего пріятнѣе*, говорилъ онъ: *знатность и силу употреблять для благотворенія ближнимъ.*

Любя дѣлиться съ другими собственностію своею, онъ не любилъ долговъ, не

рѣдко губящихъ чужое имущество. *Пусть*, замѣчалъ съ усмѣшкою: *пусть почитаютъ долги знакомъ благородства, но они мнѣ не нравятся.*

Сатиры его, ознаменованныя остроуміемъ и зрѣлымъ опытомъ, представляютъ также и историческую картину нравовъ его времени. Порицая тѣхъ, которые не цѣнили въ полной мѣрѣ учрежденій Петра Перваго, онъ порицалъ также и тѣхъ, которые для *модныхъ* бездѣлицъ и нарядовъ пренебрегали науки и всѣ прелести Словесности. Онъ убѣждалъ, что воспитаніе ведетъ къ просвѣщенію и что любовью къ труду отличаются служители Отечества. *Петръ*, говоритъ онъ: *Отецъ Россіи, не былъ утомленъ никакимъ трудомъ.*

Шведы, возвѣщавшіе въ объявленіяхъ своихъ 1741 года, что они ополчаются не противъ Россіи, но противъ иностранцевъ, угнѣтавшихъ ее, и для защищенія правъ Елисаветы: Шведы снова вооружились, хотя она и обладала уже престоломъ. Полагая себя участниками въ воцареніи ея, они предлагали различныя требованія, предосудительныя выгодамъ Россіи. Требованія были

опвергнупы и распри возгорѣлись. *Ласси*, прославившійся въ Крымскую войну, вступилъ въ области Шведскія. Сей походъ особенно примѣчателенъ взятіемъ *Фридрихсгама* и искуснымъ движеніемъ къ *Абову*. Пришедъ къ *Гельзингсфорсу*, Ласси узналъ отъ Финляндскаго поселянина, что Шведы намѣрены идши къ Абову. Поселянинъ прибавилъ, что можно предупредить ихъ лѣсною дорогою, проложенною Петромъ Первымъ. Фельдмаршалъ Ласси немедленно отправилъ 64 роты гренадеръ и два баталіона къ прочищенію лѣса. На другой день на разсвѣтѣ, извѣспясь, что работа кончена, поспѣшилъ туда со всѣмъ войскомъ. Шведы, изумленные неожиданнымъ появленіемъ Рускихъ, вступили въ *Гельзингсфорскій* станъ и начали укрѣплять его батареями.

Ласси, занявъ большую Абовскую дорогу, пресѣкъ Шведамъ сообщеніе съ пвердою землею; а непріятельскій флотъ, удалившійся отъ Рускихъ судовъ въ *Карлскрону*, запертъ былъ Адмираломъ *Мишцковымъ*.

Вскорѣ сдались военноплѣнными 17, ооо Шведскихъ войскъ. Въ то же время, къ ускоренію выгоднѣйшаго мира, Сеймъ Стокгольмскій предложилъ Петру Ѳеодоровичу

Шведскій престолъ. Наслѣдникъ отрекся. Хотя миръ съ Швеціей заключенъ былъ на другой годъ; но Русскіе, ощыскавшіе 1742 года побѣдоносный путь Петра Перваго, укротя кичливость враговъ, заставили ихъ желать союза съ Россіей.

Въ продолженіи войны съ Швеціей въ Петербургѣ возникали новыя неустройства. Австрійскій посолъ Маркизъ *Бота*, домогаясь *усилить* Дворъ свой въ Россіи, возбудилъ къ заговору нѣсколькихъ легкомысленныхъ чиновниковъ и женщинъ, негодовавшихъ на правленіе Елисаветы по личнымъ своимъ неудовольствіямъ. Коварный Маркизъ *Бота* увѣрялъ, будто бы *Марія Терезія* и Король *Прусскій* вознамѣрились низвергнуть Императрицу и возвысить семейство *Антона Ульриха*. Заговоръ былъ открытъ; преступники были наказаны и сосланы въ Сибирь. Маркизъ *Бота*, находившійся тогда въ Берлинѣ, отозванъ былъ въ Вѣну и заключенъ въ темницу, чтобы показать Россійскому Двору, что Австрія не участвовала въ замыслахъ его.

Въ дополненіе приведенныхъ подробностей, предложимъ изъ Исторіи Фридерика Втораго повѣствованіе о достопамятномъ

1742 годъ, важномъ для Европы и для Россіи.

Въ продолженіи 1742 года различныя потрясенія происходили въ различныхъ Европейскихъ областяхъ. Кевенгилеръ вторгся въ *Баварію*; Король Прускій вступилъ въ *Моравію*; Англинское войско собиралось во *Фландріи*; Милебуа шелъ въ *Богемію*; флотъ Адмирала Мантевса угрожалъ *Неаполю* бомбардированіемъ, принуждая его къ *нейтралитету*; Донъ Филиппъ предпринялъ походъ черезъ *Савойю*, чтобы заставить *Сардинскаго* Короля отдѣлить войска свои отъ войскъ Австрійскихъ. Ни одно изъ сихъ предпріятій не достигло предположенной цѣли.

Во время сихъ движеній Европейскихъ областей, правленіе новой Россійской Императрицы часъ отъ часу утверждалось въ Столицѣ, основанной Великимъ ея Отцемъ. Европа на нее взирала; а искусные ея Министры умными переговорами усыпили дѣятельность Французскаго посланника и Левенгаупта, начальствовавшаго Шведскими войсками въ Финляндіи. Къ усиленію войскъ своихъ Россіяне ничего не упустили. Ласси, вождь Рускихъ полковъ, двинулся впередъ; Шве-

ды повсюду отъ него бѣжали. Имя Россіянъ поражало Шведовъ ужасомъ; и самыя неприступныя мѣста не почитали они надежною оградою. Перебѣгая изъ одного мѣста въ другое, Шведы окружены были Рускими во *Фридрихсгамѣ*. Шведы принуждены были положить оружіе и подписать постыдный договоръ о сдачѣ; двадцать тысячь Шведовъ сдались двадцати семи тысячамъ Рускихъ. Принявъ отъ Финовъ присягу въ вѣрности и обезоружа ихъ, Ласси отпустилъ ихъ въ Отечество. Быстро возносятся Державы и быстро клонятся къ своему паденію! Тутъ невольно воскликнешь: *суета суетствій и всяческая суета*! При Монархическомъ правленіи Шведское войско уважалось и не страшно было для внутренности Швеціи; въ республиканской Швеціи все перемѣнилось. Возникли пронырства, подкупы и честь угасла. Въ республикахъ тайна не хранится; непріятель заранѣе узнаетъ ее и принимаетъ свои мѣры. А притомъ и Французы не во время возбудили въ Шведахъ угасавшую страсть къ завоеваніямъ: у нихъ не было ни денегъ, ни обученыхъ солдатъ, ни искусныхъ полководцевъ. Уступя силѣ

и побѣдоносному оружію Россіянъ, Шведы рѣшились отправить въ Петербургъ Сенаторовъ съ предложеніемъ престола Великому Князю Герцогу Голштинскому, Племяннику Императрицы. Новый стыдъ и новое безславіе поразили Шведовъ. Юный Великій Князь отказался отъ Шведскаго престола, не полагая оный соотвѣтственнымъ породѣ своей. Маркизъ де *Бота*, бывшій когда Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ, привѣтствуя Великаго Князя, сказалъ ему: „Желалъ бы я, чтобы моей Императрицѣ также нетрудно было удерживать области свои, какъ Вашему Императорскому Высочеству легко отказываться отъ обладанія надъ чужими Державами.“ По случаю сего отказа духовенство и Шведскіе крестьяне, подающіе голосъ на Сеймѣ, въ наслѣдники Короля хотѣли избрать *Датскаго* Принца; Сенаторы, приверженные къ Франціи, домогались избрать Принца *Цвейбрикскаго*; Елисавета приняла сторону Епископа *Евтинскаго*, дяди Великаго Князя: все уступило волѣ ея (*).

(*) См. Исторію *моего времени*, сочиненную Королемъ Пруссимъ, Ч. I, Глава седьмая.

1744 Года прибыла въ Москву Принцесса *Ангальтъ-Цербская* въ сопровожденіи матери своей. При воспріятіи православія, названа она *Екатериною Алексѣевною*, и на другой годъ сочеталась бракомъ съ Наслѣдникомъ. По сему случаю *Ломоносовъ* сочинилъ Оду, доказавшую, что онъ умѣетъ соединять величіе съ нѣжностью и пріятностію.

Въ теченіи 1745 года Императрица Елисавета, по благости души своей, желала быть посредницей между воюющими Европейскими Державами. Письмо Людовика XV къ сей Государынѣ явственно о томъ свидѣтельствуетъ.

„Великодушное намѣреніе Вашего Величества“ говоритъ Людовикъ: „быть посредницею между воюющими Державами достойно превосходнаго Вашего сердца и доставляетъ несказанную отраду моему сердцу. Сіе намѣреніе возбуждаетъ къ Вамъ новое удивленіе. Всѣ Государи обязаны изъявить Вамъ благодарность, а я тѣмъ болѣе обязанъ Вамъ признательностію, что Ваши желанія согласуются съ драгоцѣннѣйшими моими желаніями.

„Клянусь Вамъ, что я прибѣгъ къ оружію въ надеждѣ только мира; успѣхи мои

еще сильнѣе утвердили во мнѣ сіи чувствованія, которыя, можетъ быть, не такъ бы стремительны были въ случаѣ неудачъ.

„Съ восторгомъ вижу, что Монархиня, къ которой привыкъ я питать особенное уваженіе, желаетъ быть благотворительницею народовъ. Цари могутъ домогаться той только славы, чтобы содѣлывать счастливыми своихъ подданныхъ: и Вы, Государыня! Вы доставите счастіе и Царямъ и ихъ народамъ, а подданные Вашего Величества, видя, что Вы дѣлаете для щастія другихъ народовъ, почувствуютъ къ вамъ, если только то возможно, еще болѣе благоговѣнія. Ваше царствованіе еще болѣе превознесется, когда общія хвалы Европейскихъ Державъ усугубятъ благословенія, воздаваемыя Вамъ въ Вашей Державѣ.

„Я не только съ живѣйшею благодарностію принимаю сіе славное посредничество; но чѣмъ болѣе благопріятствуетъ мнѣ война, тѣмъ болѣе умоляю васъ употребить благодѣтельныя ваши старанія къ прекращенію оной. Народъ мой, которой я люблю, ласкаясь сладостною надеж-

дою, что и онъ меня любитъ — народъ мой будетъ одолженъ Вамъ сбереженіемъ своей крови, которую всегда готовъ за меня пролить.

„Начните и совершите сей подвигъ, долженствующій озарить Васъ безсмертною славой. Не ограничивайтесь однѣми предложеніями, внушенными Вамъ возвышенною Вашею душею; истребите всѣ преграды и повѣрьте, что и съ моей стороны не встрѣтите никакой преграды.

„Всѣ другіе Государи, безъ сомнѣнія, должны содѣйствовать сему благородному намѣренію. Человѣколюбіе, бѣдствія столь многихъ областей, почтеніе ихъ къ Вашимъ добродѣтелямъ, воспламенятъ ихъ ревностію доставить Вамъ наименованіе *Посредницы* между Европейскими Державами, наименованіе самое лестное, котораго одного недоставало къ увѣнчанію Вашей славы.

„Но ни одинъ изъ Государей не почувствуетъ болѣе меня того достоинства, которое посредничество Ваше присовокупитъ къ Вашей Особѣ: никто болѣе меня не ощутитъ того счастія, которое долж-

но быть первымъ желаніемъ всѣхъ Владыкъ земныхъ (*)."

Иностранные Министры, усиливаясь доставить въ Россіи первенство и владычество Дворамъ своимъ, какъ будто бы соперничествовали между собою, кто искуснѣе въ томъ успѣетъ. Вскорѣ послѣ заговора Маркиза *Бота* Французскій посолъ Маркизъ *Шетарди* началъ умышлять новыя пронырства. Канцлеръ Графъ *Безстужевъ* досталъ письма, получаемыя Маркизомъ *Шетарди* отъ Двора своего. Хотя *Болтинъ* не одобряетъ способа, употребленнаго Безстужевымъ къ полученію тѣхъ писемъ; но и онъ свидѣтельствуетъ, что Французскій посолъ хвалился, что онъ по произволу своему заставляетъ Россію заключать миръ и объявлять войну. *Шетарди* высланъ былъ изъ Столицы. При отъѣздѣ у него отобрали Андреевскіе знаки и портретъ Императрицы; но бриліанты, притомъ бывшіе, не были взяты.

Между тѣмъ началась размолвка Россійскаго Двора съ Прускимъ. *Фридрихъ* Вто-

(*) Письмо сіе помѣчено Вольтеромъ, который былъ тогда *Исторіографомъ*, и, вѣроятно, имъ сочинено.

рый увѣряетъ, что сіе произошло отъ Безстужева, подозрѣвавшаго, будто бы Прускій Министръ *Мерфельдъ* согласился съ Маркизомъ *Шетарди* лишить его Министерства, прибавляя, что Бестужевъ по личному негодованію убѣдилъ Елисавету заключить миръ съ *Австріей* и *Англіей*. Король Прускій однако признается, что сей миръ полезенъ былъ для Россіи. Каждая сторона старается себя оправдывать: и такъ Государственныхъ Чиновниковъ должно судить по однимъ ихъ дѣламъ.

Происки Французскаго Двора послужили къ пользѣ Австріи. 1747 Года Императрица Елисавета отправила на помощь *Маріи Терезіи* тридцать семь тысячъ Рускихъ войскъ подъ начальствомъ Князя *Репнина*. Сіе вспомоществованіе содѣйствовало къ успокоенію Европы и къ заключенію *Ахенскаго* мира.

Въ семъ же 1747 году Остерманъ, сосланный въ Сибирь при вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы, умеръ на *островахъ Березовыхъ*, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь Меншиковъ и гдѣ были заключены Долгорукіе, способствовавшіе Остерману въ низверженіи общаго

ихъ соперника. И такъ *Березовъ*, лежащій на возвышенной равнинѣ при Устьѣ рѣки *Сосвы*, впадающей въ протокъ рѣки *Оби*, сей ничтожный городокъ въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ вмѣщалъ первостепенныхъ Вельможъ, блиставшихъ нѣкогда въ новой Столицѣ Имперіи и домогавшихся управлять Имперіей. Тщетно старался Остерманъ отдалить отъ себя Меншикова, тщетно гналъ онъ его за то, что сила его не ему принадлежала, и что власть его не была его властью; судьба и смерть сблизили ихъ могилы.

1752 Года обрѣтены мощи Димитрія Ростовскаго.

Святый Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, родился 1651 года близъ Кіева въ городкѣ Макарьевѣ, гдѣ отецъ его *Савва*, по прозванію *Туптало*, былъ Сотникомъ. При крещеніи нарѣченъ онъ *Даніиломъ*. Въ отрочествѣ воспитывался дома, потомъ продолжалъ ученіе въ Кіевѣ. На осмнадцатомъ году отрекся онъ отъ міра. Имя *Димитрія* замѣнило первое его имя. Съ симъ новымъ именемъ пропекалъ онъ неусыпно лучезарный путь ученія, проповѣдованія и сочиненія жизней Святыхъ му-

жей, къ лику которыхъ и самъ сталъ сопричисленъ. Душа, занятая небомъ, забываетъ всѣ очарованія земнаго праха и живетъ для одного неба: тамъ ея обиталище, тамъ ея сокровища, тамъ ея щастіе. Димитрій уклонился отъ міра преволненнаго въ міръ безмятежный 1709 года 22 Октября. Онъ жилъ для неба и для пользы людей 55 лѣтъ.

Сей незабвенный Пастырь великъ былъ и вѣрою и милосердіемъ къ гореспному человѣчеству. Въ дѣяніяхъ его вѣра и любовь нераздѣльно владычествовали. Сильно обличалъ онъ раскольниковъ, разливавшихъ изъ густоты *Брянскихъ* лѣсовъ отравы лжеученія своего; съ ангельскою кротостію сострадалъ онъ и милосердствовалъ о нищихъ, о безпокровныхъ сиротахъ, о всѣхъ страдальцахъ: имъ раздавалъ все земное имущество свое, а себѣ — оставлялъ одну надежду на вѣчность и безсмертіе. „Не ищите *алчущіе злата*“ писалъ онъ въ духовной своей: „не ищите его въ храминахъ моихъ; напрасенъ будетъ прудъ вашъ. Я не оставляю ничего даже и на погребеніе свое; а кто захочетъ меня поминать, тотъ пусть поминаетъ безъ всякаго возмездія.“

Громъ оружія умолкъ въ Европѣ ; новое бѣдствіе возмутило и устрашило души. Землетрясеніе , произшедшее въ Португаліи 1755 года, низпровергло *Лиссабонъ*, столицу сего Государства. Разверзшаяся земля и пламя , исходившее изъ темныхъ нѣдръ ея , разрушали зданія и храмы. Злополучныхъ жителей погибло отъ *пятнадцати* до *двадцати* тысячь. Предлагая естественную причину сему бѣдствію , *Фридрихъ* Вторый говоритъ: „Небеса мало еще послали злоключеній для наказанія земли. Вскорѣ потомъ воспылали злоба и убійство. Европа наводнилась кровью. Зло нравственное превзошло естественное зло, постигшее Европу.“

Краснорѣчивый проповѣдникъ *Гедеонъ* , по случаю *Лиссабонскаго* землетрясенія, произнесъ при Дворѣ Елисаветы Слово , взявъ въ основаніе онаго Священное изрѣченіе : *Днесь аще гласъ Его услышите , не ожестоките сердецъ вашихъ.* Но сей голосъ изчезалъ въ вихрѣ безпечной роскоши и въ противоборствѣ испупленныхъ страстей.

За бурями , возмутившими Европу , воспослѣдовалъ споръ Англичанъ съ Французами о *клочкѣ* земли , находящейся въ Сѣ-

верной Америкѣ. „Отъ сего ничтожнаго спора,“ говоритъ Король *Фридрихъ*: „воспылали упрямство, мщеніе и ненависть.“ Франція и Англія вооружились и рѣшились губить людей и истощать сокровища. Сколь сильно свирѣпствуетъ раздраженное самолюбіе! Въ сей распрѣ, поддерживаемой упрямствомъ и тщеславіемъ, *Австрія* вступилась за *Францію*; Король *Прусскій* соединился съ Англичанами; *Россія*, по союзу съ Австріей, ополчилась противъ *Пруссіи*. Такимъ образомъ уничтожился *Ахенскій* союзъ, подтверждавшій постановленія достопамятнаго *Вестфальскаго* мира; такимъ образомъ отъ страстей человѣческихъ разрушаются всѣ договоры и постановленія!

Въ сей же бурной 1755 годъ родилась дочь Маріи Терезіи, Марія Антуанетта, которая съ блистательнаго престола Франціи сперва перешла въ темницу, а потомъ на эшафотъ.

По удивительному стеченію обстоятельствъ, въ то время, когда свирѣпствовала природа и когда разверзшаяся земля, поглотя одинъ городъ, угрожала пагубою и другимъ областямъ: въ то самое время *зло нравственное* или буйство и развратъ страстей предвѣщали тѣ долговременныя

бѣдствія, которыя изъ нѣдръ Франціи долженствовали излиться въ нѣдра всей Европы. Французское правительство, устрашенное появленіемъ безчисленныхъ книгъ, проповѣдовавшихъ безбожіе и развращеніе страстей, опредѣлило, что сочинители такихъ книгъ будутъ впредь подвергаться смертной казни. Епископы Французскіе, собравшіеся въ Парижѣ 1757 года, и болѣе всѣхъ поносимые проповѣдниками разврата, исходатайствовали однако у правительства, чтобы оно отмѣнило смертную казнь, назначенную безбожнымъ сочинителямъ. Они желали только, чтобы сіи враги вѣры, добродѣтели и законовъ Государственныхъ не ополчались безбоязненно противъ неба и добродѣтели, и чтобы общее презрѣніе рода человѣческаго поражало ихъ повсемѣстно.

Какимъ образомъ и для чего въ одно время соединились волненія природы, умовъ и ужасы войны? Сія тайна извѣстна только Тому, Кто управляетъ и природой, и умами, и жребіемъ Царствъ земныхъ.

Въ половинѣ 1757 года начались военныя дѣйствія съ Прусаками. Король Фридрихъ оправдывался тѣмъ, что тайной *Дрезден-*

ской Канцелярiи писарь сообщилъ ему бумаги, удосповѣрившiя его, будто бы союзныя Державы немедленно хотятъ на него напасть.

„Въ сихъ обстоятельствахъ," говоритъ Фридрихъ: „хотѣлъ я изслѣдовать задачу: *Выгоднѣе ли предупреждать непрiятелей, не ожидая ихъ нападенiя, или дать имъ время окончить всѣ предпрiятiя свои, чтобъ они могли дѣйствовать потомъ по произволу своему?*" Императрица Елисавета въ *Манифестѣ* своемъ отвѣчала, что *ежели правило предупреждать мнимыхъ своихъ непрiятелей будетъ вездѣ принято; тогда весь свѣтъ придетъ въ крайнее замѣшанiе и въ совершенную погибель.*

Руское войско подъ начальствомъ Фельдмаршала Степана Федоровича *Апраксина* вступило въ предѣлы Пруссiи. До предводительствованiя войсками, Апраксинъ находился въ военной *Коллегiи* и былъ призванъ на совѣтъ, составившiйся по случаю войны съ Прусаками. „Ваше Величество!" сказалъ онъ Императрицѣ Елисаветѣ: „Прусаки не Ангелы и не безсмертны; съ ними можно сражаться. Но должно сперва устроить войско и возбудить въ немъ духъ, сродный воскормленникамъ Петра Пер-

ваго.“ Апраксинъ, не имѣвшій доволѣ состоянія, получилъ семь тысячь душъ и чинъ Фельдмаршальскій.

Первая побѣда одержана была 19 Августа 1757 года. Король Прусскій самъ признается, что при семъ случаѣ Фельдмаршалъ *Левальдъ* потерпѣлъ чувствительный уронъ. Причиною сему *Фридрихъ* полагаетъ *вопервыхъ* то, что *Левальдъ* не напалъ на Рускихъ тогда, когда Генералъ *Ферморъ* отдѣлился отъ *Апраксина* для занятія *Мемеля*; *вовторыхъ*, превосходство силъ и безпрепятственное соединеніе при *Инстербургѣ* Апраксина съ Ферморомъ; *втретьихъ*, что *Левальдъ*, учредя все къ нападенію, не учинилъ онаго немедленно, что и способствовало Рускимъ перемѣнить разпоряженія ихъ. „Не извѣстно,“ прибавляетъ *Фридрихъ*: „что понудило *Левальда* отложить до другаго дня то, что онъ могъ исполнить въ то же время.“ Король пишетъ, что и ему *не все было извѣстно*; а отважные сочинители *военныхъ* и *политическихъ* записокъ утверждаютъ, что *они все знаютъ*.

Фельдмаршалъ *Апраксинъ*, увѣдомляя Императрицу отъ 20 Августа 1757 года

съ поля сраженія, происходившаго при деревнѣ *Гроссѣ-Егерсдорфѣ* или *Егердорфѣ*, говоритъ, что Руское войско не успѣло еще выстроиться, а непріятель рано поутру выступилъ изъ лѣсу въ боевомъ порядкѣ. Первое и стремительное нападеніе Прусаковъ произошло на лѣвое крыло Рускихъ. Побѣда долго колебалась. Прусаки тщетно хотѣли прорваться. Во время упорнаго боя съ обѣихъ сторонъ, непріятель въ двухъ отдѣленіяхъ конницы, подкрѣпляемый пѣхотою, напалъ на правое крыло и на передовой отрядъ. Нападеніе сіе было неудачно. Не успѣвъ въ покушеніяхъ своихъ и примѣтя, что на лѣвомъ крылѣ Рускихъ, по причинѣ лѣса и болотистаго мѣста, былъ промежуточекъ между полками, непріятель бросился туда, надѣясь разорвать ряды и обхватить крылья. Вторая *линія* Рускихъ, бывшая въ готовности, встрѣтила Прусаковъ съ *примкнутыми штыками* въ лѣсу и обратила ихъ въ бѣгство. „Сіе и рѣшило побѣду,“ прибавляетъ Фельдмаршалъ *Апраксинъ*. Король Прускій говоритъ, что сей подвигъ произведенъ *Румянцевымъ*.

Первая побѣда Рускихъ въ Пруссіи показала только, что Рускіе не отвыкли

побѣждать. Чрезъ шесть дней, то есть 27 Августа, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, *Апраксинъ*, по общему мнѣнію военнаго совѣта, рѣшился отступить. Непріятель, для затрудненія похода Русскихъ, все разорялъ и истреблялъ; у поселянъ не осталось ни скота, ни хлѣба.

Въ сраженіи при *Гроссъ-Егерсдорфѣ* особенно отличился Степанъ Федоровичъ *Лопухинъ*. Сей храбрый Генералъ, начальствуя лѣвымъ крыломъ, неустрашимостію и присутствіемъ духа способствовалъ къ торжеству Россійскаго оружія, и славною смертію увѣковѣчилъ имя свое. „Воспоминая о немъ“ говоритъ *Апраксинъ* въ увѣдомленіи своемъ къ Императрицѣ: „не могу отъ слезъ воздержаться; до послѣдняго дыханія сохранилъ онъ мужество и рвеніе къ славѣ Россіи. Тяжело раненый вдругъ тремя пулями и сбирая послѣднія силы, онъ спрашивалъ только: *Гонятъ ли непріятеля?* Увѣрясь въ побѣдѣ, онъ произнесъ умирающимъ голосомъ: *Теперь умираю спокойно, отдавъ мой долгъ Всемилостивѣйшей Государынѣ!* Въ семъ сраженіи никто не щадилъ жизни; ни одинъ раненой не сошелъ съ мѣста и раны

перевязывать не давалъ, пока не довершена была побѣда."

Отступленіе побѣдоносныхъ Русскихъ войскъ произвело различные толки. Выдумывали предательство и измѣну. Нѣкоторые предполагаютъ, будто бы *Апраксинъ* отозванъ былъ *Безстужевымъ*, который желалъ отдалить отъ престола Наслѣдника, пристрастнаго къ Королю Прускому (*). Безстужевъ лишенъ былъ чиновъ и сосланъ въ деревню. Щастливъ тотъ, кто, теряя земныя почести, остается съ надеждою на Бога! Въ удаленіи отъ Двора, въ бѣдственной участи своей, *Безстужевъ* подкрѣплялся чтеніемъ Священнаго Писанія. Отклонясь душею отъ блеска прежнихъ почестей, онъ сочинилъ книжку, подъ заглавіемъ: *Утѣшенія Христіанина въ нещастіи, или стихи, избранные изъ Священнаго Писанія, служащіе къ утѣшенію всякаго Христіанина.*

Апраксинъ отозванъ былъ отъ войска и умеръ внезапно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга. Главною причиной отступленія его можно предположить то,

(*) Смотр. въ Рускомъ переводѣ вторую Часть *Манштейновыхъ* Записокъ.

что военныя дѣйствія начались поздно. Притомъ же *Апраксинъ* не предполагалъ, что Король Прускій поведетъ *отечественную войну*, въ слѣдствіе которой испребляютъ внутренность земли своей, чтобы затруднить дѣйствія непріятелей. *Красношоковъ* съ козацкимъ отрядомъ подъѣзжалъ почти къ стѣнамъ *Кенигсберга*, нигдѣ не встрѣчая войскъ Прускихъ и вездѣ находя разореніе и опустошеніе. „Какъ бы кто хорошо ни мыслилъ о себѣ," говоритъ Король *Прускій*: „но излишняя къ себѣ довѣренность на войнѣ опасна. Гораздо лучше принимать безполезныя предосторожности, нежели пренебрегать необходимыя." Первый неудачный походъ Рускихъ въ Пруссію произошелъ отъ несоблюденія сего правила.

По отозваніи Апраксина, главнымъ Начальникомъ назначенъ былъ Генералъ *Фермморъ*. 1758 Года Января 3 Рускіе выступили изъ *Тильзита*, а 21 заняли *Кенигсбергъ*. Обыватели приняли войска Рускія съ торжествомъ; всѣ права Прусаковъ осталися въ прежнемъ видѣ. Января 30 *Маріенверденъ* сдался безъ всякаго сопротивленія, и жители добровольно учинили присягу въ вѣр-

ности. Въ *Манифестѣ* Императрицы Елисаветы о покореніи старой Пруссіи сказано, что военныя дѣйствія начались 1758 года ранѣе прежняго, почему и обѣщаютъ болѣе успѣха. Сіи слова подтверждаютъ, что неудачный походъ 1757 года воспослѣдовалъ отъ поздняго времени. 15 Іюля 1758 года Рускіе дошли до границы *Бранденбургской*. Прусаки отступили за рѣку *Одеръ*. Полагали, что городъ *Ландсбергъ* предпримешъ сильную оборону; но онъ сдался безъ пушечнаго выстрѣла. Жители нигдѣ ничего не разоряли. Узнавъ изъ опытовъ, что ихъ ложно стращали *Калмыками и Козаками*, они просили только, чтобы, для засвидѣтельствованія ихъ покорности, оставляли у нихъ залоги. Разбѣжавшіеся поселяне опять сбирались въ свои деревни.

Въ первыхъ числахъ Августа осажденъ былъ *Кистринъ*, гдѣ находились главные запасы Прусаковъ. Войско въ стѣнахъ Кистрина было умножено и въ виду уже Рускихъ спѣшили дѣлать новыя укрѣпленія. Король Прускій самъ признается, что онъ погрѣшилъ, не исправя заблаговременно крѣпостей своихъ. „Зная безсиліе Ав-

стрійцевъ," говоритъ онъ: „въ осадѣ и оборонѣ крѣпостей, я наскоро построилъ укрѣпленія, въ чемъ и поступилъ безразсудно. Крѣпости строятся не на время, но навсегда." Нѣсколько тысячъ Пруссаковъ спѣшили еще къ *Кистрину*. Покушенія ихъ уничтожены храбростію Рускихъ гренадеръ, которые подъ пушками лучшей крѣпости, при полномъ дневномъ сіяніи, отразили Прускій отрядъ, равнявшійся числомъ съ отрядомъ гренадеръ. Отъ четвертаго ядра запылалъ городъ и вскорѣ обратился въ прахъ. Многочисленные запасы были жертвою пламени. Храбрый Прусскій Комменданшъ *Виттенау* подъ заревомъ пожарнымъ продолжалъ защищать дымившіяся развалины *Кистрина*. Рускіе требовали, чтобы онъ сдался; *Виттенау* отвѣчалъ: *Я обороняться буду до послѣдней крайности.*

Король Прускій, оставя Богемію, быстро поспѣшалъ къ отраженію Рускихъ. *Фермордъ* отступилъ отъ *Кистрина* и выстроился на чистомъ полѣ при урочищѣ *Фирстенфельдѣ*. Въ сіе время Графъ *Румянцевъ* и Генералъ *Штофель* находились съ полками своими у города *Шведта*. Король

Прускій говоритъ, что онъ отрѣзалъ Румянцева отъ главнаго войска; Ферморъ въ донесеніи своемъ писалъ, что Румянцевъ не могъ соединиться съ нимъ. Прусаковъ было *шестьдесятъ* тысячъ, Рускихъ несравненно менѣе. Угрозя сперва правому крылу, Король распространилъ нападеніе повсемѣстно. Съ обѣихъ сторонъ происходила непрерывная пальба. Вѣтръ дулъ Рускимъ въ лице и застилалъ глаза ихъ густымъ дымомъ; они сражались и ни на шагъ не отступали. Къ вечеру лѣвое крыло Рускихъ, напавъ на правое крыло непріятельское, съ примкнутыми штыками опрокинуло и разсѣяло враговъ. Король Прускій говоритъ, что пораженіе праваго его крыла произошло отъ того, что Прусаки, встрѣтя по рву казну и обозъ Генераловъ, бросились грабить и обременили себя добычею. *Ферморъ* упоминаетъ, что Рускіе при *Фирстенфельдѣ* не имѣли при себѣ обоза. Хотя въ то же время лѣвое крыло Прусаковъ и потѣснило правое крыло Рускихъ; но обезсиленные непріятели не могли довершить успѣха. Рускіе удержали мѣсто сраженія и ночевали въ виду непріятеля. На другой день,

по есть 15 Августа, Король быстро двинулся и покушался возобновить сраженіе. Рускіе были въ готовности къ бою; Пруссаки, прекратя нападеніе, стрѣляли только изъ пушекъ. Пальба, продолжавшаяся цѣлой день, безвредна была для Рускихъ. Прусская конница, приближавшаяся къ нашимъ рядамъ, чтобы завязать сраженіе, сильно была отражаема пушками, перестроивалась нѣсколько разъ, обратилась въ бѣгство и, потѣсня пѣхоту свою, смѣшала ее.

Ферморъ признается, что Рускіе при *Фирстенфельдскомъ* урочищѣ претерпѣли важный уронъ; сраженіе продолжалось болѣе десяти часовъ. Король Прускій приписываетъ себѣ побѣду; *Ферморъ* напротивъ того говоритъ, что хотя 14 числа непріятель, превосходный силами, и потѣснилъ наше правое крыло, но не отважился преслѣдовать. На другой день Король, рѣшась или все потерять, или истребить Рускихъ, послѣ безполезнаго нападенія принужденъ былъ отступить. Умѣя и въ самой крайности пользоваться мѣстоположеніемъ, Король прикрылъ разстроенное войско свое обширнымъ лѣсомъ и болотистымъ

ручьемъ. *Фермордъ*, просноявъ на полѣ сраженія двое сутокъ, по причинѣ безводія, отступилъ къ *Гроссъ-Камину*. Король Прускій говоритъ, что онъ не учинилъ 15 числа рѣшительнаго нападенія по недостатку военныхъ снарядовъ. *Фермордъ* доносилъ, что хотя по причинѣ множества убитыхъ лошадей Рускіе обременены были собственными пушками и взятыми у непріятеля; но непріятель, находившійся въ полномъ движеніи, не отважился тревожить даже и *арріергарда*. Король же увѣряетъ, что онъ изъ *арріергарда* Рускихъ взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Сраженіе, одержанное Рускими при *Фирстенфельдѣ*, Прусаки называютъ *Цорндорфскою* побѣдою. При сей деревнѣ 14 Августа непріятель покушался обхватить наше лѣвое крыло, примкнувшее къ деревнѣ *Квартгенъ*, чтобы Король по превосходству силъ своихъ не обошелъ нашего войска. Деревня *Цорндорфъ*, прикрывавшая движенія Прусаковъ, была сожжена. Хотя *Фирстенфельдская* побѣда не споспѣшествовала къ внутреннему благосостоянію Россіи; но она принадлежитъ Рускимъ, удержавшимъ поле сраженія. Воины, проливающіе кровь свою для чести и славы

дорожашъ славою. *Фермора* утвердительно говоритъ, что непріятель былъ побѣжденъ и ни чѣмъ не можетъ похвалиться. Въ частныхъ письмахъ и Прусаки признавались, что естьлибъ Король не присутствовалъ лично при *Фирстенфельдскомъ* сраженіи, то Богъ знаетъ, какъ бы оно кончилось.

Среди ужасовъ войны еще сладостнѣе видѣть, что люди не забываютъ человѣчества. Рускіе воины, уважая мужество сопротивниковъ своихъ, пеклись о раненыхъ Прусакахъ, какъ о соотечественникахъ: такъ говоритъ Графъ *Салтыковъ* въ извѣстіяхъ *1759 года*. Въ семъ году военныя дѣйствія начались въ Маѣ мѣсяцѣ. Вскорѣ потомъ *Салтыковъ* назначенъ былъ предводителемъ Рускихъ войскъ вмѣсто *Фермора*. По соединеніи съ Австрійцами, Императрица Елисавета хотѣла, чтобы природный Россіянинъ начальствовалъ надъ Рускими полками. *Фермору*, не предаваясь ничтожнымъ порывамъ самолюбія, столь же ревностно дѣйствовалъ въ числѣ частныхъ Генераловъ, какъ и во время предводительства войсками. Непріятель былъ выгнанъ изъ Польши и оружіе Руское возгремѣло вну-

при Пруссіи. „Россіяне," говоритъ Король Прускій: „проходили Польшу отдѣленными отрядами; надлежало идти имъ на встрѣчу и сразиться съ ними. Успѣхъ въ томъ зависѣлъ отъ быстроты и благоразумія; Прускіе начальники не соблюли ни того, ни другаго. Отъ безпорядочныхъ, неосторожныхъ движеній и вредныхъ ссоръ, упустили они время и навлекли на Пруссію всѣ бѣдствія, постигшія ее 1759 года."

1 Августа 1759 года одержана надъ Прусаками достопамятная *Франкфуртская* побѣда. Король Прусскій самъ предводительствовалъ войсками, и, претерпя пораженіе, безпристрастно въ томъ признается. Въ Исторіи своей о *семилѣтней* войнѣ Фридрихъ говоритъ: „Король прикрывалъ отступленіе войскъ одною *батареею*, подкрѣпляемою *Лествицкимъ* полкомъ. При семъ случаѣ получилъ онъ *контузію*; позади его полкъ *піонеровъ* подвергся нападенію. Между тѣмъ пѣхота перешла уже насыпи и вступила въ прежній свой станъ. Король послѣ всѣхъ отступилъ и былъ бы непремѣнно взятъ непріятелями, естьлибъ *Притвицъ* не напалъ на нихъ со спа *гусарами*, чтобы дать ему время проѣхать

узкой переходъ. Конница отступила по прежней дорогѣ. Войска были въ такомъ безпорядкѣ, что отъ малѣйшаго крика Козаковъ пѣхота бѣжала, не оглядываясь.“

Въ сраженіи при *Франкфуртѣ* правымъ крыломъ начальствовалъ *Фермордъ*, серединою Графъ *Румянцевъ*, лѣвымъ крыломъ Князь *Голицынъ*. Австрійцы, присоединившіеся къ Рускимъ подъ начальствомъ Генералъ-Поручика Барона *Лаудона*, по недостатку мѣста, поставлены были позади праваго крыла. „Я легко могъ усмотрѣть,“ говоритъ Графъ *Салтыковъ*: „что по причинѣ гористыхъ, неровныхъ и узкихъ мѣстъ главное дѣло надобно будетъ рѣшить пѣхотѣ.“ Пѣхота Руская поддержала славу свою и рѣшила битву *Франкфуртскую*. Тщетно Король Прускій порывался разорвать ряды наши густою и необозримою *колонною*; онъ вездѣ встрѣчалъ отпоръ. *Ломоносовъ* въ Одѣ своей на побѣды, одержанныя надъ Прусаками 1759 года, разительною кистію изобразилъ стремительный напоръ и обезсиленіе непріятеля. Вотъ его слова:

„Подобно граду онъ густому,
„Летяще воинство стѣснилъ,
„Искалъ со стороны пролому,
„И рвался въ сердце нашихъ силъ;
„Но вихря крутость прежестока
„Въ стремленьи вѣчнаго потока
„Коль долго простираетъ ходъ?
„Обрушась пягостнымъ урономъ,
„Внезапно съ шумомъ, ревомъ, стономъ
„Преобратится въ сонмы водъ.“

Стихотворцы должны наблюдать дѣйствіе Героевъ, а Герои могутъ одушевляться *изображеніями пѣснопѣвцевъ*. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило упорнѣйшее сраженіе, принесено было благодареніе *Богу*, Подателю славы и побѣдъ. „*Естьли и* найдется побѣда,“ говоритъ Графъ *Салтыковъ* въ донесеніи своемъ: „славнѣе и совершеннѣе цой, которую мы одержали; *то* однакожъ ревность и искусство Генераловъ, а мужество, храбрость, послушаніе и единодушіе воиновъ должны навсегда остаться примѣромъ. Австрійцы при семъ случаѣ показали примѣръ согласія и единодушія союзныхъ войскъ.“

Побѣда одушевляетъ воиновъ; неудача праводитъ въ уныніе. По свидѣтельству *Фридриха* Втораго, скорбь овладѣла сердца-

ми Прусаковъ; напротивъ Рускіе Полководцы, торжествовавшіе подъ *Франкфуртомъ*, сами ѣздили обозрѣвать непріятелей и готовились превозмогать новыя опасности. Разсказываютъ, что *Суворовъ*, служившій тогда въ легкихъ войскахъ подъ начальствомъ Генерала *Берга*, послѣ *Франкфуртскаго* сраженія говорилъ товарищамъ своимъ: *Я бы прямо пошелъ къ Берлину!* Король Прускій повѣствуетъ, что Рускіе оставили станъ свой по недостатку подножнаго корма.

Хотя 1759 годъ ознаменовался блистательною славою, но, по обыкновенію того времени, съ наступленіемъ глубокой осени войска разположились на зимній постой. Дальновидность юнаго Героя *Суворова* была справедлива. Не ускоря походомъ къ *Берлину* послѣ *Франкфуртской* побѣды, промедлили занятіемъ онаго цѣлый годъ. Полагаютъ также, что причиной сего промедленія были несогласія, почти всегда происходящія между союзными войсками. Тщетны однако были усилія Фридриха къ охраненію столицы своей; тщетно говорилъ онъ, что пожертвуетъ послѣднимъ человѣкомъ, но не допуститъ Рускихъ до

Берлина; сей городъ занятъ былъ союзными войсками 26 Сентября 1760 года. При семъ случаѣ особенно отличились Графъ *Чернышевъ* и Графъ *Панинъ*. Адъютантъ сего послѣдняго Капитанъ *Панинъ*, съ двадцатью пятью Козаками подалъ примѣръ Бригадиру *Краснощокову* и гусорскому Полковнику *Подгоричанину*, напасть на Прускій *арріергардъ*. „Однимъ словомъ,“ говоритъ Графъ *Салтыковъ*: „всѣ и каждый отъ перваго до послѣдняго старались исполнять свою должность.“

Въ концѣ 1760 года, за болѣзнію Графа *Салтыкова*, назначенъ былъ предводителемъ Рускихъ войскъ Графъ Александръ Борисовичъ *Бутурлинъ*.

Въ продолженіи зимы 1761 года Король Прускій, сносясь съ Крымскимъ *Ханомъ* и съ Портою *Оттоманскою*, старался возбудить ихъ противъ Австріи и Россіи: Туркамъ совѣтовалъ онъ безпокоить Австрійцевъ, Татаръ вызывалъ къ набѣгамъ на Россію. Такъ повѣствуетъ *Фридрихъ* въ Исторіи своей о *семилѣтней* войнѣ.

Подъ предводительствомъ *Бутурлина* военныя дѣйствія открылись въ Маѣ мѣсяцѣ. Хотя главныхъ сраженій не было,

но Рускіе продолжали отличаться и въ частныхъ бояхъ. Въ сіе время Руская слава возвѣстила имя *Суворова* и навсегда избрала его своимъ любимцемъ. 15 Сентября Полковникъ *Зоричъ* и Подполковникъ *Суворовъ* при *Бернштейнѣ* истребили при непріятельскіе эскадрона. Вскорѣ потомъ *Суворовъ* отличился при деревнѣ *Вестентитѣ*. Съ однимъ *эскадрономъ* напалъ онъ на вспомогательный отрядъ, многихъ поразилъ, взялъ въ плѣнъ 40 человѣкъ, а оставльныхъ преслѣдовалъ около трехъ верстъ. По донесенію Генералъ-Маіора *Берга*, Суворовъ отличную показалъ храбрость въ мѣстечкѣ *Голнау*. Ворвавшись въ оное, онъ гналъ непріятелей въ улицахъ и черезъ мостъ. Сіи подвиги юнаго Героя предвѣщали, что онъ и въ преклонныя лѣта будетъ гремѣть *быстротою*, *внезапностью* и *натискомъ*, присовокупя къ тому осторожность, утвержденную долголѣтнимъ опытомъ.

Въ Октябрѣ 1761 года Графъ Румянцевъ окончилъ военныя дѣйствія взятіемъ *Колберга*. Отразя Принца *Виртембергскаго*, покушавшагося освободить крѣпость отъ осады Румянцевъ послалъ сказать Комменданту *Гейде*: „Всѣ усилія Принца *Виртенберг-*

скаго уничтожены; онъ не можетъ подать вамъ помощи: онъ разбитъ, прогнанъ и въ крѣпости сдѣланъ проломъ. Помышляйте теперь объ отвѣтѣ не передъ *Колбергомъ*, но передъ Богомъ въ напрасномъ погубленіи невинныхъ людей. Я все употреблю къ совершенію воли моей Государыни, и тогда по справедливости все принужденъ буду отдать побѣдителямъ.“

Крѣпость сдалась. Высокомѣрныя требованія *Коменданта* были отринуты; предоставлено только то, что сходно съ человѣколюбіемъ и милосердіемъ къ побѣжденнымъ. Прускимъ войскамъ, находившимся въ крѣпости, за постоянную и храбрую оборону *Румянцевъ* позволилъ выдти съ барабаннымъ боемъ и попомъ сдаться военнопленными. „Я тѣмъ болѣе цѣню мое благополучіе“ писалъ покоритель *Калберга* къ Елисаветѣ: „что, по расчисленію моему, сіе первое мое извѣстіе дойдетъ къ торжественному дню рожденія Вашего Императорскаго Величества.“ Елисавета была уже на шагъ отъ гроба, когда получили въ Столицѣ извѣстіе о взятіи *Колберга*.

Императрица Елисавета, скончавшаяся 25 Декабря 1761 года, жила 52 года и цар-

ствовала 20 лѣтъ. Рожденіе и кончина ея ознаменованы славою Россіи. Елисавета родилась въ то самое время, когда Петръ Первый вступилъ съ торжествомъ въ Москву; смерть постигла ее по одержаніи послѣдняго успѣха въ Пруссіи. При ней 1747 года Санктпетербургская *Академія* получила особенный Уставъ; при ней въ 1753 году отмѣнена была смертная казнь; при ней учрежденъ въ Москвѣ *Университетъ* 1755 года; при ней гремѣлъ *Ломоносовъ*, а *Сумороковъ* плѣнялъ сердца изображеніемъ нѣжности и любви; при ней положено основаніе Россійскому *Театру*. Федоръ Григорьевичъ *Волковъ*, сынъ *Костромскаго* купца, завелъ въ Ярославлѣ *театральныя* представленія, и 1752 года вызванъ былъ ко Двору. Ненавистникъ Россіи, *Биронъ*, даже и забавами старался уничижать духъ Рускихъ. Онъ заставлялъ дурачиться потомковъ знаменитѣйшихъ Рускихъ Вельможъ; онъ выписалъ изъ Италіи скомороха *Педрилц*, нажившаго площадными шутками *двадцать* тысячь рублей. При *Биронѣ* построенъ былъ на Невѣ ледяный домъ, въ которомъ праздновали свадебное

игрище (*). Въ правленіе Елисаветы установились невинныя удовольствія, оживляющія сердце и разумъ. По шерніямъ жизни нужно разсыпать цвѣты; Словесность производитъ сіе очарованіе. *Театральныя* зрѣлища, изображающія любовь къ Отечеству, торжество добродѣтели и паденіе злодѣйства, служатъ къ пользѣ и къ удовольствію общественному. Отъ злобы лютаго *Бирона* тысячи Россіянъ бѣжали въ *Польшу*, въ *Молдавію*, въ *Валлахію*; Кроткая Елисавета, желая возвратить Отечеству природныхъ его сыновъ, 1750 года начала населять *Новороссійскую* область.

Отъ благодѣтельнаго попеченія милосердой Матери народа процвѣли степи и оживотворились пустыни. При Елисаветѣ, украшавшейся благочестіемъ и путешествовавшей пѣшкомъ въ Кіевъ, обрѣтены мощи *Димитрія Ростовскаго*; при ней изъ перваго серебра, найденнаго въ странахъ Россіи, устроена рака для Мощей Александра *Невскаго*. Въ злополучное царствованіе Анны,

---

(*) См. о сихъ подробностяхъ во второй Части Рускаго перевода *Манштейновыхъ* Записокъ отъ стр. 63 й до стр. 69 й.

Россія страдала нѣсколько лѣтъ сряду отъ неурожая; при Елисаветѣ и природа, какъ будто бы сообразуясь съ благодушіемъ ея, позлащала нивы обильными жатвами; житницы наполнялись сокровищами земледѣлія и дешевизна повсюду водворялась. „По горячей, истинно материнской любви къ подданнымъ,“ говоритъ Князь Шаховскій, бывшій когда Генералъ-*Прокуроромъ*: „Елисавета издала Указъ о возстановленіи правосудія, потрясеннаго пристрастіемъ и корыстью. Въ семъ достопамятномъ Указѣ сказано, что *каждый истинный сынъ своего Отечества, памятуя страхъ Божій и обязанность свою, долженъ почитать Отечество свое родствомъ, а честность дружбою.*“

И при лучшихъ Царяхъ бываютъ злоупотребленія: были и при Елисаветѣ временщики, забывавшіе для личныхъ пользъ своихъ *Отечество* и *честь*. Но природные сыны Россіи, наслаждаясь преимущественнымъ вниманіемъ благодѣтельной Государыни, *жители* городовъ и поселяне, цѣня любовь и милосердіе, назвали царствованіе Елисаветы *золотымъ временемъ*. Знаменитые Чиновники, испытавшіе правоту ея души, повергаясь у гроба ея, со слезами

восклицали : *Свидѣтельница и защитница дѣлъ нашихъ ! мы безъ тебя осиротѣли !*

Обозрѣніе политическихъ произшествій Европейскихъ отъ исхода 1761 г. до кончины Императрицы Елисаветы, почерпнутое изъ сочиненій Фридриха Втораго, Короля Прусскаго (1).

„Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ потери *Швейдница* и когда Король былъ въ *Штреленѣ*, а Рускіе осаждали въ Помераніи *Колбергъ* и войска Принца *Мекленбургскаго*, къ Королю прибыло посольство отъ Ташарскаго Хана. Посломъ былъ Ханскій брадобрей. Это покажется страннымъ предубѣжденнымъ людямъ, судящимъ обо всемъ по своимъ обычаямъ ; но ето существуетъ на Востокѣ, гдѣ нѣтъ природнаго дворянства, и гдѣ тѣ *первыми* почитаются, которые ближе къ Особѣ своего Владыки. Сей брадобрей или посолъ представилъ грамоту. Ташары, вступая въ союзъ съ Королемъ, предлагали ему за деньги шестнадцать тысячь вспомогательнаго войска. Въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ Ко-

---

(1) Король Фридрихъ въ Исторіи своей всегда говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

роль не только принялъ сію помощь, но, предоставя брадобрею право договариваться о платѣ Татарскимъ войскамъ, щедро его наградилъ, снабдилъ подарками къ Хану и въ сопутники ему назначилъ молодаго *Гольца*, чтобы ускорить довершеніе условій и привесть вспомогательное войско въ *Венгрію*, гдѣ намѣревались развлечь ими силы *Маріи Терезіи*. Г. *Боскаль*, Королевскій Повѣренный въ *Бахчисараѣ*, обязанъ былъ неусыпно стараться о томъ, чтобы склонить Хана къ набѣгамъ на Россію, ибо при первыхъ непріятельскихъ покушеніяхъ и Порта принужденабъ была подкрѣпить Татаръ, оставя по неволѣ прежнее свое упорство къ войнѣ съ Россіей. Успѣвъ въ семъ предпріятіи, Король выручилъ бы изъ рукъ Россіянъ Померанію и предохранилъ бы другія свои области отъ угрожавшей имъ опасности. Татары, долженствовавшіе вторгнуться въ *Венгрію*, былибъ усилены спроевымъ Прускимъ войскомъ; но *Марія Терезія*, отдѣля вдвое болѣе своихъ войскъ, ослабилабъ силы, дѣйствовавшія противъ Прусаковъ. Всѣ получаемыя извѣстія изъ Константинополя обнадеживали скорымъ заключеніемъ оборони-

тельнаго союза съ *Портою*; но сія надежда была сомнительна. Великій *Визирь*, и по преклонныхъ лѣтамъ своимъ и по незнанію военнаго ремесла, опасался подвергнуть превратностямъ войны силу свою при Дворѣ: вотъ почему, тѣсно соединясь съ *Муфтіемъ*, отвергалъ онъ доводы сопротивниковъ своихъ, сильно домогавшихся разорвать союзъ съ Австріей. Такой преждевременный разрывъ *Муфтій* называлъ нарушеніемъ Магометова закона. Не взирая на то, по странностямъ, свойственнымъ уму человѣческому, *Порта* отправила въ Венгрію сильное отдѣленіе *Янычаръ*. Собранное ею ополченіе простиралось до *ста* тысячъ. *Паши* придвинули войска свои и составили цѣпь вдоль Австрійскихъ границъ. Это много значило для Порты, но не для Пруссіи; послѣдней нужна была дѣйствительная помощь. Король, въ цѣлой Европѣ полагая всю надежду свою на Турцію, снова употребилъ всѣ средства и въ *Константинополѣ* и въ *Бахчисараѣ*, чтобы подвигнуть Турокъ и Татаръ къ рѣшительнымъ предпріятіямъ. Зимою прибывшій новый посолъ отъ Хана подтвердилъ обѣщанія прежняго *посла бродобрея* и удосто-

вѣрилъ, что Ханъ выставитъ къ веснѣ сорокъ тысячь Татаръ, что и было исполнено; онъ также говорилъ, что будетъ дѣйствовать по желанію Короля; но это не сбылось. Съ новымъ посломъ отправлены были къ Хану новые дары.

„Король старался вооружить Востокъ противъ Австріи и Россіи, а въ Англіи дѣла часъ отъ часу запутывались. Франція отправила туда Г. *Бюсси* съ предложеніями мира. Дворъ Версальскій мечталъ, что присутствіе Французскаго Повѣреннаго усыпитъ Англинское Министерство; но онъ въ ожиданіи своемъ обманулся. По видимому, Министерство не слишкомъ ревностно содѣйствовало морскимъ вооруженіямъ Англичанъ; но въ продолженіи переговоровъ Англичане взяли замокъ *Бель-Иль*, овладѣли городомъ *Пондишери* въ Восточной Индіи и разрушили тамъ важныя заведенія торговаго Французскаго общества. *Политическій бой* Французовъ продолжался въ Лондонѣ до исхода 1761 года. Видя, что одними увертливыми и хитрыми переговорами не льзя ни въ чемъ успѣть, *Шоазель* привлекъ на свою сторону Гишпанію. Въ силу *родственнаго союза* Бурбоновъ, пред-

положено было *во первыхъ* дѣйствовать нераздѣльно; *во вторыхъ* требовать, чтобы Англичане прекратили грабительство на моряхъ, и рубку *кампешскаго* Американскаго красильнаго дерева; *въ третьихъ*, чтобы Гишпанія немедленно напала на Португалію. И такъ въ Европѣ изъ всѣхъ частей свѣта стекались новые предлоги къ войнѣ. Что же такое значитъ такъ называемое общественное право?

„Французы безъ оплагательства употребили въ пользу свою договоръ Г. де *Бюсси*. Предписано было отъ имени Короля Гишпанскаго требовать кораблей, похищенныхъ Англичанами у Гишпанцевъ и особенно, чтобы они прекратили рубку Американскаго *кампешскаго* дерева. Сіе предложеніе было *яблоколъ раздора*, раздѣлившимъ все Англинское Министерство. *Питтъ* (*) и *Бютъ* были главою онаго; и оба были различныхъ свойствъ. *Питтъ* одушевлялся величественными предпріятіями, полезными отечеству, которое любилъ; *Бютъ*, прежній Королевскій наставникъ,

(*) Отецъ славнаго Питта, управлявшаго Англинскимъ Министерствомъ во время Французскаго мятежа.

честолюбивый, но въ дѣлахъ неискусный, домогался первенствовать подъ сѣнію верховной власти. Онъ почиталъ правила чести паутинною сѣтью, и мечталъ, что, доставя Англіи миръ, онъ будетъ обогощворяемъ народомъ. Онъ обманулся въ расчетахъ своихъ и подвергся общей ненависти. *Питтъ* убѣжденъ былъ, что Гишпанія стремилась къ войнѣ и потому желалъ, чтобы на нее напали внезапно; *Бютъ* возражалъ, что легче переговариваться въ *Мадритѣ* о миръ, нежели сбирать для войны новыя подати въ *Лондонѣ*. Мнѣніе *Бюта* принято было въ Королевскомъ Совѣтѣ. Огорченный *Питтъ* и товарищи его оставили Министерство. Торжествующій *Бютъ* учредилъ новый совѣтъ и былъ душою онаго. Вскорѣ произшествія доказали, что *Питтъ* судилъ о Гишпаніи какъ человѣкъ Государственный, а *Бютъ* потерялъ въ переговорахъ время, нужное для войны. Англичане принуждены были помогать Королю Португальскому; побѣды, одержанныя ими на морѣ, принадлежали Питту, который, бывъ еще Министромъ, заранѣе все приготовилъ. При *Бютѣ* усилилась непріязнь между Пруссіей и Англіей; *Бютъ* отказалъ

въ деньгахъ, платимыхъ дополѣ Англичанами Королю; онъ надѣлся, что симъ отказомъ заставитъ его заключить вынужденный миръ. Сей Англинскій Министръ думалъ, что деньги всесильны и что въ одной только Англіи есть деньги. Но отъ чего зависятъ великія предпріятія въ семъ мірѣ? Россійская Императрица Елисавета умерла; смерть ея обманула всѣхъ Европейскихъ политиковъ, и въ одно мгновеніе разрушила всѣ долговременные ихъ замыслы."

Фридрихъ весьма справедливо замѣчаетъ, что одно неожиданное обстоятельство можетъ уничтожить всѣ высокопарные замыслы. Для чего же онъ около половины осмнадцатаго столѣтія устремился *къ необычайнымъ замысламъ?* Въ послѣдствіи узнавъ, до чего доводятъ сіи *необычайныя предпріятія*, онъ писалъ къ другу своему Маркизу *Даржансу*: „Я въ разсужденіи переписки нахожусь какъ будто бы въ осадѣ. Мнѣ нужно было предпринять стычку, чтобы отправить къ вамъ письмо. Рускіе окружаютъ насъ со стороны *Одера*, а Австрійцы съ другой стороны. Никогда не былъ я въ такихъ затруднительныхъ

обстоятельствахъ; развѣ какимъ нибудь чудомъ освобожусь отъ угрожающихъ мнѣ опасностей. Я исполню свой долгъ; но я не въ силахъ повелѣвать щастіемъ: я принужденъ полагаться на одинъ случай."

ПЕТРЪ ТРЕТІЙ (*).

Смерть Императрицы Елисаветы произвела общую перемѣну въ дѣлахъ Европейскихъ. Уже Пруссія была на шагъ отъ погибели; Франція и Австрія предоставляли ее въ обладаніе Россіи: дружба и уваженіе Петра *Третьяго* къ Фридриху спасли Пруссію и уничтожили намѣренія союзниковъ. *Гудовичъ*, посланный съ поздравительнымъ письмомъ къ Принцу *Цербтскому*, представленъ былъ Королю. При отпускѣ *Гудовича* Фридрихъ препоручилъ ему сказать Императору, что происки Австріи были причиною войны Пруссіи съ Россіей. Въ слѣдъ за Гудовичемъ *Гольцъ*

(*) Всѣ предложенныя здѣсь подробности почерпнуты изъ Рускихъ печатныхъ книгъ: изъ Исторіи Нехачина, изъ Дѣяній Екатерины Второй и изъ жизни Миниха.

отправился Посломъ въ Петербургъ. Петръ *Третій* возвратилъ Королю Прусскому всѣ завоеванія, не требуя никакой уступки и никакого вознагражденія. Фридрихъ, называя сей миръ необычайнымъ произшествіемъ, прибавляетъ: „Мы обходились съ Петромъ не по примѣру прочихъ владѣльцевъ, но какъ искренніе друзья.“ Въ слѣдствіе сей дружбы, или лучше сказать въ слѣдствіе неограниченнаго пристрастія къ *Фридриху*, *Петръ приказалъ* Графу Чернышеву оставить союзниковъ, присоединиться къ Прусакамъ и дѣйствовать противъ Австрійцевъ. Всѣ *блистательныя* надежды, обольщавшія Австрію, *изчезли*; въ войскѣ *Лаудона* свирѣпствовала повальная *болѣзнь*; *торжественные клики* превратились въ вопль отчаянія. Едва подоспѣлъ первый отрядъ козаковъ къ Прусакамъ, они *усилили* нападеніе на отводные караулы Цесарцевъ. По признанію самаго Фридриха, съ сего времени Австрійцы не отваживались отдаляться отъ стана своего.

Между тѣмъ, когда происходила перемѣна въ областяхъ Европейскихъ, *Минихъ*, вызванный изъ Сибири, явился опять

въ Столицѣ и получилъ прежнія достоинства. Привѣтствуя его, Петръ спросилъ: „Позволяютъ ли вамъ лѣта ваши продолжать службу?“ Старый Полководецъ, восхищенный милостію новаго Императора, отвѣчалъ: „Богъ возвелъ Ваше Величество на престолъ обширнѣйшей Державы, Богъ вручилъ вамъ народъ многочисленный, народъ Рускій, съ которымъ никто не можетъ сравниться въ силѣ и мужествѣ, но въ то же время Всевышній возложилъ на васъ тяжкое бремя: вы должны довершить предпріятія Петра Великаго; а я отъ ревностной души посвящаю Вашему Величеству послѣднія мгновенія моей жизни.“

Ввечеру того же дня, когда Минихъ представлялся Императору, прибылъ ко Двору и *Биронъ*, содержавшійся въ Ярославлѣ. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, хотя честолюбіе угасло въ сердцахъ сихъ двухъ соперниковъ, но корысть возбудила новую вражду. Баронство *Вартенбергъ*, купленное въ Шлезіи Бирономъ, по низверженіи его взято было въ казну и подарено Миниху; когда же и Минихъ испыталъ превратность щастія, тогда Король Прускій, отобравъ *Вартенбергское*

помѣстье, приказалъ разпоряжать онымъ въ пользу Миниха. Биронъ выкупилъ у Миниха имущество свое. Распря, возбужденная корысполюбіемъ, прекратилась; но ненависть не оставила сердецъ соперниковъ, гнавшихъ другъ друга на скользкомъ пути честолюбія.

Обольщая Петра Третьяго посредничествомъ своимъ, Король Прусскій требовалъ, чтобы Данія уступила Россійскому Императору *Голштинію*. Благоразумный Минихъ убѣждалъ Государя не вступать во вражду съ Датскимъ Дворомъ; но Петръ, отвергая ревностныя его представленія, отвѣчалъ: „Я отправлю Короля Датскаго въ Малабаръ?“ Произнося сіи слова, Петръ не предвидѣлъ, что вскорѣ самъ лишится власти.

Увлекаясь часъ отъ часу болѣе пристрастіемъ къ Королю Прускому, Императоръ принялъ чинъ въ его службѣ и преобразовалъ войско по примѣру Прусаковъ. Минихъ, зная духъ Рускихъ, съ которыми увѣковѣчилъ имя свое на военномъ поприщѣ, совѣтовалъ Государю отмѣнить сіе нововведеніе; убѣжденія его снова были отринуты.

Упорствуя въ сихъ перемѣнахъ, оскорбляющихъ воиновъ, изъявляя непомѣрное уваженіе къ Фридриху, недавно трепетавшему отъ оружія Россіянъ, Петръ огорчалъ народъ; вруча Королю Прусскому войска, отдѣленныя отъ семилѣтнихъ союзниковъ, Императоръ раздражилъ противъ себя Европу. Но главнымъ его нещастіемъ было несогласіе съ супругою. Сія вражда началась еще въ царствованіе Императрицы. Малодушные ласкатели, видя особенную любовь Елисаветы къ умной Екатеринѣ, старались возбуждать въ Петрѣ подозрѣніе и недовѣріе. Рожденіе Наслѣдника, воспослѣдовавшее 20 Сентября 1754 года, прекратило на время сіи происки; но оные вскорѣ возобновились. Пронырство злоумышленниковъ, ненависть и порывы страстей отдалили Петра отъ Екатерины. По странному стеченію обстоятельствъ, двѣ родныя сестры, извѣстныя знаменитою породою, держались двухъ различныхъ сторонъ. Одна занимала сердце, охладѣвшее къ Екатеринѣ; другая, по приверженности къ пренебреженной супругѣ, желала ее видѣть на престолѣ.

Хотя грозныя тучи скоплялись надъ главою Петра, хотя *Фридрихъ* извѣщалъ его, чтобы онъ принялъ мѣры осторожности и поспѣшилъ вѣнчаться на Царство; но Петръ, предаваясь вихрю разсѣянности, забавлялся обученіемъ въ Ораніенбаумѣ *Голштинскихъ* полковъ своихъ.

Между тѣмъ ревностные приверженцы Екатерины, прибывъ въ Петергофъ, убѣждали ее именемъ Отечества вступить въ управленіе Государства. Екатерина поспѣшила въ Столицу, гдѣ все уже приготовлено было къ принятію ея. Въ воинскомъ одѣяніи и на конѣ явилась она предъ полками. Лице ея, блиставшее красотою и мужествомъ, убѣдительныя рѣчи, общее мнѣніе, что она любитъ Рускихъ и Россію, — все сіе привлекало къ ней сердца и души. Вскорѣ присягнуло войско; народъ ликовалъ. По церквамъ объявлено о причинахъ, побудившихъ Екатерину ополчиться за Отечество. Такими произшествіями ознаменовался день 28 Іюня 1762 года. Петръ Третій, приготовляясь къ празднеству 29 Іюня, ничего еще не зналъ о томъ, что совершилось въ Столицѣ. Придворные его или ничего не видали, или не умѣли ничего видѣть. Хотя и Минихъ на-

ходился при Императорѣ, но двадцатилѣтнее пребываніе въ Сибири раззнакомило его съ Дворомъ и съ происками Царедворцевъ. Среди новыхъ ласкателей и временщиковъ Минихъ казался выходцемъ изъ другаго свѣта. Въ самый тотъ часъ, когда все уже готово было къ отъѣзду въ Петергофъ, когда всѣ придворные занимались мыслію о блестящемъ празднествѣ, въ самой тотъ часъ Петръ узналъ, что у него уже нѣтъ престола. Престарѣлый Минихъ, одушевленный ревностію къ благодѣтелю своему, совѣтовалъ Петру немедленно плыть въ Кронштатъ; но злополучный Государь, занявшись безполезнымъ разпоряженіемъ своихъ *Голитинцевъ*, упустилъ тотъ важный мигъ, который въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ никогда уже не возвращается. Потерявъ благопріятное время, Петръ поплылъ въ Кронштатъ, и приближась къ нему, услышалъ сей громоносный приговоръ: „У насъ нѣтъ Императора!“ Пылая усердіемъ и мужествомъ, Минихъ убѣждалъ изгнанника плыть къ Ревелю, поспѣшить въ Пруссію, принять начальство надъ Рускимъ войскомъ, находившимся тамъ, и вооруженною рукою

возвратишь престолъ и Царство. Не рѣшась на сей отважный подвигъ, Петръ отплылъ въ Ораніенбаумъ и письменно объявилъ себя неспособнымъ управлять Государствомъ. Трудно опредѣлить, добровольно ли онъ, или принужденно учинилъ сіе отреченіе. Онъ просилъ, чтобы ему позволено было удалиться въ Голштинію съ Елисаветою *Воронцовою* и съ *Гудовичемъ*; на сію прозьбу воспослѣдовалъ отказъ. 29 Іюня Петръ отрекся отъ престола, а Іюля 6 скоропостижно скончался. Сія смерть произвела въ Европѣ много шума, догадокъ и предположеній. Есть обстоятельства, съ которыхъ едва ли можно снять завѣсу; есть обстоятельства, въ которыхъ судія, одинъ Богъ, видящій то, что сокрыто отъ взоровъ смертныхъ. Нѣкоторыя произшествія не подлежатъ изслѣдованію современнаго Историка; онѣ созрѣваютъ и объясняются въ потомствѣ.

Конецъ осьмой Части.